

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
«ХУДЖАНДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ
АКАДЕМИКА БОБОДЖОНА ГАФУРОВА»**

На правах рукописи

ОЛИМДЖОНОВ МУСО ОБИДОВИЧ

**СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КОМПОЗИТОВ
В ПОЭЗИИ БЕДИЛЯ**

(на примере композитов типа татпуруша)

Диссертация

на соискание ученой степени доктора филологических наук
по специальности 5.9.6. Языки народов зарубежных стран
(таджикский язык) (языки народов зарубежных стран Европы, Азии,
Африки, аборигенов Америки и Австралии)

Научный консультант:

доктор филологических наук
Хасанзода Абдужамол Ашраф

СОДЕРЖАНИЕ

СОКРАЩЕНИЯ	5
ВВЕДЕНИЕ	6
ГЛАВА I. КОМПОЗИТЫ: КЛАССИФИКАЦИЯ И ИХ МЕСТО В ПОЭЗИИ БЕДИЛЯ	22
I.1. Классификация сложных слов в лингвистике.....	22
I.2. Место композитов в поэзии Бедия	54
ГЛАВА II. КОМПОЗИТЫ ТИПА ТАТПУРУША С ТАДЖИКСКИМИ КОМПОНЕНТАМИ	79
II.1. Модель «имя существительное + имя существительное»	79
II.2. Модель «имя существительное + имя прилагательное».....	91
II.3. Модель «имя существительное + основа настоящего времени глагола».....	96
II.4. Модель «имя существительное + основа прошедшего времени глагола».....	108
II. 5. Модель «имя существительное + причастие».....	112
II. 6. Модель «имя прилагательное + имя существительное».....	116
II.7. Модель «имя прилагательное + основа настоящего времени глагола».....	120
II.8. Модель «имя прилагательное + основа прошедшего времени глагола».....	124
II. 9. Модель «имя прилагательное + причастие».....	125
II. 10. Модель «местоимение + имя существительное».....	127
II. 11. Модель «местоимение + основа настоящего времени глагола»...127	127
II. 12. Модель «местоимение + причастие».....	129
II. 13. Модель «основа прошедшего времени + имя существительное».130	130
II. 14. Модель «причастие + имя существительное».....	131
II. 15. Модель «причастие + имя прилагательное».....	131
II. 16. Модель «причастие + основа настоящего времени глагола».....	132
II. 17. Модель «наречие + имя существительное».....	132

II. 18. Модель наречие + основа настоящего времени глагола.....	133
II. 19. Модель «наречие + причастие».....	134
ГЛАВА III. КОМПОЗИТЫ ТАТПУРУША С ТАДЖИКСКИМИ И ЗАИМСТВОВАННЫМИ КОМПОНЕНТАМИ.....	138
III.1. Татпуруша с одним таджикским и одним заимствованным компонентом.....	138
III.1.1. Татпуруша типа «арабское слово + таджикское слово».....	138
III.1.2. Татпуруша типа «индийское слово + таджикское слово».....	179
III.1.3. Татпуруша типа «греческое слово + таджикское слово».....	182
III.1.4. Татпуруша типа «тюркское слово + таджикское слово».....	185
III.1.5. Татпуруша типа «таджикское слово + арабское слово».....	186
III.1.6. Татпуруша типа «таджикское слово + индийское слово».....	194
III.1.7. Татпуруша типа «таджикское слово + греческое слово».....	195
III.2. Татпуруша с двумя зависимыми компонентами.....	196
III.2.1. Татпуруша типа «арабское слово + арабское слово».....	196
III.2.2. Татпуруша типа «греческое слово + арабское слово».....	203
III.2.3. Татпуруша типа «тюркское слово + арабское слово».....	203
III.2.4. Татпуруша типа «арабское слово + тюркское слово».....	204
ГЛАВА IV. СПЕЦИФИЧЕСКИЙ СТИЛЬ БЕДИЛЯ В ОБРАЗОВАНИИ КОМПОЗИТОВ.....	207
IV.1. Собственно татпуруша в поэзии Бедия.....	207
IV.1.1. Татпуруша типа «таджикское слово + таджикское слово».....	208
IV.1.2. Татпуруша типа «арабское слово + таджикское слово».....	211
IV.1.3. Татпуруша типа «таджикское слово + арабское слово».....	212
IV.2. Многокомпонентные композиты в поэзии Бедия.....	213
IV.2.1. Трехкомпонентные композиты.....	213
IV.2.2. Четырехкомпонентные композиты.....	220
IV.2.3. Пятикомпонентные композиты.....	222
IV.3. Роль отдельных лексических единиц в образовании композитов... 	226
IV.3.1. Таджикские лексемы и их роль в словосложении.....	227

1. Лексема «оина» и её роль в словосложении.....	227
2. Лексема «обила» и её роль в словосложении.....	232
3. Лексема «оташ» и её роль в словосложении.....	236
4. Лексема «гавхар» и её роль в словосложении.....	244
5. Лексема «сар» и её место в словосложении.....	251
IV.3.2. Арабские лексемы и их роль в словосложении.....	267
1. Лексема «нафас» и её роль в словосложении.....	267
2. Лексема «тараб» и её роль в словосложении.....	275
3. Лексема «хавас» и её роль в словосложении.....	279
4. Лексема «хайрат» и её роль в словосложении.....	287
5. Лексема «чунун» и её место в словосложении.....	292
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	300
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	307

СОКРАЩЕНИЯ

1. ант. - антоним
2. ВАК – Высшая аттестационная комиссия
3. вар. - вариант
4. вв. - века
5. в.ч. – вторая часть
6. г. – год / город
7. ГОУ – Государственное образовательное учреждение
8. ГУ – Государственное учреждение
9. дис... докт. филол. наук – диссертация доктора филологических наук
10. дис... канд. филол. наук – диссертация кандидата филологических наук
11. и др. – и другие
12. и т.д. – и так далее
13. Изд-во – издательство
14. М. – Москва
15. п.ч. – первая часть
16. полисем. – полисемантический
17. РТ – Республика Таджикистан
18. С. / с. – страница / страницы
19. син. – синоним
20. см. – смотрите
21. СПб – Санкт-Петербург
22. Т. / т. – том
23. т.е. – то есть
24. ТНУ – Таджикский национальный университет
25. указ. соч. – указанное сочинение
26. ХГУ – Худжандский государственный университет
27. ч. – часть

ВВЕДЕНИЕ

Диссертационное исследование посвящено изучению и анализу структурно-семантических особенностей композитов в поэзии Мирзо Абдулкадыра Бедиля, известного под псевдонимом Абульмаони (Отец смыслов). Из-за обилия фактического материала к анализу в диссертации привлечены только композиты типа татпуруша и многокомпонентные сложные слова.

Актуальность темы исследования заключается в том, что словообразование благодаря исследованиям большого числа отечественных и зарубежных ученых [см.: 49; 89; 94; 96; 125; 149; 150; 152; 153; 154; 161; 162; 165-166; 170; 173; 176; 183; 184; 185; 186; 196-199; 200; 202-206; 207; 213; 215; 216; 220-222; 229; 232-233; 237; 238; 243-244; 251; 252; 253-254; 256; 273; 277; 281; 282; 284 и т.д.] признано в современной лингвистике одним из самостоятельных направлений. В связи с этим академик В.В. Виноградов отмечает: «Вопросы словообразования должны возбудить глубокий интерес ...специалистов по самым разнообразным языкам мира. Словообразование как научная дисциплина должна занять важное место в кругу других областей языкознания» [167, 220]. В таджикском языкознании структурно-семантическим особенностям композитов уделено недостаточное внимание. Например, не уделено должного внимания исследованию таджикского литературного языка XVII-XVIII веков, в то время как изучению своеобразия развития таджикского литературного языка в X-XVI вв., а также в первой половине XIX и в начале XX века посвящен целый ряд научных трудов [см.: 18; 19; 41; 46; 50-51; 68; 100-101; 107; 123-124; 137; 138; 139; 141; 146; 153; 173; 176; 178; 191; 192; 196-199; 200; 236; 239; 248; 250 и т.д.].

Изучение и обобщение научно-исследовательских работ по теме диссертации показывает, что научному осмыслению жизненного пути и творческого наследия, а также художественно-философских воззрений Абульмаони посвящено большое количество научно-критических трудов [см.: 15; 16-17; 60; 62-65; 72-74; 82-88; 122; 126-127; 128; 147; 148; 158-160; 217;

234-235; 258; 259; 261; 263; 264; 275; 276; 278; 280; 301 и т.д.], однако языковые особенности поэзии этого неординарного художника слова в какой-то мере остались за рамками научного осмысления. Именно это обстоятельство обусловило выбор темы настоящей научной работы. В связи с этим исследование структурно-семантических особенностей сложных слов в поэзии Бедиля представляется своевременным и весьма актуальным, поскольку изменение лексического состава является одной из значимых закономерностей развития таджикского языка [см.: 209, 131]. В свою очередь словосложение считается важным фактором развития лексического состава, и, поскольку сложение сложных слов превалирует над морфологическим способом [см.: 209, 131], исследование данной проблемы, на наш взгляд, представляет большую ценность.

Степень изученности темы. Во всех языках слово как самостоятельная единица служит для обозначения предметов и понятий, однако большинство понятий невозможно выразить существующими словами. По этой причине некоторые лексические единицы становятся многозначными или для выражения новых предметов и понятий, согласно внутренним законам языка, образуются новые слова. Этот фактор, несомненно, способствует обогащению словарного состава каждого языка.

Способы создания новых слов с давних времен находятся в центре внимания исследователей, о чем, в частности, свидетельствуют и научные труды персидско-таджикских мыслителей.

Хотя в работах средневековых ученых и не произведено специального исследования способов словообразования, однако в научных трудах, посвященных ритмике и синтаксису, а также в предисловиях к толковым словарям в той или иной мере отражены важнейшие особенности словообразования. В ходе исследования научных трудов таджикско-персидских ученых профессор Д. Ходжаев приходит к выводу: «Наша лингвистика (таджикская – О.М.) имеет исторические корни» [118, 6]. Изучение лингвистической мысли предков: аль-Фараби, Авиценна, Шамса Кайса Розы, Ходжи Хасана Нисори и других убеждает в том, что в

их трудах по большей части содержатся важные сведения о способах образования производных лексем, а моделям и способам образования композитов уделено меньше внимания.

С другой стороны, в их высказываниях в известной степени наблюдается смешение понятий. Так, Абунастр Фараби делит слова на простые и сложные, однако из последующих размышлений ученого явствует, что под термином «сложные слова» он подразумевает предложение и в качестве примера приводит предложение «Человек – животное, и Амр – белое». Однако в разделе «Наука о сложном слове» вопреки сказанному выше он пишет, что сложные слова — это «слова, созданные писателями и поэтами одной нации ...» [119, 34]. На наш взгляд, в данном случае речь идет о производных словах, с чем можно согласиться.

В научных трудах таджикских ученых особенности сложных слов были рассмотрены в связи с исследованием вопросов синтаксиса и функции арабских букв. Так, Шамс Кайс Рази, который, по словам Д. Ходжаева, заложил своей книгой «Ал-му'джам» («Свод правил персидской поэзии») основу для «создания практической грамматики таджикского языка» [119, 101], объясняя особенности буквы «бе», он подчеркивает, что «...в разряде *ба* нет добавочных харфов, встречающихся в конце слова, кроме (харфа *ба*) в слове «вода»» [93, 174]. Затем приводятся сложные слова с подчинительной связью с элементом «об»: *гулоб* (розовая вода), *селоб* (сель), *шӯроб* (рассол), *зардоб* (сыворотка), *хуноб* (горькие слезы) и другие.

В произведении Ходжи Хасана Нисори «Чахор гулзор» («Четыре цветника») также высказаны мысли о словообразовании, которые были развиты другими исследователями. Ученый в третьей части книги, названной «О разьяснении видов простых и сложных букв и изменении некоторых букв», объясняет образование сложных существительных посредством соединительной связки *-o-* следующим образом: «Третий «алиф»-связка, и он похож на соединительный «алиф», однако их отличие заключается в том, что соединительный «алиф» используется между двумя

глаголами и двумя существительными ..., а «алиф»-связка используется между двумя существительными и двумя глаголами, состоящими из двух частей, и приобретает значение соединительного «вов» в таких словах как «шаборӯз» (постоянно), «такопу» (беготня), и «саропо» («полностью»), и «такодав» (беготня) в значении «шабурӯз» (постоянно), и «такупу» (беготня) и «сарупо» (полностью), и «такудав» (беготня) [70, 19-20].

В четвертой части, названной «О делении изафета и правил инверсии», рассуждая о правилах изафета и его видах в персидском языке, ученый в частности отмечает, что каждый раз, когда определение и прилагательное стоят перед определяемым словом, «конечные буквы обоих называют мавкуфом, и это правило называют инверсией» [70, 51]. Затем приводятся сложные слова *филхона* (слоновник), *шутурхона* (сарай для верблюдов), *чаҳонишоҳ* (правитель мира), *оламшоҳ* (правитель мира), *сунбулзулф* (локоны красавицы) и *орзугул* (цветок мечты), исходной единицей которых, по утверждению ученого, является изафетное словосочетание.

Мухаммадхусайн Бурхон в словаре «Бурхони коте'» («Неоспоримое доказательство»), развивая во вступительной части «Фоидаи шашум» («Шестая фоида») мысли предшествующих ученых, высказывает суждения относительно отдельных букв, которые могут находиться в начале, в середине и в конце слова, и о роли буквы «алиф» в образовании сложных слов: «и, в – третьих, «алиф», который находится в середине слова для соединения, близости и следования двух одинаковых слов, таких как *хандоханд* (продолжительный смех), и *дӯшодӯш* (плечом к плечу), и *пешопеш* (впереди)» [287, 1, 26].

Изучение научных работ выявило, что закономерности образования сложных слов были рассмотрены и в трудах Мухаммада Гиясуддина и Воджидали Муджмали. Изучение научных воззрений таджикских ученых показывает, что в дальнейшем понимание сложных слов становится все более отчетливым. Воджидали Муджали высказывает следующую мысль о сложных существительных: «Сложные существительные – это

существительные, которые соединяют два слова и создают одно сложное слово, и это сложное слово состоит из двух частей, одна из которых употребляется в прямом значении, вторая – в переносном» [119, 311].

Таким образом, можно сказать, что выводы и заключения средневековых персидско-таджикских ученых относительно сложных слов и способов их образования, несмотря на их разрозненность, представляют большой интерес.

В последующем, в период становления лингвистической науки в её современном понимании, изучение сложных слов стало для отечественных и зарубежных ученых одним из актуальных направлений в этой области. Изучение научных трудов убеждает в том, что исследования в основном были проведены в диапазоне таджикского литературного языка, а историческое словообразование не привлекло в должной мере внимания научного сообщества. Ввиду этого в 70-е годы прошлого века профессор Л.С.Пейсиков считал исследование исторического словообразования одной из важнейших задач лингвистики [221, 68].

В последние десятилетия был проведен целый ряд интересных с научной точки зрения исследований по вопросам исторического словообразования. В частности, в монографических исследованиях С.Ганиевой, посвященных изучению и анализу сложных слов в произведениях литераторов X-XII веков, в частности в «Даниш-наме» («Книга знаний») Ибн Сино, «Навруз-наме» («Книга о Наврузе») Хайяма, «Сафар-наме» («Книга путешествий») Носира Хусрава, «Чахор макола» («Четыре беседы») Арузи Самарканди, уделяется внимание анализу сложных слов с точки зрения ономазиологии, а также семантическому аспекту языковых единиц в плане предметной направленности, то есть, определяется отношение языковых единиц к предметным экстралингвистическим факторам как к средствам выражения [см.: 25; 173].

Предметом научных исследований профессора О. Косимова также явились особенности словообразования в величайшей поэме Фирдоуси «Шах-наме» [см.: 196-199].

Отдельная глава работы А. Байзоева посвящена проблемам словообразования терминологии в «Даниш-наме» («Книга знаний») Ибн Сино [см.: 19; 153].

Исследователь Ю. Кенджаев в третьей главе диссертационной работы, посвященной изучению лексических и словообразовательных особенностей «Истории Байхаки» Абулфазла Байхаки, рассматривает продуктивные модели образования сложных слов в названном произведении [см.: 48, 110-176].

Особенности словосложения в поэзии Низами проанализированы исследователями С. Низомовой и З. Абдуллаевой на основе изучения морфологического словообразования и полисемантической производных слов. Научная работа М. Калоновой посвящена словообразованию в поэзии Хафиза [см.: 68; 146; 191].

Однако по проблеме исторического словосложения, в частности в произведениях, созданных в индийском стиле, не было проведено специального монографического исследования, за исключением отдельных научных статей. Ввиду этого мы посчитали необходимым провести исследование по проблеме структурно-семантических особенностей композитов в поэзии одного из величайших представителей индийского стиля – Бедиля.

После падения Саманидского государства, в период правления династий «Газневидов, Гуридов и Сельджукидов, правители которых главным образом были воспитанниками и пользовались щедротами дома Саманидов..., расширили границы распространения таджикского языка на востоке и юге до Индии и Синда, а на западе – до Малой Азии и Сирии» [90, 1, 361]. В особенности на полуострове Индостан таджикский язык благодаря поэтическим сочинениям Бедиля был настолько популярен, что «храм мыслей» возвышается благодаря «безупречному вкусу» поэта, а художественное слово этого столетия опиралось на «основу мыслей» Бедиля:

Бедил, аз фитрати мо қасри маонист баланд,

Поя дорад сухан аз курси андешии мо. [т.1 (п.ч.), 133]*

Бедиль, «храм смыслов» возвышается благодаря

нашему таланту,

Слово опирается на основу наших мыслей**

Персоязычная литература Индии уже несколько десятилетий привлекает внимание научного сообщества, в особенности литературоведов, и в этом русле проведено немало научно-исследовательских работ. В отечественном литературоведении этой теме посвящены труды известных ученых С.Айни, М.Бакоева, А.Гаффорова, С.Амиркулова, Б.Рахими, А.Насриддина, З.Гаффоровой, Б.Хамдам, Н.Нурова (Нурзода), внесших достойный вклад в освещение особенностей развития персоязычной литературы и творческого наследия её выдающихся представителей – Амира Хусрава Дехлави, Бедиля, Носирали Сархинди, Мухаммада Икбола и других. Вместе с тем можно утверждать, что лингвоспецифические особенности персоязычной литературы Индии не стали предметом многоаспектного исследования. В этой связи профессор В.А.Капранов отмечает: «Однако лишь литературоведческий аспект в ее изучении не может быть достаточным. Необходимо дополнить его языковедческим аспектом изучения, так как без изучения специфических особенностей индийского фарси трудно говорить об адекватном, правильном понимании произведений на фарси, созданных в Индии» [195, 34].

С этой точки зрения изучение и научное осмысление особенностей языка поэтов-приверженцев индийского стиля представляется первостепенной задачей лингвистики. В особенности исследование языковых особенностей индийского стиля на примере поэтического наследия Бедиля, признанного ярким представителем этого литературного

*Бедили Дехлави. Куллиёт. Т.1-4. Тасхеи Холмухаммади Хаста, Халилуллоҳи Халили. Ба кӯшиши Баҳман Халифа Баноравонӣ. – Техрон: Талоя, 1389. Т.1 (бахши аввал). Ғазалиёт. – 798 с.; Т.1 (бахши дувум). Ғазалиёт. – 1600 с.; Т.2. Таркиббанд; Тарчеъбанд; Қасоид; Қитъаот; Рубоӣёт – 650 с.; Т.3. Масневиҳо. – 812 с.; Т.4. Чаҳор унсур; Руқаот; Нукот. – 582 с. В дальнейшем указывается том и страница этого издания.

**Здесь и далее стихотворные примеры приводятся в подстрочном переводе автора.

стиля [см.: 90, 2, 133], позволит раскрыть многие общие проблемы, связанные с поэтическим языком словотворцев полуострова Индостан.

Несмотря на целый ряд значимых работ, выполненных в современной науке по проблемам бедилеведения и своеобразия индийского стиля, «Бедиль все еще относится к числу неизвестных поэтов, чьи поэзия и воззрения остались нераскрытой сокровищницей» [72, 149]. Следует подчеркнуть, что большинство работ выполнено в литературоведческом аспекте, а исследования, посвященные языковому и стилистическому своеобразию творческого наследия поэта, составляют лишь небольшую часть научно-исследовательских трудов.

На основе сказанного можно прийти к заключению, что 1) язык и манера изложения Бедиля действительно являются чрезмерно замысловатыми и сложными; 2) одним из факторов усложнения языка поэзии Бедиля является множественное употребление сложных слов в целом, и многокомпонентных в частности. Ввиду этого анализ лингвистических особенностей поэзии Бедиля, и особенно определение частоты использования им сложных слов, считается одной из важнейших научных задач.

Таким образом, в настоящей диссертации с целью изучения особенности языка поэзии Бедиля предметом исследования избрано словосложение. Поскольку языковой фактологический материал, собранный нами из поэзии поэта, достаточно обширен и в рамках одной научной работы определить его лингвистическую ценность не представляется возможным, в настоящем исследовании в основном уделено внимание структурно-семантическим особенностям сложных слов одного из видов композитов, т.е. татпуруша.

Цель и задачи исследования. Целью настоящей работы является исследование языка поэзии Бедиля с точки зрения особенностей словосложения. Исследование закономерностей и структурно-семантических особенностей сложных слов в поэзии Бедиля на примере сложных слов типа татпуруша проводится впервые.

Достижение намеченных целей обуславливает решение следующих задач:

- анализ структурно-семантических особенностей композитов типа татпуруша в поэзии Бедиля;
- исследование компонентов сложных слов с точки зрения их языковой принадлежности;
- определение места исконных слов в образовании композитов типа татпуруша;
- определение роли заимствованных слов в образовании композитов типа татпуруша;
- анализ лексико-грамматических групп слов в процессе образования сложных слов типа татпуруша;
- определение места многокомпонентных композитов в поэзии Бедиля и установление их исходной единицы;
- установление специфических моделей сложных слов типа татпуруша в поэзии Абульмаони;
- определение места отдельных слов (таджикских, арабских) при образовании сложных слов;
- определение вариативности композитов в поэзии Бедиля;
- исследование синонимии сложных слов типа татпуруша в контексте художественной поэзии Бедиля;
- анализ антонимии сложных слов типа татпуруша в поэтических образцах Бедиля;
- определение степени употребления композитов и их компонентов в поэзии Бедиля;
- анализ роли словообразовательных моделей в создании сложных и многокомпонентных лексем.

На защиту выносятся следующие положения:

- Преобладание использования композитов в поэзии Бедиля.

- Использование Бедилем возможностей таджикского языка для образования сотен композитов.
- Преобладание в поэзии Бедиля двухкомпонентных композитов над многокомпонентными.
- Плодотворное и частое использование сложных слов типа татпуруша в поэзии Бедиля в частности, и в целом в таджикском языке.
- Классификация композитов с точки зрения их языковой принадлежности и определение роли слов различного происхождения в образовании композитов.
- Возможности и потенциал таджикского языка при образовании сложных слов на примере композитов типа «таджикское слово+ таджикское слово» и «заимствованное слово+ таджикское слово».
- Показ возможностей модели «имя существительное + имя существительное» и модели «имя существительное+ основа глагола настоящего времени» в образовании композитов.
- Демонстрация потенциала таджикского языка при образовании композитов с заимствованными компонентами в поэзии Бедиля, в том числе с арабскими, индийскими, греческими, тюркскими заимствованиями.
- Обоснование относительного превосходства композитов типа «арабское слово+ арабское слово» в поэзии Бедиля над заимствованиями из других языков и продуктивности модели «имя существительное + имя существительное» в данном виде лексических единиц.
- Показ словообразовательных возможностей различных лексико-грамматических групп слов, и особенно инфинитива, в образовании композитов.
- Выполнение соединительной функции вспомогательными языковыми средствами в создании композитов, в том числе вспомогательным аффиксом -*χο* и артиклем *-е*.
- Употребление многокомпонентных композитов в поэзии Бедиля и их классификация на трехкомпонентные, четырехкомпонентные,

пятикомпонентные и установление их исконной словообразовательной единицы.

- Преобладание трехкомпонентных композитов в поэзии Бедиля.
- Активное употребление трехкомпонентных композитов в месневи Бедиля и их малоупотребительность в других поэтических сочинениях поэта, в особенности в газелях.
- Повышенное внимание Бедиля к роли отдельных слов в создании композитов, в частности таджикских (*оина, обида, оташ, гавҳар, сар...*) и арабских (*нафас, тараб, ҳайрат, ҳавас, ҷунун...*).
- Употребление композитов в различных вариантах и выявление факторов вариативности композитов в поэзии Бедиля.
- Полисемантичесность композитов в поэзии Бедиля.
- Создание Бедилем в его поэзии синонимического ряда композитов и раскрытие возможностей таджикского языка в выражении новых понятий.
- Антонимия композитов в поэзии Бедиля и факторы её проявления.
- Употребительные и архаичные композиты в поэзии Бедиля и классификация архаичных композитов по степени употребления их компонентов.

Практическая ценность исследования. В практическом плане материалы исследования могут быть использованы в процессе преподавания дериватологии, современного таджикского литературного языка (лексикология, морфология), истории таджикского литературного языка, стилистики, культуры речи. Вместе с тем отдельные результаты и выводы диссертации могут быть использованы при чтении теоретических и специальных курсов, а также оказать помощь студентам филологических факультетов высших учебных заведений РТ в их специальной профессиональной подготовке. Собранный фактологический материал может оказать помощь в составлении учебных пособий, толковых словарей таджикского языка и поэзии Бедиля.

Источники исследования. С целью решения задач, поставленных в диссертационном исследовании, был собран большой фактологический материал на основе изучения и анализа «Сочинений» Абдулкадыра Бедиля в восьми томах, изданных в Таджикистане известными текстологами С.Сиддиком и Б.Рахими (Душанбе: Адиб, 1990-2016), которые сопоставлены с «Куллият» Абульмаони Абдулкадыра Бедиля Дехлави, изданным под редакцией Х.Хаста и Х.Халили, а также Б.Х. Баноравони в четырех томах и пяти книгах (Тегеран: Талоя, 1389). В диссертации дается указание на данное издание.

Объект исследования – всестороннее исследование сложных слов поэзии Бедиля, выявление структурно-семантических особенностей композитов в поэзии Бедиля.

Предмет исследования. Предметом настоящего исследования является словосожение поэзии Мирзо Абдулкадыра Бедиля.

Методы исследования. Основными методами исследования избраны описательно-лингвистический, трансформационный, сравнительно-исторический, сопоставительный. В ходе исследования использовались также методы наблюдения и приемы статистического подсчета.

Теоретико-методологическая основа исследования. Теоретическую базу диссертационной работы составляют научные труды языковедов по дериватологии и лингвистике художественных произведений: П. Хорна, Г.О. Винокура, В.В. Виноградова, Э. Бенвениста, Ж. Лазара, М. Шаки, К.Г. Залемана, В.А. Жуковского, Е.С. Кубряковой, Е.А. Земской, Л.Г. Герценберга, В.А. Лившица, Д.Т. Чхеидзе, Т.А. Чавчавадзе, П.Н. Хонлари, А. Хумоюнфарруха, М. Шариата, Д. Тоджиева, М. Турсунова, Ш. Рустамова, М. Касымовой, Д. Саймиддинова, Ф. Амоновой, А. Хасанзода, О. Косимова, М.Х. Султона, С. Ганиевой, а также исследования С. Айни, Э. Рахмона, Е.Э. Бертельса, Ш. Ну’мони, М. Бахор, А. Мирзоева, Х. Халили, Ш. Кадкани, Н. Ходи, М. Козими, И. Бечки, Н.И. Пригариной,

В.А. Капранова, Б. Рахими, А. Насриддина и других в области изучения особенностей индийского стиля и языка поэзии Бедиля.

Новизна научного исследования. В диссертационном исследовании впервые на обширном фактологическом материале – образцах лексики поэзии выдающегося представителя индийского стиля Абдулкадыра Бедиля – всесторонне изучаются и анализируются структурно-семантические особенности сложных слов типа татпуруша. В связи с этим рассматриваются: специфика употребления композитов с точки зрения их структуры и смыслового наполнения, роль исконных и заимствованных слов в создании композитов, морфологический состав сложных слов. Новизна настоящего исследования обусловлена тем, что оно является первым в таджикском языкознании комплексным исследованием проблемы языкового своеобразия и художественного стиля Бедиля, его поэтического мастерства в словообразовании и создании новых слов (сложных и многокомпонентных).

Также впервые в диапазон научного осмысления включено изучение композитов по формальным и смысловым признакам, вариативности сложных слов, синонимии и антонимии композитов в поэзии Бедиля. Пристальное внимание уделено описанию и характеристике специфических моделей образования слов типа татпуруша и многокомпонентным композитам в поэзии Бедиля, а также определению роли отдельных лексем и степени участия компонентов в образовании сложных слов.

Научно-теоретическая ценность диссертации. Теоретическая значимость диссертации заключается в том, что исследование структурно-семантических особенностей сложных слов художественной поэзии Бедиля позволит не только выявить существенные черты поэзии этого незаурядного творца поэтического слова, но и понять особенности развития индийского стиля. Постановленная в таком ракурсе проблема может оказаться весьма плодотворной для определения роли таджикских лексем в словосложении и образовании композитов, раскрытия их потенциала в подчинения заимствованных слов в ходе создания сложных

слов, специфики форм и семантики композитов и в целом богатства языковых ресурсов таджикского языка. В данном аспекте исследования заложена возможность проследить процесс образования многокомпонентных композитов и установить факторы и предпосылки их возникновения и функционирования, что, несомненно, составит перспективное поле для будущих наблюдений в этом научном направлении лингвистики.

Проблематика исследования. В диссертации рассмотрены следующие проблемы: изучение сложных слов в языкознании и теории классификации композитов; роль композитов в поэзии Бедиля; исследование композитов с таджикскими компонентами в поэзии Бедиля; анализ сложных слов с двумя заимствованными компонентами, а также таджикскими и заимствованными компонентами; вариативность композитов, семантические особенности сложных слов (полисеманτικότητα, синонимия и антонимия); исследование многокомпонентных композитов, роль отдельных слов (таджикских, арабских) в формировании сложных слов и т. д.

Область исследования диссертации. Настоящая диссертационная работа посвящается исследованию дериватологии – словообразования, которое проводится на основе языка классической литературы (поэзия Бедиля). Ввиду этого областью исследования является историческое словосложение.

Исследование состоит из следующих этапов:

- выбор темы;
- поиск, сбор, исследование и чтение научно-литературных источников по теме диссертации;
- анализ материалов, полученных из научно-литературных источников, их сравнительное исследование с другими источниками;
- изучение структурно-семантических особенностей композитов поэзии Бедиля и выявление их лингвистических особенностей;

- прикладное применение полученной теории на практике;
- выводы и заключение.

Основной информационной и эмпирической базой исследования стали преподавательская аудитория кафедры таджикского языка ГОУ «Худжандский государственный университет имени академика Бободжона Гафурова», областные, республиканские и международные конференции.

Достоверность результатов исследования. Результаты научного исследования в виде опубликованных статей и монографии, переданных в ГУ «Таджикская национальная библиотека», ГУ «Областная научная библиотека имени Тошходжи Асири», библиотеку «Таджикского национального университета», и библиотеку ГОУ «Худжандский государственный университет имени академика Бободжона Гафурова», используются в процессе проведения лекционных занятий и практикумов на факультетах таджикской филологии указанных вузов. Основные и важные положения и результаты диссертационного исследования были доложены на теоретических семинарах кафедры таджикского языка ГОУ «Худжандский государственный университет имени академика Б.Гафурова», на научно-теоретических конференциях профессорско-преподавательского состава ГОУ «Худжандский государственный университет имени академика Б.Гафурова» (2009-2023 гг.) а также на международных и республиканских конференциях: «Международное значение таджикского мирного процесса» (г.Худжанд, 24-26 июня 2012 г.), «Состояние таджикского языка в XVII – начале XIX веков» (г.Душанбе, ТНУ, 30 октября 2012 г.), «Педагогические и методические новшества в обучении таджикскому, русскому и английскому языкам» (г.Душанбе, 22 мая 2014 г.), Четвертом Международном урсе (поминальный обряд) Бедиля (Тегеран, 18-19 января 2017 г.), «Проблемы социальной природы языка» (г.Душанбе, Институт языка и литературы имени Рудаки, 29 сентября 2017 г.), «Роль молодежи в развитии науки» (г.Худжанд, 22 мая 2017 г.), «Литературные связи и диалог культур» (г.Термез, 18-19 апреля 2019 г.), «Социально-экономическое и культурное сотрудничество Таджикистана и

Узбекистана: история и современность» (г.Худжанд, 21-22 июня 2019 г.), «Сайидо Насафи и его вклад в развитие таджикского языка и литературы» (г.Душанбе, ТНУ, 15-16 октября 2019 г.) и т.д.

Соответствие диссертации Паспорту научной специальности. Диссертация соответствует Паспорту специальности 5.9.6. – Языки народов зарубежных стран (таджикский язык).

Диссертационное исследование выполнено в соответствии со следующими пунктами Паспорта специальности: пункт 1. Основные этапы и направления становления и развития конкретного языка или языковой семьи; пункт 3. Особенности формирования и функционирования конкретного языка или языковой семьи; пункт 7. Словообразовательная система языка или языковой семьи (классификация словообразовательных единиц и категорий, модели словообразования, словообразовательные ряды).

Апробация работы. Диссертация обсуждена на заседании кафедры таджикского языка факультета таджикской филологии ГОУ «Худжандский государственный университет имени академика Бободжона Гафурова» (протокол № 6 от 26 января 2023 г.).

Основное содержание диссертации и выводы исследования отражены в более чем 40 статьях автора, в том числе в 20 статьях, опубликованных в рецензируемых журналах из Перечня изданий ВАК Российской Федерации. Также по теоретическим положениям диссертации опубликованы статьи на таджикском и персидском языках в Таджикистане, Узбекистане и Иране. По теме диссертации опубликованы 1 монография и 2 сборника статей.

Структура и объём диссертации. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения и списка литературы, её общий объём составляет 332 страниц компьютерного набора.

ПЕРВАЯ ГЛАВА

КОМПОЗИТЫ: КЛАССИФИКАЦИЯ И ИХ МЕСТО В ПОЭЗИИ БЕДИЛЯ

1.1. Классификация сложных слов в лингвистике

Сложные слова составляют определенную группу в лексическом фонде таджикского языка. В результате всестороннего исследования особенностей композитов и их места в лексическом составе языка учеными было установлено, что с точки зрения характера доминирования лексем таджикский язык можно назвать наиболее продуктивным в образовании сложных слов [см.: 173, 3].

Сложные слова стали предметом исследования целого ряда отечественных и зарубежных ученых: Г.О. Винокура, В.В. Виноградова, Э. Бенвениста, Е.А. Земской, К.А. Левковской, Е.С. Кубряковой, Н.М. Шанского, В.Н. Немченко, Т.Д. Чхеидзе, Т.А. Чавчавадзе, Д. Тоджиева, М. Турсунова, Ш. Рустамова, М. Касымовой, Д. Саймиддинова, О. Косимова, М.Х. Султона, С. Рахматуллозода, С. Ганиевой и других, внесших достойный вклад в исследование данной проблемы.

Ученые пришли к заключению, что история развития сложных слов в языке, особенно в таджикском языке, уходит корнями в древние периоды: первые факты их наличия обнаружены в древних персидских надписях. Образование сложных слов с двумя основами из различных лексико-грамматических групп является одним из наиболее распространенных способов словообразования в древнеперсидском языке [см.: 242, 247]. Профессор Д. Саймиддинов, размышляя о древнеперсидском языке, по поводу сложных слов отмечает: «...можно трактовать модели и сложный подход к словообразованию в древнеперсидском как один из наиболее распространенных способов» [105, 52]. По разнообразию моделей словообразования в языке можно сделать вывод, что в древнеперсидском языке сложные слова занимали важное место. Таким же образом данная группа слов вошла в среднеперсидский язык и получила ещё больше

возможностей для развития. Д. Саймиддинов также отмечает: «В этот период представленные модели в силу особенностей среднеперсидского языка и его структуры получили более широкое распространение, примером чему является присутствие большого количества сложных слов в произведениях данного периода» [104, 143].

Часть исследователей разделяет сложные слова в среднеперсидском языке на три группы: 1) татпуруша; 2) бахуврихи; 3) двандва [см.: 31, 102], однако другая часть ученых указывает на четыре группы: 1) бахуврихи; 2) татпуруша; 3) кармадхарая; 4) двандва, из которых первые два типа были наиболее продуктивными [см.: 227, 76-77].

В новую эпоху развития таджикского литературного языка этот тип лексики представлен как один из важных инструментов словотворчества [см.: 50, 140-147; 51, 162-170]. Исследователи истории литературного языка делят композиты данного периода на четыре группы: 1) копулятивные (*composita copulativa*; древнеиндийская группа *dvandva*), обе части которых равноправны; 2) редупликативные (древнеиндийская группа *amredita*), то есть сложные слова, образованные повтором одной и той же основы; 3) детерминативные (*composita determinative*; древнеиндийские *tatpuruṣa*, *karmadharaya*, *dvigu*); 4) посессивные или атрибутивные (*possessiva*, *attributiva*, древнеиндийская группа *bahuvrīhi*) [см.: 182, 223].

Исследователи Ш. Рустамов, С. Рахматуллозода и Дж. Мурватов в своих трудах изучили огромное количество сложных слов в современном таджикском литературном языке [94, 57-67; 96, 140-163], а также в его диалектах и говорах [см.: 89, 121-182; 229, 129-186; 214, 47-64].

Исследования европейских ученых доказали, что словообразование берет начало из санскрита и авестийского языков и различные модели сложных слов уже наблюдались в этих древних языках. Это утверждение получило подтверждение и в работах С.Н. Соколова, осуществившего исследования авестийского языка, В.В. Иванова и В.Н. Топорова, изучавших санскрит. В частности, по вопросу о роли сложных слов в санскрите, ученые высказывают мнение, что сложные слова широко

использовались в нем и в этом языке словообразование сыграло значимую роль не только в формировании новой лексики, но и в образовании более сложных единиц, почти равных предложениям [см.: 190, 125]. Ученый С.Н. Соколов считает, что сложные слова появились в авестийском языке на основе различных моделей [см.: 240, 43] и соответствовали древнему языку хинди [см.: 241, 166].

Из краткого обзора исследований и научных работ в этой области можно сделать вывод, что сложные слова употреблялись в разные эпохи существования таджикского языка и в активные периоды его развития возможности и потенциал моделей словообразования еще более расширились.

Классификация композитов, о которых мы упомянуты выше, является одним из важных и сложных вопросов языкознания. Изучение целого ряда исследований показывает, что изучением этих вопросов занимались многие ученые, представившие в своих работах различные воззрения по классификации сложных слов.

В самых первых грамматиках таджикского языка, которые были написаны в XIX веке, ученые отметили наличие в персидском (таджикском) языке трех типов сложных слов. Например, К.Г. Залеман и В.А. Жуковский в «Краткой грамматике персидского языка» признали возможности и потенциал персидского языка в словообразовании более высокими в сравнении с немецким языком [см.: 184, 69] и классифицировали три типа сложных слов: 1) *composita copulativa* (копулятивные композиты, т.е. сложносочиненные слова, в которых оба компонента равноправны); 2) *composita determinative* (детерминативы, или композиты, в которых один компонент подчинен второму); 3) сложные прилагательные, второй компонент которых всегда выражен именем существительным, а производным словом является прилагательное. Ученые дополнительно разделили данный тип сложных слов на два подтипа [см.: 184, 69-73].

Академик Е.Э. Бертельс также признает преимущества персидского (таджикского) языка в плане разнообразия моделей и огромные

возможности словообразования и подчеркивает, что в этом контексте ни один европейский язык не может сравниться с персидским (таджикским) языком [см.: 156, 83]. Далее Е.Э. Бертельс делит сложные слова на следующие группы: 1) *composita copulativa* (сложносочиненные сочетания, в которых оба компонента равноправны); 2) *composita determinative* (сложные слова, где первый компонент всегда зависим от второго компонента); 3) сложные прилагательные. Как видно, в классификации сложных слов ученый придерживается научных положений К.Г. Залемана и В.А. Жуковского, по мнению которых во второй группе сложных слов их второй компонент может быть представлен только именем существительным. Однако Е.Э. Бертельс полагал, что, кроме имен существительных, в этой функции могут выступать также и наречия [см.: 156, 84].

Профессор Л.И. Жирков в своем пособии, написанном на основе материалов периодической печати [см.: 183, 4], сравнивает словообразовательный потенциал персидского (таджикского) языка с немецким языком и выделяет шесть типов сложных слов:

1. Первый компонент сложного слова является определяющим по смыслу, например, *рӯзнома* (газета).

2. Второй компонент сложного слова является определяющим по смыслу, например *соҳибмансаб* (должностное лицо). Автор подчеркивает, что данные композиты образуются в результате выпадения изафета между определением и определяемым [183, 164].

3. Первый компонент сложного слова является определяющим по смыслу, а сложное слово в целом указывает на то, что предмет обладает конкретным признаком. Например, *шердил* (львиное сердце), *бадбахт* (несчастный), *чорпо* (четвероногий).

4. Первый компонент сложного слова является дополнением второго компонента, а вторая часть является основой настоящего времени глагола или причастия, например *дурӯггӯ* (лжец), *вафодор* (верный), *китобфуруш*

(книготорговец), *оташпараст* (огнепоклонник), *чаҳондида* (повидавший мир), *шоҳзода* (принц) [183, 164-165].

Исследователь также включает в классификацию два других типа сложных слов:

1. Сложные слова, образованные повторением слова, с интерфиксом -о- например, *баробар* (равный), *молломол* (переполненный).

2. Сложные слова, образованные соединением глагольных основ (прошедшего, настоящего времени) с интерфиксом -у- например, *гуфтугу* (разговор), *харидуфурӯш* (купля-продажа) [181, 165].

Французский исследователь Ж. Лазар в книге «Грамматика современного персидского языка», где «автор... ясным, объективным и нейтральным взглядом, уделяя внимание вопросам, оставшимся без должного внимания, в частности фонетическим особенностям..., определив особенности словообразования в современном персидском языке, а в некоторых случаях – особенности словообразующих языковых элементов и отношения между ними, примеры которых не встречаются в сочинениях персоязычных грамматиков, писавших до него» [см.: 277, 10], на основе фактологического материала из двух лексико-грамматических групп – имени существительного и прилагательного – исследовал особенности сложных слов.

Профессор Ж. Лазар, представивший данное руководство на основе материалов современного персидского языка (до 1954 г.) [см.: 277, 11], подчеркивает, что «персидский язык изобилует великим множеством сложных имен существительных и прилагательных» [277, 308], и далее классифицирует две группы сложных слов:

1. Описательные сложные слова.
2. Качественные сложные слова [277, 308-309].

До пояснения указанных видов сложных слов следует отметить важный момент, что в данной классификации под термином «таркиб» понимаются сложные слова, а не конструкции. Употребление термина

«таркиб» Мехсити Бахрейни обусловлено тем, что в период перевода данного произведения переводчик «в большинстве случаев использовала наиболее распространенные термины составителей грамматик, а иногда и общие термины иранской лингвистики» [см.: 277, 12].

Согласно интерпретации Ж. Лазара, описательными сложными словами могут быть существительные или прилагательные, «имеющие то же смысловое значение, что и описываемый компонент, например *корхона* (предприятие, каждое предприятие есть вид здания)» [277, 308-309].

Качественные сложные слова в основном являются именами прилагательными и «указывают на свойство вещи или качество компонента сложного слова, например лексема *сиёхчаим* (черноокая) состоит из компонентов «сиёх» (черный) и «чаим» (око), что означает не «черный глаз», а «имеющая черные глаза» [277, 309].

Исследователь разделил сложные описательные существительные на две подгруппы:

1. Сложные существительные, где первым компонентом является прилагательное (или существительное), определяющее второй компонент, например *сурхоб* (бурая вода), *шермард* (храбрец), *шохрох* (главная дорога).

2. Существительное, которому предшествует другое существительное, которое можно рассматривать как модификатор, например *корхона* (предприятие), *рўзнома* (газета), *чаимдард* (глазная боль).

3. Основа настоящего или прошедшего времени глагола, которому предшествует имя существительное, например *побӯс* (припадание к ногам), *обкост* (нехватка воды) [см.: 277, 309].

Ж. Лазар также делит сложные прилагательные описательного типа на две подгруппы:

а) прилагательное, или причастие, или деепричастие, которым предшествует дополнение. К этой группе сложных слов исследователь относит композиты *ширгарм* (теплый), *моргазида* (укушенный змеей), *шахзаде* (принц), *тозаворид* (свежий)

Далее автор предлагает назвать указанную группу сложных слов «вожаҳои ҳампайванд» (взаимосвязанные слова), поскольку «состав слов и способы их взаимосвязей такие же, как и в синтаксических группах: *чаҳондида*, т.е. «тот, кто повидал мир» и *наврасида*, т. е. «кто-то или что-то, только достигшее зрелости» [277, 310];

б) основа настоящего времени глагола (в интерпретации переводчика «1-й корень глагола»), которому предшествует дополнение, например *дурӯггӯ* (обманывающий), *ватанпараст* (любящий родину), *хобгард* (ходящий во сне), *чодарнишин* (кочующий), *дастбӯс* (готовый услужить) *дасткаш* (нищий), *тундрав* (вспыльчивый), *дастнавис* (рукопись), *кафгир* (льстец), *дурбин* (дальновидный) и т.д. [см.: 277, 310].

Из приведенных примеров видно, что в этой группе слов автор перепутал существительные с прилагательными. Например, слова *кафгир* и *дастнавис* являются именами существительными, а не прилагательными.

Под термином «взаимосвязанные слова» профессор Ж. Лазар понимает слова типа «*чаҳондида* (повидавший мир), *наврасида*». Изучение раздела «Взаимосвязанные слова» этой книги показывает, что: 1) сложные слова подчинительного типа смешаны со сложными словами с сочинительной связью. Например, сложные слова *писараму* (сын дяди), *соҳибхона* (владелец дома), *сарангушт* (большой палец), *найшакар* (сахарный тростник) [277, 317] являются сложными словами с подчинительной связью, а сложные слова *ҷустуҷӯ* (поиск), *гуфтугӯ* (разговор), *пухтупаз* (приготовление пищи) [277, 314] являются сложными словами с сочинительной связью; 2) в этом разделе ряд словосочетаний представлен в виде сложных слов, в частности *дуру дароз* (долго), *тару хушк* (мокрый и сухой), *пасту баланд* (низкий и высокий) [см.: 277, 315]; 3) профессор Ж. Лазар исследовал образование в персидском языке сложных слов из-за выпадения изафета между компонентами и отмечает: «Группа имен существительных с признаками изафета (определяемое + определяющее или же характеризующее + прилагательное) могут

образовывать взаимосвязанные слова, в которых иногда утрачиваются признаки изафета» [277, 316]. Далее исследователь в качестве примера приводит словосочетания *гули сурх* (красный цветок), *шарҳи ҳол* (история жизни), *чӯби либос* (*вешалка*). Однако в выражениях данного типа явления выпадения изафета нет; 4) в 254-м разделе автор относит лексемы *бовафо* (верный), *беҳаё* (бесстыжий), *бачо* (уместный), *барқарор* (устойчивый) к сложным словам, что, на наш взгляд, является ошибочным, поскольку они относятся к производным лексемам [см.: 277, 319].

В период 50-х годов XX века с целью создания грамматики таджикского языка было начато исследование грамматических особенностей таджикского языка и осуществлено издание «Очерков по грамматике таджикского языка». В 1954 г. была издана книга Ш. Ниязи «Имена существительные и прилагательные в таджикском языке» [см.: 66]. В главе «Сложные слова» этой работы отмечается: «В таджикском языке структура сложных имен существительных является наиболее важным и широко используемым средством словообразования. В таджикском языке наиболее развито образование сложных существительных посредством соединения слов друг с другом. Любые части речи, а также две глагольные основы, легко соединяясь, образуют сложные существительные. При построении сложных существительных композиты либо связаны непосредственно: *китобхона* (библиотека), *пахтакор* (хлопковод), либо соединяются друг с другом через соединительные гласные: *гуфтугӯ* (разговор), *киштукор* (пахота)» [66, 24-25]. В случае со сложными прилагательными учитывается тот же способ классификации [см.: 66, 42-47].

После семикратного издание «Очерков по грамматике таджикского языка» было осуществлено первое издание грамматики таджикского языка. Так, в «Грамматике таджикского языка», изданной в 1956 г. под редакцией Б. Ниязмухаммадова, Ш. Ниязи и Д. Тоджиева [см.: 23], о словообразовании имен существительных отмечается: «Композитная

структура является наиболее продуктивным типом словообразования существительных. Сложные существительные бывают двух типов по характеру связи между их компонентами: А. Сочинительная связь, в которой компоненты состоят между собой в равноправной связи: *гуфтугӯ*, *чустучӯ*. Б. Подчинительная связь, в которой один из компонентов подчинен, например в сложных существительных *китобхона*, *точикдухтар* (таджичка) первый компонент подчинен второму, в сложных существительных *модаркалон* (бабушка), *надарарус* (тесть), *муйлаб* (усы) второй компонент подчинен первому» [23, 51].

Наряду с работами французского исследователя Ж. Лазара, исследование сложных слов в таджикском языкознании осуществлено таджикским ученым М. Турсуновым [см.: 246]. Этой работой автор официально положил начало изучению композитов. М. Турсунов рассматривает словообразование как один из продуктивных способов формирования новой лексики [см.: 246, 5] и классифицирует сложные слова таджикского языка на две большие группы:

1. Сложные копулятивные слова (*composita copulativa*), или сложная лексика, образованная из равноправных компонентов, например *давсродавр* (времена), *молумулк* (имущество).

2. Сложные детерминативы (*composita determinative*), один из компонентов которых подчинен другому компоненту, т.е. сложноподчинительные: а) с первым подчинительным компонентом, например *коргарбача* (рабочий), *хушандом* (красавец); б) со вторым подчинительным компонентом, например *бобокалон* (дедушка) [см.: 246, 5].

По мнению М. Турсунова, обе группы композитов также образованы из сложных моделей, состоящих из лексических единиц.

Профессор В.С. Расторгуева в процессе написания «Краткого очерка грамматики таджикского языка» к таджикско-русскому словарю, изданному в начале 50-х годов прошлого века (1954 г.) [см.: 226], в классификации сложных слов таджикского языка следует исследованию

М.Турсунова и даже в ссылках, данных в книге подчеркивает, что в разделе «Словосоставление» использованы материалы М. Турсунова [см.: 226, 539]. Главным свойством сложных слов детерминативного типа исследователь считает зависимость их компонентов и разделяет четыре модели их образования на подмодели:

1. Сочетание слов двух именных частей речи («имя существительное + имя существительное» или «имя прилагательное + имя существительное»), одно из которых по смыслу является определением другого. Данная модель образует существительное и прилагательное: а) соединение двух имен существительных, первый компонент которого определяет второй компонент: *китобхона* (библиотека), *шердил* (храбрый), *моҳрӯ* (лунолика); б) обратная конструкция: соединение двух существительных, второй компонент которого определяет первый компонент, например *абрукамон* (с изогнутыми бровями), *синакабоб* (измученный), *астаршоҳӣ* (на шёлковой подкладке; подкладочный); в) сочетание прилагательного и существительного, например *сиёҳчаши* (черноглазый), *серган* (болтливый), *пирмард* (старик); г) обратная конструкция: сочетание существительного с прилагательным: *мӯйсафед* (старик), *дилтанг* (грустный).

2. Сочетание числительного с существительным, образующее прилагательное или существительное. Этот тип имеет следующие подмодели: а) соединение числительного с существительным: *чорпо* (четырёхногий, животное), *чормағз* (грецкий орех), *дугтор* (дугтар) и т.д.; б) сочетание числительного с существительным + суффикс -а. Например *дахрӯза* (десятидневный), *панҷсола* (пятилетний), *сетарафа* (трехсторонний) и т.д.; в) сочетание числительного с существительным + суффикс -ӣ (после гласных -гӣ), например, *сетоннагӣ* (трехтонный), *дукаратӣ* (двойной), *якдилӣ* (единодушие) и т.д.

3. Сочетание существительного с глагольной основой. Эта модель имеет следующие подмодели: 1) соединение существительного, прилагательного, числительного или местоимения *худ* с основой

настоящего времени глагола, образующее следующие лексико-грамматические группы: а) название деятельности: *богдор* (садовник), *забонишинос* (языковед), *боркаш* (перевозчик), *чоряккор* (издольщик); б) название предметов: *аҳолинишин* (населённый), *дастгир* (пленник); в) название предмета, используемого для работы: *дурбин* (бинокль), *боронсанҷ* (дождемер); 2) сочетание существительного или прилагательного с основой настоящего времени глагола + суффикс *-ак*. Эта модель образует следующие части речи: а) имена существительные: названия предметов и инструментов: *дегпӯшак* (крышка для закрывания котла), *обпошак* (лейка, брызгалка), *дастпӯшак* (перчатки) и т.д.; б) название представителей фауны: например *тортанак* (паук), *моҳихӯрак* (чайка); 3) сочетание существительного с основой настоящего времени глагола + суффикс *-а*, образующее существительное: *хокрӯба* (мусор), *пойтоба* (обмотка, стелька, портянка); 4) сочетание существительного с основой настоящего времени глагола + суффикс *-он*, образующее существительное: *бӯрёкӯбон* (новоселье), *рӯйбинион* (посещение новобрачной родными жениха; обряд открывания лица невесты); 5) обратная конструкция: соединение основы настоящего времени глагола с существительным (малопродуктивное): *гурезно* (беглец), *истгоҳ* (станция); 6) сочетание существительного или прилагательного с основой прошедшего времени глагола, образующего существительное или прилагательное: *ёддошт* (воспоминание), *неишафт* (успех), *нимкушод* (полуоткрытый) и т.д.

4. Сочетание существительного и прилагательного с причастием. Данная модель имеет следующие подмодели: а) сочетание существительного или прилагательного с глагольным причастием прошедшего времени, образующее прилагательное или существительное: *дилбохта* (влюбленный), *ғамзада* (грустный), *бузургзода* (знатный), *дастпарварда* (воспитанный), *оббурда* (промоина, унесенный водой); 2) обратная конструкция: соединение причастия прошедшего времени с существительным или прилагательным, при котором образуется

прилагательное, а иногда и существительное: *афтадаҳол* (опечаленный), *кушодарӯй* (открытый) [см.: 226, 540-541].

Представленная классификация композитов подчинительного типа является одной из серьезных и наиболее развернутой. В дальнейшем, в процессе развития словообразования, сложные слова типа *дахрӯза* (десятидневный), *панҷсола* (пятилетний), *сетарафа* (трехсторонний), *сетоннагӣ* (трехтонный), *дукаратӣ* (двойной), *якдилӣ* (солидарность) и т.д. были отнесены к смешанным способам словообразования [см.: 96, 163-169].

В последующем, при исследовании сложных слов, указанные два типа композитов будут приняты и классифицированы.

Указанная классификация взята из трудов российских ученых-лингвистов, которые в работах, посвященных вопросам словообразования, при классификации композитов учли эти два признака соединения основ. Профессор Н.М. Шанский разделяет все композиты русского языка на четыре группы: 1) композиты, возникшие на основе повторения одной и той же основы, такие как *чуть-чуть*, *бум-бум*, *давно-давно* и т.д., «представляющие собой «усилительную» по значению и экспрессивную по характеру редупликацию того или иного слова» [254, 270]; 2) композиты, образованные на основе лексических синонимов, например *путь-дорога*, *ум-разум* и др.; 3) к третьей группе отнесены «парные сближения суммарной семантики типа *хлеб-соль* «угощение», *отец-мать* «родители», *руки-ноги* (конечности)» [254, 271]; 4) к четвертой группе исследователь относит композиты, образованные по модели «определяемое – определяющее», такие как *вагон-ресторан*, *язык-основа*, *школа-интернат*, *диван-кровать* и т.д. [см.: 254, 269-271]. По мнению Н.А. Шанского, «Сложное слово – это лексическая единица, которая является соединением основ и образована в процессе словопроизводства» [254, 274].

Профессор Е.А. Земская отмечает, что «в русском языке сложные слова обычно состоят из двух основ, но могут включать и большее число компонентов» [186, 269], и в зависимости от способа соединения

компонентов различает две группы сложных существительных: 1) композиты, которые соединяются с помощью интерфикса («соединительный гласный»); 2) композиты, компоненты которых соединяются непосредственно, без помощи интерфикса [см.: 186, 269].

Исследователь В.Н. Немченко также классифицировал сложные слова по способу словообразования (сложносочиненные, сложноподчиненные) [см.: 216, 156].

В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» В.А. Виноградов также отмечает, что «по характеру синтаксического отношения компонентов различают два типа сложных слов: 1) сочинительные; 2) подчинительные» [164, 469].

В 70-х годах XX века профессор Ш. Рустамов представил научному сообществу целый ряд научных работ, в том числе «Словообразование имени существительного в современном таджикском литературном языке» [см.: 95], и спустя некоторое время вышла его монография «Имя существительное» [см.: 96]. В части словообразования имени существительного ученый «обратился к словообразованию с точки зрения предпосылок, возможностей и языковых явлений самого таджикского языка и выявил его специфические и общие аспекты» [94, 57], поскольку, по мнению исследователя, именно «в словообразовании больше проявляются черты, характерные для каждого языка» [96, 140]. Осуществив фактологический анализ слов таджикского языка и исследовав словообразование, Ш. Рустамов выделяет в таджикском языке три группы сложных имен существительных: 1) имена существительные с сочинительной связью; 2) имена существительные с подчинительной связью; 3) сложные существительные смешанного типа [см.: 96, 93-175].

Содержание указанного исследования Ш. Рустамова также вошло в академическую грамматику [см.: 24, 106-110; 119-126].

Сложные слова стали предметом изучения большой группы исследователей иранской лингвистики. До сих пор наибольшую ценность

представляют исследования иранских ученых А. Хумоюнфарруха, М. Шариата, М. Мукарраби, Х. Фаршеварда и др.

М. Мукарраби принадлежит работа «Конструкции в персидском языке» («Таркиб дар забони форсӣ») [см.: 279], знакомство с которой, а также с пояснениями и размышлениями ученого указывает на то, что автор использовал термин «таркиб» (конструкция) в значении «деривационные слова». При интерпретации указанного термина в ссылке на шестой странице указано: «В этой книге таркиб больше используется для обозначения соединения двух существительных, или двух прилагательных, или же существительного и прилагательного, или же с присоединением префикса и суффикса к существительному или прилагательному» [279, 6]. Из этого пояснения становится очевидно, что в персидском языке термин «таркиб» эквивалентен «деривационному слову».

Исследователь М. Мукарраби осуществил представленное выше исследование на материале двух лексико-грамматических групп – имени существительного и имени прилагательного. Ученый в ходе анализа моделей образования деривационных существительных и прилагательных приходит к выводу, что в производстве дериваты сочетаются с конструкциями. В частности: 1) в разделе «Сложные существительные образованы следующими факторами» [279, 9-22], автор приводит в качестве примера такие словосочетания, как *тахти хоб* (место для сна), *дарди дил* (сердечная боль), *дарди сар* (головная боль) [279, 9], *обу ҳаво* (погода), *тоқ ё чуфт* (чет или нечет), *долу дарахт* (множество деревьев), *синну сол* (возраст) [279, 10-11] и т.д., и именует их сложными существительными; 2) лексема *такопӯ* (сумятица) состоит не из двух существительных, как пишет автор [279, 10], а от двух основ с интерфиксом; 3) некоторые модели образования существительных производились с диахронической точки зрения. Например, «от предлога и существительного» – *посух* (ответ); «из существительного и суффикса» – *чангол* (коготь) [279, 13]; «от местоимений и суффиксов» – *манӣ*, *туйӣ*; [279, 20-21]; 4) такая же особенность

прослеживается в образовании сложных прилагательных [279, 22-39]. В частности в данном разделе рассмотрен префикс *ҳам-*, образующий имена существительные [279, 28]; 5) часть дериватов не соответствует моделям, например сложные слова *дардошно* (страдающий недугом человек), *ҷавонмарг* (умерший в молодом возрасте) представлены как производные модели «имя существительное + имя прилагательное» [279, 25], в то время как первое слово образовано по модели «имя существительное + имя существительное», а второе – в результате сочетания «имя прилагательное + имя существительное»; 6) часть слов повторяется по нескольким моделям, например существительное *моҳона* на странице 14 представлено как имя существительное, а на странице 29 – как имя прилагательное и т.д.

«Худованди дастур» («Мастер грамматики») персидского языка (эпитет, данный Ахмадом Гулчином Маани) А. Хумоюнфарруху, который в «Полной грамматике персидского языка» («Дастури ҷомеи забони форсӣ») «извлек правила языка из недр языка посредством исследования и изучения избранных произведений персидской литературы и, ссылаясь на труды великих мастеров персидского языка, в каждом отдельном случае составил свод и систематизировал правила языка» [см.: 281, 32], усматривает простоту и сладость персидского (таджикского) языка в потенциале и емкости словообразования. Так, ученый отмечает: «...персидский язык в плане сложных слов обладает огромной широтой и пространством, так что это является одним из факторов и причин простоты и сладости персидского языка» [281, 24]. Исследование этой части языковедения имеет множество трудностей, так как, по словам указанного исследователя, «...это (словообразование – О.М.) было наиболее кропотливой частью нашей работы, поскольку более двадцати лет мы пытались осуществить классификацию и всегда при чтении находилось слово, которое не было нами исследовано, и нам приходилось анализировать его, чтобы найти несколько случаев употребления данного

слова в высказываниях великих, узнать особенности его использования и употребления» [281, 19].

А. Хумоюнфаррух в процессе исследования лексико-грамматических групп слов также уделил внимание их моделям и, как выразился сам автор, осуществил классификацию. Он отмечает: «Сложные слова можно встретить во всех частях речи, то есть в именах существительных, прилагательных, глаголах, местоимениях, союзах и наречиях, и мы постарались исследовать множество тех слов, которые были общими в двух или трех частях речи, и в каждой части привели с примерами, которые мы нашли. И мы упомянули даже те слова, которые не были общими, поскольку нас подтолкнуло желание собрать, проанализировать и классифицировать все модели образования персидской лексики, нами найдено более ста пятидесяти моделей имен существительных и около тридцати моделей прилагательных ..., которые мы подразделили на группы и привели для них примеры из классиков» [281, 19].

Несмотря на такое всестороннее и всеобъемлющее исследование, Хумоюнфаррух сожалеет о том, что в персидском языке из-за отсутствия грамматики и невероятной сложности арабского письма трудно распознать сложные слова. Он отмечает, что «из-за отсутствия грамматики (в первую очередь) и несовершенства персидской вязи простые и сложные слова не отделены и не различаются друг от друга и не могут быть опознаны, и в целом при чтении, речи и письме не понять, что, например, два этих слова пишутся отдельно или, соединяясь, образуют сложное слово» [281, 23].

Автор с точки зрения структурных особенностей выделяет две группы существительных: 1) простые и 2) сложные. Другими словами, в работах Хумоюнфарруха термин «таркиб» в том виде, в каком его употреблял М. Мукарраби, употребляется редко [281, 109-110]. Однако учёный в ходе классификации существительных персидского языка учел лексико-семантические группы имен существительных и их структурные

особенности. Иными словами, структура имен существительных расположена внутри их типа, по мнению автора, «класса» [см.: 281, 43].

При классификации композитов автор «Полной грамматики персидского языка» не разделяет данный тип слов с точки зрения синтаксической связи на сложные слова с соединительной и подчинительной связью. В его руководстве они рассмотрены в разделе «Сложные существительные» [см.: 281, 94-121]. Однако в авторской классификации сложные имена существительные с соединительной связью выделены в особый класс, и в этой связи ученый отмечает: «Одиннадцатая часть посвящена сложным существительным. Этот класс относится к сложным и состоит из двух частей глагола и имеет четыре типа, причем ни один из них не объединен ни с прилагательным, ни с другими частями речи, и, по сути, все эти четыре типа имеют значение инфинитива, и можно сказать, что это усеченные инфинитивы, однако каждый тип их имеет значение, сходное со значениями различных арабских инфинитивов...» [281, 121]. В этом случае термин «тип» используется в значении модели словообразования, к которым отнесены четыре типа «усеченных существительных»:

1. «Основа глагола прошедшего времени + основа глагола настоящего времени», например *гуфтугӯ* (разговор), *шустушӯ* (умывание), *ҷустуҷӯ* (поиск) и т.д.

2. «Основа глагола настоящего времени + основа глагола настоящего времени», например *гирудор* (обхождение), *такудав* (беготня), *такутоз* (суета), *такопу* (хлопоты) и т.д.

3. «Основа глагола настоящего времени + основа глагола настоящего времени» (с интерфиксом *-о-* или *-ма-*), например *кашокаш* (драка), *кашмакаш* (потасовка) и т.д.

4. «Основа прошедшего времени глагола + основа прошедшего времени глагола (с интерфиксом *-у-*), например *додуситад* (сделка),

гуфтушунид (переговоры), *нишастубархост* (общение), *омадушунид* (общение), *задухурд* (битва), *омадурафт* (посещение) и т.д.

Исследование моделей показало, что вторая и третья модель тождественны и композиты отличаются лишь интерфиксами.

В исследовании А. Хумоюнфарруха следует особо отметить два момента: во-первых, автор в одиночку написал указанное руководство, содержащее свыше тысячи страниц; во-вторых, для подтверждения той или иной мысли, в частности относительно сложных слов, ученый избирал наилучшие примеры из классической поэзии.

Наряду с этим, при прочтении произведения становится ясно, что автор иногда смешивает производные слова со сложными, относящимися к группе композитов с подчинительной связью, к примеру *дастгоҳ* (аппарат) [см.: 281, 90], *даргоҳ* (порог), *обишор* (водопад) [см.: 281, 94], *субҳгоҳ* (утро) [см.: 281, 95] названы им сложными.

В книге «Грамматика персидского языка» («Дастури забони форсӣ») М. Шариата в отличие от исследования А. Хумоюнфарруха, сложные слова изучена не столь глубоко. М. Шариат посвящает этому вопросу раздел под названием «Словообразование» [см.: 268, 417-429], однако в указанном разделе изучены в основном производные слова. Автор разделяет сложные слова на две группы по их структуре: 1) непроизводные, простые и 2) дериваты. Дериваты, как отмечает исследователь: «Это такие слова, которые в своей основе имеют корень прошедшего времени или настоящего-будущего времени (= усеченный инфинитив или повелительное наклонение глагола без приставки «би-»), которому предшествует предлог или слово, или за ним следует суффикс или слово, или имеются оба (до и после основы)» [268, 417].

Из размышлений М. Шариата очевидно, что под термином «деривационные слова» автор подразумевает как производные, так и сложные слова. Однако в связи с тем, что «предлоги и постфиксы являются

самостоятельными частями» [см.: 268, 418], исследователь не посчитал необходимым исследовать сложные слова в разделе «Словообразование».

При изучении лексико-грамматических групп слов исследователь предоставил сведения об их структуре. В разделе «Имя существительное» приводятся сведения об образовании ряда сложных существительных. Например, «два корня или основы настоящего-будущего времени глагола могут образовать производное существительное *шудомад* (обращение); две основы настоящего-будущего времени слова, соединяясь с интерфиксом, могут образовать деривационное существительное: *гуфтушунид* (переговоры), *рафтуомад* (общение), *нишастубархост* (обращение)» [268, 182]. Это утверждение и другие размышления М. Шариата подтверждают, что автор, рассуждая о процессе образования сложных существительных с сочинительной связью, не затрагивает другие существительные.

В книге «История персидского языка» («Таърихи забони форсӣ») доктора П.Н. Хонлари словообразованию посвящен отдельный раздел, в котором ученый выделяет три подраздела – суффикс; префикс; конструкции [см.: 265, 3, 6-78]. В ходе исследования указанного вопроса ученый опирается на языковой материал «первого периода персидского языка дари, т.е. на древнейшие сохранившиеся на этом языке произведения до середины седьмого века хиджры (лунного летоисчисления)» [см.: 265, 3, введение].

П.Н. Хонлари считает одной из особенностей персидского языка простоту его конструкций и разнообразие его типов [см.: 265, 3, 53]. Далее исследователь поясняет используемый им термин «*таркиб*». Согласно толкованию автора, «*таркиб* здесь представляет собой соединение двух или более слов, каждое из которых имеет определенное значение, а из их соединения образуется новое слово, которое, хотя и включает некоторое значение отдельных компонентов, также выражает самостоятельное и новое понятие» [265, 3, 53]. Становится очевидно, что термин «*таркиб*» в

исследовании Хонлари является синонимом понятия «сложное слово» и именно по этой причине исследователь иногда его использует.

В кратком обзоре о существовании этой группы слов в древнеперсидском и среднеперсидском языках, исследователь высказывает мнение, что «в новоперсидском (дари) больше видов сложных слов и случаев их употребления» [265, 3, 54].

Доктор Хонлари делит сложные слова языка дари на три типа: 1. субстантивные композиты (состоящие из существительного, прилагательного и наречия); 2. глагольные композиты (состоящие из разных глагольных компонентов и наклонений или из существительных и прилагательных); 3. композиты, состоящие из существительного, глагольного компонента и предлога [см.: 265, 3, 54].

Из данной классификации видно, что критерием деления сложных слов на группы является их морфемный состав. В этой связи в одну группу отнесены как сложные слова с сочинительной связью, так и сложные слова с подчинительной связью. Например, в параграфе 8.2 анализируются сложные слова с подчинительной связью, которые автор называет «перевернутыми изафетами», в частности *пойафзор* (обувь), *корвонсарой* (караван-сарай), *зиёфатхона* (гостиная), *шоҳнома* (книга о царях) и др. И напротив, в параграфе 8.4 рассматриваются сложные слова с сочинительной связью, состоящие из «двух глагольных основ и интерфикса «-о-», от которых образовано отглагольное существительное» [265, 3, 56], такие как *таконуй* (суета), *паёнай* (непрерывно), *камобеи* (немного), *дамодам* (иногда) и т.д.

В разделе «Отглагольные существительные» рассмотрены в основном сочинительные сложные слова, образованные по разным моделям словообразования. В разделе «Конструкции с суффиксами» согласно терминологии таджикского языкознания исследованы смешанные слова, такие как *барпохоста* (вставший на ноги), *бакормада* (пригодный), *хамарӯза* (ежедневный), *хамасола* (ежегодный), *харсола* (ежегодный) и др.

Несмотря на то, что, во-первых, в ходе исследования сложных слов иногда «таркибы» – конструкции представлены как сложные слова, например *андар ҳаво нишаста* (висящий в воздухе), *сузу гудоз* (душевная мука), *ному нишон* (память), *ному нанг* (честь и достоинство) и т.д., и, во-вторых, наблюдаются случаи не соответствия моделей, например отнесение к модели «имя прилагательное + имя существительное = имя прилагательное» слов *соҳибчамол* (красавица), *соҳибдил* (праведный) [см.: 265, 3, 61], исследование доктора Ханлари считается одной из основополагающих работ по вопросам словообразования. Кроме того, в разделе «Взаимосвязь компонентов в сложном слове» высказано интересное мнение, касающееся смыслового выражения сложных слов. В частности, в разделе 9.2 говорится: «Иногда в такого рода конструкциях прослеживается аллегорическая связь между словами» [265, 3, 75], и в этой связи анализируются слова типа *шердил* - качество того, чье сердце подобно львиному; *пилтан* - качество того, чье тело похоже на тело слона.

Доктор Х. Фаршедвард, который, по словам М. Шаабани, считается «мастером грамматики и языкознания» [см.: 273, 29], осуществил фундаментальное исследование по словообразованию персидского языка. Х. Фаршедварду принадлежат книги «Композиты (таркибы) и их эволюция в персидском языке» («Таркиб ва таҳаввули он дар забони форсӣ»), «Словарь персидских префиксов и суффиксов. Приложение с высказываниями о грамматике персидского языка» («Фарҳанги пешвандҳо ва пасвандҳои форсӣ ҳамроҳ бо гуфторҳои дар бораи забони форсӣ») [см.: 273; 304] и др. Автор исследует лексемы с точки зрения их строения и считает, что лексические единицы делятся на две группы:

1. Первоначальная лексика – primary word(e) or morpheme word(e). Например, *надар* (отец), *модар* (мать).

2. Вторично образованная лексика, или производная (secondary word). Автор интерпретирует данную группу слов следующим образом: «...то, что

образовано более чем из одного корня, например *коргар* (рабочий), *хампеши* (коллега), *гулоб* (розовая вода)» [273, 105].

Вторую группу слов исследователь в свою очередь делит на четыре группы: 1) деривационные слова; 2) слова, сходные с дериватами; 3) сложные слова; 4) смешанные слова.

Под термином «деривационные слова» понимаются производные слова, например *ситамгар* (угнетатель), *доно* (умница), *сиёҳӣ* (темнота). Слова, сходные с дериватами, — это слова, в морфемном составе которых, кроме основ глаголов, имеются формообразующие суффиксы: *гулҳо* (цветы), *мардон* (мужчины), *меравад* (идет) и т.д. Смешанные слова, по мнению Х. Фаршедварда, это «слова, являющиеся и сложными, и деривационными, например *забонишиносӣ* (языкознание), *додситонӣ* (судебное преследование)» [273, 105].

Сложные слова исследователь интерпретирует следующим образом: «это сложные слова, образованные из слов или полуслов или из сочетания того и другого таким образом, что компоненты сложных слов утратили свои морфологические, или синтаксические, или фонетические, или семантические свойства, как, например *гулоб* (состоящее из двух слов: «гул» и «об»), и *чохолӣ задан* (состоящее из полуслова «чохолӣ» и слова «задан»), и *пурсучӯ* (состоящее из двух полуслов – «пурс» и «чӯ»)» [273, 45; 304, 105].

Утверждение Х. Фаршедварда о принадлежности лексем *гулоб*, *пурсучӯ* бесспорно, однако два момента заставляют нас задуматься: 1) что подразумевается под термином «полуслово»? Дело в том, что ученый в случае с «чохолӣ задан» лексему *чохолӣ* и в случае с «пурсучӯ» оба слова – *пурс* и *чӯ* – относит к «полусловам». В таджикском языкознании в первом примере глагол *задан* считается вспомогательным глаголом, утратившим лексическое значение и участвующим в образовании составного глагола в качестве вспомогательного глагола. В этом случае слово *задан* возможно назвать полусловом. Во втором примере лексема *пурсучӯ* является сложной по структуре и состоит из равноправных глагольных основ – *пурс* и *чӯ*; 2)

если «компонент конструкции» утрачивает лексическое значение, возможно ли такую лексическую единицу назвать сложной?

Из краткого обзора исследований иранских ученых можно сделать вывод, что классификация лексики, в особенности сложных слов, не имеет однозначной интерпретации и учеными высказаны различные точки зрения по данному вопросу. Несмотря на это, утверждения Хонлари и Хумоюнфарруха дают повод для дальнейших научных разработок и достойны внимания и изучения.

Одним из исследований, посвященных словообразованию персидского языка, является «Именное словообразование в персидском языке» Т.Д. Чхеидзе [см.: 252]. Исследование состоит из четырех глав, первая глава которого посвящена префиксальному словообразованию в персидском языке [см.: 252, 5-13], вторая глава – суффиксальному словообразованию в персидском языке [см.: 252, 14-65], третья глава – словосложению – композиции [см.: 252, 66–98], а четвертая глава – взаимоотношениям композиции и суффиксации в современном персидском языке [см.: 252, 99–110]. Автор утверждает, что в персидском языке образование сложных слов является одним из средств формирования лексического запаса. Возможности персидского языка в этом плане многогранны, и по словообразованию сложных слов с ним может сравниться только немецкий язык [см.: 252, 73-74].

«Композиты известны почти всем языкам, – пишет Т.Д. Чхеидзе, – во все времена развития. Это объясняется тем, что в основе композиции имеется тенденция, свойственная всем языкам: малым количеством слов передать многое» [252, 66]. Далее ученый делит сложные слова на четыре группы: 1) сложносочиненные слова; 2) слова, образованные повтором; 3) сложноподчиненные слова; 4) посессивные слова [см.: 252, 74] и приходит к выводу, что «композиция раскрывает широкие возможности перед языковым творчеством, если им умело пользоваться; в создании композитов большую роль сыграли поэты, охотно пользующийся этим средством...» [252, 74].

Вклад исследователя Л.С. Пейсикова в исследование лексики современного персидского языка неоценим. Ученый рассматривает вопросы словообразования в двух исследованиях: в «Очерках по словообразованию персидского языка» [см.: 220], посвященных специальному изучению особенностей словообразования персидского языка, и в «Лексикологии современного персидского языка» [см.: 221], в которой один из разделов посвящен вопросам словообразования. Первая книга состоит из двух частей, в первой части рассмотрены теоретические вопросы словообразования [220, 9-59], а во второй части обсуждаются способы образования деривационных слов [220, 60-173]. Согласно распространенной теории об «отношениях между компонентами» [см.: 220, 152], исследователь делит сложные слова персидского языка на три группы: 1) детерминативные сложные слова; 2) копулятивные сложные слова и 3) синтактикоподобные сложные слова – сращения [220, 153]. «Детерминативы, – пишет автор, – по характеру отношений своих компонентов напоминают так называемые подчинительные словосочетания с главным и распространяющим членом – изафетные, предложные и построенные на примыкании. Иначе говоря, в детерминативах один из компонентов является детерминатором (уточнителем) другого компонента» [220, 153]. В качестве детерминатора может использоваться первый компонент (*гулбарг* (лепесток цветка), *чобукдаст* (ловкий), или второй компонент (*соҳибмансаб* (чиновник), *сармаст* (опьяненный), *суратмаҷлис* (протокол) [220, 153]. В копулятивных сложных словах нет определяющего компонента, поскольку обе части равны по значению, например *молломол* (изобилие), *рах-рах* (полосатый) и т.д. Третья группа сложных слов образована из сложных синтаксических моделей, похожих по структуре на предложения, и данная группа лексических единиц менее продуктивна по сравнению с двумя названными выше группами, например *рохатбош* (от «рохат бош!» (не беспокойся), *шодбош* (от «шод бош» (будь счастлив) [220, 154] и др. По мнению Л.С.

Пейсикова, «каждый из трех классов сложных слов может иметь внутренние подразделения: классы разбиваются на подклассы, а подклассы в свою очередь – на отдельные мелкие рубрики. Но такая дробная классификация неперспективна и научного интереса не представляет. По-видимому, *более перспективна и необходима морфологическая классификация* (подтверждение наше – О.М.) (распределение сложных слов по частям речи)» [220, 154].

В другой работе [см.: 221] ученый признает словообразование древним, основным и продуктивным средством образования новых слов [221, 99], а также отмечает, что как в среднеперсидском, так и в новоперсидском языке известны два типа сложных слов: копулятивный и детерминативный. Далее автор указывает на низкую продуктивность группы сложносочиненных композитов и приводит сведения о тринадцати моделях образования сложноподчиненных композитов [221, 100-106]. Исследователь приходит к правильному рассуждению, что «в процессе образования детерминативов новоперсидского периода можно проследить не только расширение словообразовательного материала, но и возникновение новых частных моделей, значительно пополнивших фонд сложных слов» [220, 105].

Профессор Ю.А. Рубинчик в «Грамматическом очерке персидского языка» [см.: 230] в зависимости от семантических отношений компонентов также классифицирует сложные слова персидского языка на две группы: 1) сложные имена сочинительного типа, в которых оба компонента равноправны и 2) сложные имена детерминативного типа, в которых один компонент зависим от другого компонента по смыслу и один компонент поясняет или дополняет другой [см.: 230, 820]. Исследователь отмечает пять моделей образования детерминативных слов: а) «имя существительное + имя существительное» (*солчашин* / годовщина); б) «имя прилагательное + имя существительное» (*рангинкамон* / радуга); в) «имя существительное + основа настоящего времени глагола» (*захматкаш* / трудящийся); г) «имя существительное + основа прошедшего времени глагола» (*бунбаст* / тупик);

д) «числительное + имя существительное» (*segūsha* / треугольник) [см.: 230, 821].

В 80-е годы XX века в области языкознания по исследованию сложных слов вышла примечательная монография другого грузинского исследователя Т.А. Чавчавадзе, под названием «Именное словообразование в новоперсидском языке» [см.: 251]. Монография выполнена на основе исследования сложных слов двуязычного «Персидско-русского словаря» Ю.А. Рубинчика [см.: 299, 13]. В данном исследовании классификация сложных слов и определение закономерностей их образования является ключевой темой [см.: 251, 7]. По сути, классификация сложных слов, предложенная в данной работе, не является уникальной, поскольку во многом тождественна классификации, предложенной еще древнеиндийскими учеными.

В первой главе работы – «Вопросы классификации именных сложных слов» – осуществлен подробный анализ научных источников, в которых произведена классификация сложной лексики. В данном контексте ученый делит научные круги на две группы: 1) исследователи, чья классификация является повторением классификации других ученых; 2) вторая группа — это исследователи, представившие оригинальные классификации.

Первую группу грузинский исследователь делит еще на две группы: 1) первая группа ученых делит сложные слова персидского языка на три группы: а) копулятивные сложные слова; б) детерминативные сложные слова; в) посессивные прилагательные. К этой группе исследователей относятся А. Вуллерс, П. Хорн, К.Г. Залеман, Е.Э. Бертельс [см.: 251, 24]; 2) к ученым, классифицировавшим сложные слова на две группы – копулятивные (сложносочиненные) и детерминативные (сложноподчиненные), относятся В.С. Расторгуева, Н.А. Ахмеджонова, Ю.А. Рубинчик, Л.С. Пейсиков [см.: 251, 30].

Проанализировав и исследовав существующие теории, Т.А. Чавчавадзе приходит к заключению, что «ни одна из систем не удовлетворяет требованиям классификации» [251, 26].

На основании учения древнеиндийских ученых, прежде всего Панини, автор предлагает следующую классификацию сложных слов: 1. Сложные слова типа двандва (так называемые европейскими учеными копулятивы); 2. Сложные слова типа татпуруша (детерминативы); 3. Сложные слова типа бахуврихи (посессивы); 4. Сложные слова типа авьяйибхава (тип сложного слова-наречия) [см.: 251, 67]. Хотя сложность некоторых моделей, например татпуруша со вторым компонентом *-гоҳ*; *-када*, посредством которых образуются композиты *озмошигоҳ* (лаборатория), *сахаргоҳ* (раннее утро, рассвет), *майкада* (питейный дом), *гамкада* (обитель скорби) и т.д. является спорной [251, 98-99], наряду с этим данная монография признана одной из лучших исследовательских работ в плане исследования сложных слов.

Обобщение научных источников по дериватологии убеждает в том, что научное сообщество расходится во мнении относительно классификации композитов. Исходя из этого, научно-исследовательские работы ученых в этом направлении можно разделить на следующие группы:

1. Исследования ученых, в которых для обозначения композитов используются термины «калимаҳои мураккаб» («сложные слова» – М.Мукарраби, А.Хумоюфаррух) или «калимаҳои муштак» («деривационные слова» – М.Шариат), а классификация композитов проводится на основе моделей их образования.

2. Научные труды, в которых приводятся две классификации композитов (Ж. Лазар, Ш. Ниязи, М. Турсунов, В.С. Расторгуева, Л.С. Пейсиков, Ю.А. Рубинчик). Следует отметить, что предложенные классификации отличаются по своему принципу. Например, классификация, предложенная французским ученым Ж.Лазаром, отличается от классификации, в основу которой заложен принцип связи компонентов – соединительного и подчинительного.

3. Научные работы, в которых композиты классифицируются на три группы (К.Г. Залеман, В.А. Жуковский, Е.Э. Бертельс, Ш. Рустамов, Л.С.

Пейсиков). В этой связи следует напомнить о двух обстоятельствах. Во-первых, классификация, предложенная Ш. Рустамовым, отличается тем, что основывается на связи компонентов сложного слова. Во-вторых, другим ученым в этой области, Л.С. Пейсиковым, в двух научных работах приводятся две разных классификации. В работе «Лексикология современного персидского языка» [см.: 221] предлагаются две классификации композитов по типу связи (соединительная, подчинительная), а в работе «Очерки по словообразованию персидского языка» [см.: 220] – три классификации (детерминативы, копулятивы и синтактикоподобные сложные слова – сращения).

4. Исследования, в которых сложные слова классифицируются на четыре группы (Т.Д. Чхеидзе, Т.А. Чавчавадзе, М. Султон). Классификации этих ученых также имеют отличительные особенности.

5. Работы ученых, в которых предложены классификации по шести признакам композитов (Л.И. Жирков).

Таким образом, «по проблеме классификации сложных слов и терминов ...споры продолжаются» [108, 108]. Здесь, безусловно, возникает вопрос: какой классификации придерживаются большинство лингвистов или же должны придерживаться?

На наш взгляд, в данном вопросе классификация индийских ученых, в которой сложные слова классифицируются на четыре группы, является наиболее приемлемой, поскольку грамматика Панини, являясь высшей ступенью развития религиозно-лингвистической традиции Древней Индии [см.: 172, 3], оказала глубокое влияние не только на становление лингвистических направлений Индии, но и на японскую, арабскую и тибетскую лингвистическую мысль [см.: 172, 5]. Классификация Панини, основанная на семантике, является универсальной и находит применение во многих языковых системах. По мнению Т.А. Чавчавадзе, «...сходство некоторых сложных слов, проявленное в разных языках, до того велико, что может показаться калькированным». [см.: 251, 73].

Данная классификация выделяет следующие виды сложных слов:

1. Двандва – объединение двух и более равнозначных основ [см.: 190, 122]. Приложение основ может происходить без какого-либо грамматического способа или посредством соединительных гласных (-у-; -о-; -дар-; -бар- и др.). Например: *обуранг* (красота, пестрота), *дастуро* (прилагать усилие), *қилуқол* (споры), *обугил* (тело, плоть, натура, сущность), *обутоб* (закалка), *саропо* (с головы до ног, весь), *рангоранг* (разноцветный), *рангубӯ* (краски и запахи), *саросар* (повсюду), *сарубарг* (бытие: часть мира), *талотум* (волнение), *шабурӯз* (день и ночь), *адаббатабақ* (почитание, воспитанность), *минобачанг* (держаший в руке графин для вина), *боддарқафас* (несостоятельный), *ганҷдарбагал* (имеющий клад за пазухой, состоятельный), *гулбачанг* (с цветком в руке), *гоибазназар* (сокрытый от взора) и др. Например:

Зи сайри обуранги ин чаман дил чамъ кун, Бедил,

Ки ҳар ҷо гунча гардидӣ, гулат дар остин бошад. [т.1 (п.ч.), 475]

Откажись от наблюдения красот этого цветника, Бедиль,

Там, где ты стал бутоном, цветы у тебя в рукаве.

Дастурое мезанад ҳар кас ба уммеди фано,

То губори ин биёбон орамидан орзуст. [т.1 (п.ч.), 327]

Прилагает усилие каждый в надежде на небытие (фано),

До пыли этой пустыни мечтаю успокоиться.

В образовании сложных слов принимает участие и группа интерфиксов, которые ранее относились к префиксальным морфемам, в частности -дар-, -бар-, -ба-, -аз-. В современном таджикском литературном языке указанные словообразующие морфемы в образовании лексем типа двандва непродуктивны, однако в языке таджикской классической литературы, в особенности в стихотворениях Бедиля, они проявляют высокую активность. К примеру: *адаббатабақ*, *минобачанг* (держаший в руке графин для вина), *боддарқафас*, *ганҷдарбагал* (с кладом за пазухой),

гулбачанг (с цветами в руке), *гоибазназар* (сокрытый от взора), *оинабардаст* (с зеркалом в руке), *обилабардӯш* (имеющий мозоли, мозолистый) и др.:

*Баҳоре, ки ҳар ҷо диҳад арзи ранг,
Губораи диҳад то абад гулбачанг.* [т.3, 657]
Весна, которая везде проявляет краски,
Пыль даёт до вечности цветам в руке.

*Подшоҳе, ки ганҷдарбагал аст,
Фитрати шахси кимиёамал аст.* [т.3, 324]
Царь, имеющий клад за пазухой, –
Натура человека, занимающегося алхимией?

*Омад он гоибазназар ба намуд,
Бенишонӣ шуд ин замон маҳдуд.* [т.3, 48]
Обнаружился тот, кто был скрыт от взора,
И стала ограниченной безвестность.

2. Бахуврихи – специфическая модель сложного слова, «вторым членом которого всегда выступает имя существительное, первым элементом бывает имя существительное, имя прилагательное, причастие, местоимение, имя числительное, целиком же слово производит имя прилагательное и имеет значение «обладающий чем-то», «имеющий такие - то признаки» [см.: 251, 33]. Например: *гуҳартинат* (люди с благородной натурой / природой), *гулбадан* (изящный, буквально: человек, тело которого создано из розы), *обиларӯ* (рябой), *обиладил* (огорченный, больной), *обилаборон* (испытывший трудности и лишения) и т.д. Например:

*Ашки гуҳартинати мо роҳи тапиш сар накунад,
Тифли дабистони адаб ин сабақ аз бар накунад.* [ч.1 (б.а.), 450]

Слеза наша, имеющая благородную природу, не ступит
на путь трепетания,

Ученик школы учтивости не усвоит этот урок.

*Фардо шавӣ огоҳ зи парвози губорам,
К-ин хилъати нозук ба бари гулбадане буд.* [ч.1 (б.а.), 461]

Завтра из полета моей пыли ты узнаешь,

Что данное тонкое одеяние было надето на изящное тело.

3. Татпуруша – соединение двух и более основ, из которых первый член является определением второго члена [см.: 190, 126]. Между компонентами татпуруша можно усмотреть следы управления, в большинстве случаев – «главенство» второго члена над первым [см.: 251, 61], например *адаммуштоқ* (жаждущий небытия), *амалпаймо* (завершение работы), *ёқутрез* (украшенный драгоценными камнями), *самарфишон* (урожайный), *гуҳарпардоз* (выращивающий жемчуг), *зархез* (золотонный), *тадбиргудоз* (завершающий работу), *ситамиарик* (заботливый), *аброфарин* (создающий облака), *андешанамо* (подобный мысли), *андешасӯз* (сжигающий мысль), *анчуманпардоз* (украшающий собрание), *анчумансоз* (создающий собрание), *аррадандона* (зубы как у пилы) и т.д.

*Дар гулиSTONE, ки хонад ашки ман сатри наме,
Соџи гул то абад **аброфарин** пайдо шавад.* [т.1 (п.ч.), 690]

В цветнике, где моя слеза прочтет влажную строку,

До вечности будет тень от розы творить облако.

*Дар содадилӣ арзи таманнои ту додем,
Бематлабӣ **андешанамо** шуд, чӣ бачо шуд!* [т.1 (п.ч.), 591]

Из-за простоты мы пожелали твоего кокетства,

Проявилась бесцельность, и это было, кстати.

Изучение лингвоспецифических особенностей таджикского языка убеждает в том, что в нём «главенство» второго компонента в композитах типа татпуруша является относительным, так как эта группа сложных слов может производиться также на основе факки изофат – выпадения изафета между определением и определяемым. В таких лексемах «главенство»

приобретает первый компонент композита. К примеру, *сароб* (исток воды, мираж), *сарнома* (предисловие), *сарбарахна* (с непокрытой головой), *сарзамин* (начало земли), *сарманзил* (местожительство), *соҳибнафас* (дышащий), *соҳибҳаё* (стыдливый), *соҳибҳусн* (красивый), *соҳибчавҳар* (ученый), *соҳибчалол* (величественный), *қатрахун* (капля крови). В связи с этим грузинский ученый Т.А. Чавчавадзе высказывает следующую мысль: «В ряде случаев изафетные соотношения компонентов сложного слова оформляются их изафетной же последовательностью, т.е. определяемое предшествует определяющему» [251, 104]. Затем ученый на основе двуязычного словаря Ю.А.Рубинчика анализирует 1087 сложных слов с основным компонентом *соҳиб* – владелец (*соҳибҳунар* – обладающий высоким мастерством), *духтар* – дочь (*духтараму* – дочь брата отца), *писар* – сын (*писарзан* – пасынок, сын жены), *сар* – начало (*сарсухан* – предисловие), *об* – вода (*обчав* – пиво). В целом ученым проанализированы 43 компонента с «главенствующей» позицией. [см.: 251, 104-112]. Исходя из этого, можно прийти к заключению, что одной из особенностей композитов таджикского (персидского) языка является выступление первого компонента в качестве доминанта.

4. Авьяибхава – композиты, создающие неизменяемое слово (наречие). Такого рода сложные слова встречались в санскрите, в авестийском и в древнеперсидском языке [см.: 251, 63]. Термин «авьяибхава» в переводе с древнеиндийского языка буквально означает «превращение в неизменяемое», и, согласно толкованию европейских ученых в области санскрита, это «композиты с первым главным элементом» (*composita mit regierendern vorderglied*). Композиты типа авьяибхава в таджикском языке непродуктивны и поэтому в поэзии Бедиля немногочисленны.

Более чёткое и ясное изложение вышеназванных терминов дается в книге «Грамматика хинди» К.Гуру. В главе «Сложные слова» автор отмечает: «Сложные слова подразделяются на четыре основные категории.

У композиций, состоящих из двух компонентов, эти категории определяются по принципу главенства и подчинения. Сложное слово, в котором главным является первый компонент, называется авьяибхава. Композит, в котором главным является второй компонент, называется татпуруша. Сложное слово, в котором оба компонента являются главными, называется двандва. Сложное слово, в котором ни один из компонентов не является главным, называется бахуврихи» [177, 272].

Классификация грузинского ученого в последующем получила большую поддержку лингвистов [см.: 228, 76-77; 31, 102; 182, 223-230; 104, 143-148; 109, 107-121] и была взята за основу в ходе исследования композитов. Так, профессор Д.Саймидинов фиксирует в среднеперсидском языке лексемы типа двандва, татпуруша, кармадхарайа и бахуврихи и излагает анализ некоторых из этих образцов [см.: 104, 143-148]. Эта классификация взята за основу и другим таджикским ученым, М.Х. Султоном, в ходе анализа сложных терминов таджикского языка [см.: 109, 107-122]. Таджикские диалектологи Дж. Мурватов и С. Рахматуллозода также использовали данную классификацию в процессе исследования южных и юго-восточных говоров таджикского языка при анализе сложных слов [214, 47-64; 89, 121-180; 229, 129-186].

1.2. Место композитов в поэзии Бедиля

Бедиль – один из выдающихся таджикских поэтов, удививших почитателей поэтического слова начиная с XVII века и вплоть до наших дней своими новациями и уникальным слогом. Жизнь и творчество этого «великого, плодотворного поэта-долгожителя» [15, 59] еще при жизни вызывали интерес литераторов, в особенности антологистов и исследователей. Этим обусловлен факт, что в ряде источников времен Бедиля уже упоминается его поэзия. В числе таких произведений можно упомянуть «Сафинат-уш-шуара» Хушгу, «Маджма'-ун-нафаис» Сироджиддина Алихана Орзу, «Мир'ат-уль-хаял» Шерхона Луди, «Калимат-уш-шуара» Сархуша, «Рияз-уш-шуара» Вола Дагистани, «Сарви

озод» Гулямали Озода Балгирами, «Хизонаи Омира» Озода, «Нолаи Андалеб» Андалеба, «Наштари ишк» Хусайнкулихана Азимабади и множество других источников, где Бедилю выказано уважение и глубокое почитание. Воздержавшись от упоминания сведений из указанных источников, мы хотим обратить внимание на факт, который особенно заинтересовал нас при изучении их произведений. В большинстве антологий Бедиль представлен как один из самых изобретательных поэтов-новаторов. Например, Сирожиддин Алихан Орзу пишет в «Маджмау-ун-нафаис»: «...благодаря своей мощи заметно улучшил персидский язык...» [см.: 266, 103; 115, 103]. По сведениям Вола Дагистани, Бедиль «...придумывал удивительные обороты на персидском языке...» [см.: 266, 108; 115, 106-106], а по словам Гулямали Озода Балгирами, «сколько нового смысла принес ему его тонкий вкус и как свежи плоды, собранные его пером» [см.: 115, 109]. В другом месте тот же автор говорит: «Мирзо - уникальный творец смыслов, однако у него собственный стиль, и большей частью квинтэссенцию слов он нанизал на нитку речи» [см.: 266, 110]. Далее автор подчеркивает: «Мирзо придумывал на персидском языке удивительные вещи, не принимаемые простым народом» [см.: 266, 113; 115, 110].

В «Сафинат-уш-шуара» Хушгу, по словам Х. Халили «очень изящно и подробно» выражает собственное уважение и приверженность Бедилю следующими строками:

Бибояд шустан лаб аз мушку гулоб,

То бигӯем номи он қудсичаноб.

Необходимо прополоскать губы мускусом и розовой водой,

Чтобы произнести имя того, чей порог высок,

и именует Бедиля «кыблой слов и каабой смысла, богом слова и богом красноречия» [см.: 266, 124; 115, 117]. Эти утверждения антологистов и современников Бедиля о его незаурядном таланте можно встретить и в трудах современных исследователей, называющих его плодовитым поэтом, новатором и т.д. Так, С.Айни уважительно называет Бедиля «поэтом-

ученым» [см.: 15, 57], «Бедилем-новатором» [см.: 15, 87] и «знатоком слова – исследователем» [15, 104].

О жизненном пути и наследии Бедиля, а также о своеобразии индийского стиля в таджикской и персидской филологии создано большое количество научных работ, которые можно подразделить на две группы:

1. Исследования, непосредственно посвященные изучению жизни и художественного наследия Бедиля.

2. Научные изыскания, в которых в ходе исследования особенностей поэзии индийского стиля и его представителей затрагиваются вопросы, связанные со спецификой языка и стиля Бедиля.

К первой группе можно отнести научные труды известных ученых: С. Айни, Э. Рахмона, Е.Э. Бертельса, Х. Айни, Ш. Кадкани, Н. Ходи, И. Бечки, П. Муджаддади, Х. Хусаини, М. Козими, Х. Халили, Ю. Салимова, Б. Рахими, А. Насриддина, Б. Хамдама, Н. Садыковой, Н. Нурзода (Нурова) и др.

Садриддин Айни является одним из первых таджикских исследователей, изучавших жизнь и творчество Бедиля, который воплотил свои воззрения на Бедиля в обстоятельном труде под названием «Мирзо Абдулкадыр Бедиль» [см.: 15]. Данное исследование состоит из двух частей, в первого из которых представлены жизнь и творчество поэта, названы этапы становления его мировоззрения, изучены язык и стилистика произведений Бедиля, показано влияние поэта на творчество литераторов Центральной Азии, процитирована подлинная рукопись поэтического сборника Бедиля [см.: 15, 9-116], а во второй части приведены образцы из сочинений Бедиля [см.: 15, 117-332].

Один из разделов первой части книги назван «Язык, стиль и поэтическое искусство Бедиля» [см.: 15, 98-107]. С. Айни отмечает: «если исследовать поэтический язык Бедиля с точки зрения отдельных лексических единиц, по отдельности, то этот язык кажется очень простым» [15, 98]. В подтверждение этого мнения С. Айни приводит десятки лексических единиц из поэзии Бедиля, которые распространены в

современном таджикском литературном языке, например: *хай кардан* (прогонять скот), *сар додан* (отпустить), *ишкел* (четыре конечности), *дина* (*вчера*), *газак* (закуска) и т.д. Это утверждение С.Айни впоследствии было поддержано и другими исследователями [см.: 72, 79-81; 80, 50-58]. Однако, «когда речь идет о предложениях, сравнениях, намеках и метафорах, язык Бедиля становится самым сложным таджикским литературным языком» [15, 99]. С.Айни считает, что использование сложных терминов, сравнений и метафор затрудняет понимание языка Бедиля. Наряду с этим, по словам Айни, у Бедиля, «наряду с трудными в понимании стихотворениями, также множество простых, плавных, страстных стихотворений, украшенных новыми сравнениями» [15, 99]. С.Айни заканчивает эту главу такими словами: «...Бедиль... действительно обладал выдающимися способностями в науке, литературе и языке» [15, 107].

Действительно, монография «Мирзо Абдулкадыр Бедиль» представила С.Айни «как видного ученого в области бедилеведения своего времени» [см.: 84, 563] и, с другой стороны, по мнению Е.Э. Бертельса, он ответил на множество вопросов, связанных с индийским стилем поэзии, оказал существенное влияние на развитие истории таджикской литературы, привлек внимание ученых к исследованию проблемы смены стилей и, наконец, поднял уровень научно-исследовательских работ на достаточно высокий уровень [см.: 21, 8].

Произведение С.Айни было опубликовано с предисловием академика Е.Э. Бертельса. В нем исследователь особо упомянул о двух примечательных особенностях языка Бедиля: первая особенность – «первое, что обычно приходит на ум при упоминании имени Бедиля, – его весьма трудный для понимания язык» [21, 5], и далее, отмечая вторую особенность, подчеркивает: «в процессе изучения языковых особенностей Бедиля следует определить употребление, лексический состав и его отношение к общелитературному таджикскому языку...» [21, 7].

Академик Е.Э. Бертельс является автором отдельных исследований, в которых представлена точка зрения Бедиля на эволюцию [158, 343-351] и некоторые замечания ученого о наследии поэта [159, 352-362].

Лидер нации, уважаемый Эмомали Рахмон с особым почитанием и уважением относится к таджикскому языку и литературе и, подчеркивая величие таджикского языка, призывает к почитанию великой и всемирно известной литературы, созданной на нём. Книга «Чехраҳои мондагор» («Исторические лица»), изданная в 2016 году, посвящена великим представителям таджикской и персидской литературы: Рудаки, Фирдоуси, Носиру Хосрову, Мавляна, Джами и др. Эмомали Рахмон в статье «Поэтический гений, связывающий две страны», назвав Бедиля одной из достославных личностей таджикского народа, отмечает: «Поэтический диван Бедиля, наряду со священным Кораном и диваном Хафиза, считались настоящими сокровищами в каждом доме и передавались из поколения в поколение как бесценное наследие. Диван Бедиля клали в изголовье новорожденного младенца в колыбели, чтобы он приобрел просвещенность и мудрость Бедиля» [91, 290].

Во второй книге исследования «Язык нации – сущность нации» («Забони миллат – ҳастии миллат»), вышедшей под названием «Язык и время» [см. 90], Эмомали Рахмон, подробно останавливаясь на личности Бедиля и статусе таджикского языка на полуострове Индостан, разделил периоды влияния таджикского языка на указанной территории после арабского нашествия на два основных периода:

1. Процесс распространения таджикского языка в Индии от арабского завоевания до вступления в правление индийской династии Тимуридов (XI-XV вв.).

2. Развитие таджикского языка в Индии в период правления индийских Тимуридов (XVI-XIX вв.) [см. 90, 2, 88].

По мнению исследователя, во второй период «Индия... превратилась в огромную и влиятельную литературную область для таджикоязычных литераторов» [90, 2, 117], а среди поэтов того периода «поэзия Бедиля

достигла высочайших вершин в индийском стиле поэзии, которая обрела множество последователей в таджикской литературе» [90, 2, 133]. Автор описывает одну из особенностей языка произведений Бедиля в образовании многокомпонентных сложных слов типа *мухталифнагмазо*, *садфусунизхор*, *чамангулдастасоз* и др. и признает, что это явление редко наблюдается в творчестве последующих поэтов [см.: 90, 2, 138].

Исследователь Ю. Салимов в книге «Бедилеведение», размышляя о языке и стиле поэта, особо указывает на два ключевых момента: 1. «У Бедиля есть ряд тонких художественно-философских терминов, без понимания которых невозможно понять его поэзию» [106, 260]. Затем из ряда этих терминов автор расшифровывает семантику слов *обила*, *оина*, *мавч*, *хубоб*. 2. Созжание новых поэтических выражений. По мнению исследователя, «Мирзо Бедиль – величайший поэт и словотворец. Ключ к его творчеству лежит именно в его словосочетаниях. Это неоднократно подчеркивал сам поэт...» [106, 262]. Из серии таких словосочетаний исследователь приводит в пример *хумори матлаб*, *орзуи хом*, *сайди оиён*, *сомони сафар*, *домони оина* и т.д.

В Таджикистане и в целом в персоязычных странах весьма существенным является вклад ученого Б. Рахими в расширенное многостороннее исследование творчества Бедиля, которое он провел в книгах «Знакомство с Бедилем» («Ошной бо Бедил») и «Жизнеописание Бедиля» («Зиндагиномаи Бедил») [см.: 84-85]. Книга «Знакомство с Бедилем» состоит из 35 статьи, в которых рассматриваются вопросы, связанные с творческой личностью Бедиля, родным языком Бедиля, с его аллегорическими произведениями, корреспонденцией, а также затронуты вопросы о некоторых рукописях поэта, комментарии к произведениям Бедиля, издания его произведений, его непопулярность в Иране, а также работы Садриддина Айни и исследования творчества Бедиля в Афганистане и даются конкретные обоснованные ответы на все поставленные вопросы.

Автором затронут вопрос о трудностях языка Бедиля, которые он объяснил следующими факторами: 1) трудность языка Бедиля обладает субъективным характером, то есть трудность «исходит из сущности его произведений или его поэтического мастерства и новаторства в поэзии» [84, 357]; 2) трудность связана со смыслами и тематикой поэзии, другими словами, «поэт в некоторых разделах своего творчества представил проблематику, которую не осознать без определенных знаний, а без предварительной подготовки – весьма затруднительно» [84, 357]; 3) изысканные слова и словосочетания меняют свой истинный смысл, делая их незнакомыми и далекими для читателя [84, 358]; 4) другим фактором является «его новаторство и нововведения в языке... одним из которых является употребление трехкомпонентных сложных слов» [84, 358]; 5) другим фактором, по мнению Б. Рахими, стало употребление в большом количестве «изафетных составных словосочетаний»; 6) Бедиль часто вольно или невольно обращался к замысловатому, недоступному изложению мысли [84, 362]. Как видно из указанного труда, Б.Рахими, следуя за другими исследователями творчества Бедиля, также указывает на употребление сложных слов, в частности трехкомпонентных сложных слов, ставших одним из факторов, затрудняющих понимание его языка. У Бедиля, по мнению Б. Рахими, «многочисленное употребление подобных слов доведено до такого уровня, что они стали стилистической особенностью его произведений» [84, 354].

Одной из заслуг Б. Рахими является всестороннее исследование наследия Бедиля и написание комментариев к нему. Углубленное изучение творчества поэта предоставило исследователю возможность комментировать и пояснять поэзию Бедиля. Его комментарии часто публикуются в периодической печати, им написана и издана книга «Комментарии к шестидесяти газелям Бедиля» [см.: 83]. Произведение «Комментарии шестидесяти газелям Бедиля» начинается с обширного предисловия. Содержание предисловия можно разделить на две части: 1) введение к познанию поэтического стиля Бедиля и факторов,

затрудняющих понимание его поэзии; 2) представление комментаторов поэзии Бедиля и интерпретаций его поэтических сочинений. Далее на суд читателей представлен построчный комментарий к газелям Бедиля [см.: 83].

С 90-х годов XX века началось издание наследия Бедиля на кириллице. Сначала отдельные фрагменты произведений Бедиля были представлены таджикскому читателю в журнале «Фарханг» («Культура») [см.: 7], а затем «Осор» («Произведения») Бедиля были изданы в восьми томах в издательстве «Адиб». Стараниями Б. Рахими было осуществлено издание пятого тома (месневи «Тилисми хайрат» («Талисман изумления»), «Мухити а'зам» («Великий океан»), «Тури ма'рифат» («Синай познания»), шестого тома (месневи «Ирфан» («Познание»), седьмого («Диван рубайятов»), восьмого (таркиббанд, тарджеббанд, мухаммасот и др.), им же были отредактированы несколько томов «Произведений» Бедиля.

Профессор А. Насриддин написал три кратких, но весьма ценных труда о жизни и творчестве Бедиля. Первая книга озаглавлена «Заметки о жизни и произведениях Бедиля» [см.: 65], а вторая – «Поэзия Бедиля и художественный вкус жителей Худжанда» [см.: 64]. Автор назвал поэтическую школу Бедиля «вознесением индийского стиля» и отметил, что «дух школы Бедиля – это и песня, и мелодия, и философия и мысль», и «чтобы достичь ее глубины, требуется мастерство ума и широкий кругозор» [65, 647]. Третья статья называется «Бедиль в зеркале художественного мышления», ставшая руководством и введением к диссертации молодого исследователя Н. Нурова. Автор считает наследие Бедиля основой для формирования художественного мышления [см.: 63, 266, 431], поскольку «в произведениях Абульмаони сконцентрированы лучшие традиции индийского стиля, основу которого составили новые сентенции и широкое красочное воображение» [63, 268, 433]. Также автор указывает на два особых аспекта творчества Бедиля: 1) Бедиль в поэзии вышел далеко за пределы обыденного смысла; 2) Бедилю удалось «соединить эмоциональную поэзию Аджамы с индийской аллегорической

поэзией» [63, 268, 434]. Автор считает это одной из причин известности поэзии Бедиля.

Исследования Х. Айни «Бедиль и его месневи «Ирфан» [см.: 147] посвящены изучению месневи «Ирфан»; Б. Хамдам в «Савмааи маърифат» («Обитель познания») [см.: 128] рассматривает критику поэзии Бедиля и его последователей, Н.Садыкова и О.Мухаммадиева [см.: 234-235; 258] специализируются на изучении философских воззрений Бедиля.

В частности, в четвертом разделе исследования Б. Хамдама, озаглавленном «Построение конструкций» [128, 137-141], рассматриваются сложные слова в поэзии стихотворца. По мнению автора, «привлекательность ирфана и вторжение новых смыслов» [128, 139] способствовали созданию «прекрасных поэтических выражений и оригинальных конструкций». Далее автор указывает на некоторые особенности поэзии Бедиля, в частности: а) эта поэзия не имеет прецедента в персидской поэзии; б) поэтические выражения и конструкции поэта служат для выражения абсолютно новых замыслов; в) преимущественное употребление конструкций в поэзии Бедиля достигло такого уровня, что каждая строка завершается какой-либо конструкцией; г) при образовании сложных слов порой используются слова, «находящиеся друг к другу с точки зрения семантики и языкознания в антонимичных отношениях, подобно *адам+саро*, где *адам* означает небытие, а *саро* – это метафора, означающая бытие» [128, 139]; д) в поэзии Бедиля встречаются конструкции, состоящие из трех компонентов; е) этот способ словообразования получил развитие в поэзии более поздних поэтов - последователей индийского стиля, например Зуфархона Джавхари и др. [см.: 128, 137-141].

Существенный вклад в исследование творчества Бедиля внес таджикский исследователь и поэт Н. Нуров (Нурзод). Ему принадлежит книга о познании поэзии Бедиля, способах толкования и комментирования его стихов, которая была опубликована дважды [см.: 72]. Указанная книга состоит из двух глав, в первой главе озаглавленной «Познание поэзии

Бедиля и её факторов», рассмотрено влияние Корана и хадисов на его поэзию, влияние философских школ на творчество Бедиля, отражение мистических и философских символов, времени и бытия в поэзии Бедиля, ключевые слова и фразы, а также стиль и язык поэзии Бедиля [72, 21-86]. Во второй главе – «Способы толкования и комментарии к стихам Бедиля» – произведено научное осмысление комментариев к стихам поэта отечественными исследователями, вплоть до комментариев, написанных к произведениям Бедиля в XX веке.

Как уже отмечалось, один из разделов первой главы книги Н. Нурова посвящен изучению языковых и стилистических особенностей поэзии Бедиля. Следуя методу других исследователей и признавая трудность языка произведений Бедиля, исследователь отмечает, что «все мистические и философские сентенции оформлены в его поэтических выражениях, конструкциях, аллегориях, сравнениях, метафорах» [72, 73]. Данные стилистические приемы автор называет «ключевыми словами и оборотами» и считает, что раскрытие этих ключей окажет содействие в познании поэзии Бедиля. Далее исследователь расшифровывает значения конструкций *аз ранг бурун омадан*, *оина бар гул шикастан*, *оина бар гул, кулох шикастан* и т.д. Более того, ученый утверждает, что «выражения и слова, употребляемые Бедилем, не ограничиваются лишь одним значением и в различных случаях олицетворяют другие значения» [72, 77]. Н.Нуров, как и С.Айни и другие исследователи, убежден, что некоторые интерпретации поэта восходят корнями к народной культуре. Автор отмечает: «Использование простонародных лексем в поэзии Бедиля считается важной особенностью использования им народной культуры» [72, 79]. Одним из способов познания стихов поэта исследователь считает правильное понимание сложных слов, конструкций и словосочетаний, созданных Бедилем.

Наряду с лексическим и поэтическим своеобразием, как отмечают ученые в области бедилеведения, в частности исследователь Н.Нуров в книге «Сияние естества смысла», для познания поэзии Бедиля необходимо

«придавать серьезное значение мелодическому построению» его стиха, поскольку «большинство стихотворений поэта невозможно понять, если не соблюдать его интонацию» [см.: 72, 83]. Исследуя особенности поэзии Бедиля, ученый приходит к выводу: «вопрос лингвистических особенностей стихов Бедиля требует глубокого исследования и изучения» [72, 86].

В другом исследовании Н. Нурова, посвященном поэтике газелей Бедиля и защищенным им в качестве докторской диссертации [см.: 73; 217], «язык поэзии поэта оценивается как важный принцип в познании его поэзии» [см.: 217, 17].

Исследователь С. Халимов написал две статьи о статусе таджикского языка в Индостане и о языке и стиле Бедиля [см.: 126-127]. В статье «Язык и стиль Мирзо Абдулкадыра Бедиля», написанной под впечатлением от исследования С. Айни, основное внимание уделено словообразованию в творчестве поэта: «Большое количество сложных слов состоит из абстрактных слов, поэтому найти их значение – задача весьма сложная: *«надоматсиришит, тараххумоҳанг, ҷустуҷӯоҳанг, губорталош, иқтидорнизом, тапишмаҳмил...»* [127, 174].

Из краткого обзора исследований таджикских и российских ученых можно прийти к выводу, что Бедиль является одним из любимых и высокочтимых поэтов. Именно поэтому С. Айни отмечает, что в старинных таджикских городах, Бухаре, Самарканде, Худжанде, «любители поэзии Бедиля» (эпитет, данный С. Айни) в определенные периоды устраивали вечера чтения стихов Бедиля, особенно в чайханах [15, 110]. Этому была причина, ведь «таджикский народ испокон веков придавал значение постижению сокрытых и тонких смыслов» [63, 265].

Чешский ученый Иржи Бечка в своих исследованиях также подчеркивает, что «Советский Союз... является первой страной, где творчеству этого поэта (Бедиля – О.М.) уделено серьезное внимание». Среди историков литературы Советского Союза таджики явно превосходят по числу читателей произведений Бедиля» [см.: 261, 84].

При исследовании работ иранских исследователей становится очевидно, что Бедиль стал известен в Иране намного позже. Ссылаясь на это, Ш. Кадкани пишет: «Удивительно, что в Иране его (Бедиля – О.М.) не знают даже студенты-литературоведы, даже большинство обладателей докторских степеней по литературе и большинство серьезных любителей поэзии не знают его имени, многие даже не слышали его имени. Пожалуй, в истории литературы ни одного народа такое отношение не было ни к одному из поэтов» [276, 9].

В Иране представление и изучение жизни и творчества Бедиля тесно связано с исследованиями доктора Ш. Кадкани. Первые статьи о Бедиле были написаны именно этим иранским исследователем [см.: 276, 14], затем была написана книга «Поэт зеркал» («Шоири оинахо») (исследование индийского стиля и поэзии Бедиля) [см.: 276]. Несмотря на то, что автор скромно называет свое произведение «воспоминаниями о Бедиле, написанными в разное время и для разных целей», оно является одним из значимых трудов, посвященных специальному изучению наследия Бедиля, в котором рассмотрены особенности его творчества.

О языке поэзии Бедиля автор отмечает: «Одной из особенностей поэзии Бедиля, придающей его языку двусмысленность и замысловатость, являются различные обороты и особые структуры, которые он использует в своей поэзии, не совсем совместимые с естественной системой и языковыми особенностями персидского языка» [276, 20]. Далее исследователь выделяет в поэзии Бедиля такие лексемы, как *фурсаткамин*, *ибратнигох*, *чунунпаймона*, *тапишкудурат*, *адамфурсат* и др. [см.: 276, 21]. В другой статье, ссылаясь на то же утверждение, он пишет: «В диване этого удивительного поэта встречаются прекрасные обороты и поэтические образы» [276, 32].

В одном из параграфов раздела «Стилистика поэзии Бедиля», «Оригинальные конструкции», Шафеи Кадкани [см.: 276, 64-67] размышляет о словообразовании в поэзии Бедиля. По ходу анализа можно понять, что термин «таркибот» (конструкции) употреблены ученым в

значении «сложные слова». Автор отмечает: «Персидский язык входит среди мировых языков в плане возможностей образования конструкций... в число сильнейших и талантливых языков, и ... каждый поэт в каждую эпоху пытался хотя бы малую толику, но внести вклад в создание конструкций» [276, 64]. После возникновения разных моделей словообразования в различные периоды (согласно терминологии автора, «таркибсозй» – «создание композитов»), Ш. Кадкани говорит об индийском стиле: «В индийском стиле вопрос о большой частотности конструкций сам по себе является стилистическим фактором» [276, 65]. Автор считает, что «те, кто не вполне знаком с этими синтаксическими конструкциями, вряд ли смогут насладиться этой поэзией. Пожалуй, самым важным фактором Ambiguity (двусмысленности – О.М.) в его (Бедиля – О.М.) поэзии являются такие конструкции» [276, 65]. Далее автор ссылается на примеры слов из поэтических сочинений Абульмаони и на слова вне текста, такие как *ҳасраткамин*, *таҳаммултоқат*, *шухратинтизор*, *тамошоҳилват*, *шабнамкамин*, *маънисабак*, *гафлатоҳанг*, *кудуратиншо*, *истиғнонигоҳ*, *ҳаёбегона* и др. Автор ясно указывает, что в данном случае имеются в виду своеобразные конструкции Бедиля и образованные им сложные слова. Ш. Кадкани резюмирует этот раздел работы утверждением: «Бедиль является основоположником учения о воскрешении слова» [276, 67].

Научный труд Х. Халили «Благодать святости» («Файзи қудс») также относится к числу исследований, специализирующихся на изучении наследия Бедиля [см.: 115; 266], и посвящено научной интерпретации прозы поэта, в частности его произведению «Чахор унсур» («Четыре стихии»). Халили пишет об этом произведении Бедиля следующее: «...его проза от начала и до конца изящна и словно выходит из-под струн как очень нежная и гармоничная музыка» [266, 87]. Один из параграфов раздела «Прозаический стиль Бедиля в «Чахор унсур» составляет «Таркибот», в котором автор в ходе анализа сложных слов Бедиля приходит к выводу, что «Бедилю принадлежат новые конструкции, созданные им самим, такие

как *баргигул, остинишӯх, рӯшансаводлатоиф*» [266, 99], и чего можно заключить, что употребление сложных слов также является одной из стилистических особенностей прозы Бедиля.

Произведение Х. Хусайни «Бедиль, Сипехри и индийский стиль» [см.: 264] также является одной из работ, в которой автор пытался исследовать развитие языка этого стиля в поэзии Бедиля [см.: 264, 13]. Один из факторов сложности поэзии Бедиля автор видит в «широте воображения» [см.: 264, 17] и отмечает: «Бедиль Дехлави... с точки зрения потенциала воображения – это уникальность, чудо персидской литературы» [264, 38]. В разделе «Игра слов или...» он пишет, что «игра слов есть одна из отличительных черт индийского стиля» [264, 47], и далее, соглашаясь с мнением Дж. Халила о многокомпонентной лексике Бедиля, указывает, что «поэт добавляет нечто в существующий язык и среди однопарусных кораблей пускает в реку свой двухпарусный корабль». Иногда это мужество приводит к ущербу, поскольку «количество этих оборотов в бейте или даже в строке превышает установленный предел» [264, 111].

В работе Х. Киличхани, посвященной терминологии дивана Бедиля Дехлави [см.: 274], «рассматривается употребление специфических терминов в поэзии двенадцати блестящих светил этого стиля (индийского – О.М.)» [274, 7]. В предисловии книги автор ссылается на некоторые особенности языка Бедиля, в частности на употребление обычных слов в необычных значениях, которые «входят в сферу особого употребления и особых значений, наделяющих перо Бедиля иным очарованием и демонстрирующих его мастерство» [274, 8]. Во-вторых, некоторые выражения Бедиля «не вошли в такие известные словари, как словари Деххудо и Муина, и это затруднило их понимание и интерпретацию написания» [274, 8]. Названный исследователь также убежден, что «Бедиль из некоторых слов создает различные выражения, число которых у него больше, чем у всех вместе взятых поэтов индийского стиля» [274, 22].

Профессор Н. Ходи также посвятил свой труд исследованию жизни и наследия Бедиля, который был опубликовано на языке урду под названием

«Мирзо Бедиль». Впоследствии доктор Т. Субхани, ввиду «чрезвычайной важности» [см.: 280, 8] этого исследования, опубликовал его на персидском языке под названием «Абдулкадыр Бедиль Дехлави» [см.: 280]. Книга состоит из двух частей, первая часть посвящена изучению жизни, творчества и мировоззренческих тенденций поэта, его пути к духовному совершенствованию, единения и путей воссоединения и т.д. Вторая часть книги содержит десять газелей и избранные поэтические сочинения Бедилия.

Профессор Н. Ходи в разделе «Бедиль за пределами Индостана», назвав его «одним из самых выдающихся персидских поэтов жанра газели в Индостане» [см.: 280, 129], подчеркивает мастерство поэта в написании газелей с использованием сложных метафор в размере *мутакариб* и в этой связи отмечает: «...в длинных строках Бедилия слова, словно части тела танцовщицы, исполняющей танец наравне с красавицами, кажутся танцующими» [280, 130]. В разделе «Трудности поэзии Бедилия» автор интерпретирует «характерный стиль его изложения» (Бедилия – О.М.) как «логический результат интеллектуально сформированного сознания и глубокой пронизательности мыслителя» [см.: 280, 145-146] и далее пишет следующее о стилевой манере Бедилия: «В стиле Бедилия всегда присутствуют чистота, приверженность и интеллектуальный дух» [280, 146].

Составитель сборника «Тридцать статей о Бедиле» М.С. Покфар убежден, что Бедиль «на голову выше остальных поэтов индийского стиля, а его поэзия превосходит этих поэтов по количеству и качеству» [267, 3], его стих «обладает небывалой насыщенностью как с точки зрения эстетики, так и с точки зрения культивирования человеческих ценностей. Ввиду этого не следует смотреть только и только на его образы и не следует останавливаться только на скрытой двусмысленности его поэзии или на особых композициях его творений и ни на чем другом, следует выделить социальную окраску его стиха и найти его послание» [267, 3]. На наш взгляд, чтобы найти посыл поэта, необходимо «останавливаться на особых выражениях его творений».

Исследователь А. Хабиб составил «Словарь поэзии Бедиля» («Вожаномаи шеъри Бедил») предназначенный для тех, кто «знаком с персидской поэзией и избрал Бедиля из числа поэтов в истории персидской поэзии» [301, 1]. Автор поясняет специфику своего словаря следующим образом: «В книге истолкованы и пояснены особые слова, выражения и словосочетания Бедиля, которые с большой частотностью употребляются в его поэзии» [301, 1]. Собственно, указанная книга открывает все двери в толкование поэзии Абульмаони.

Доктору А. Хабибу принадлежит и статья о лингвоспецифических особенностях поэзии Бедиля под названием «Словообразование и отход от морфологических и синтаксических норм в поэзии Бедиля» [см.: 122]. Несмотря на то, что во вступлении к статье исследователь подчеркивает: «...особенностей языка в поэзии Бедиля множество, и я не гнался за особенностями его поэзии, а лишь хотел внести ясность в некоторые моменты, которым еще не уделено внимание исследователей и которые вызывают трудности у читателя при чтении стихов Бедиля...» [122, 40], в статье на примере производных слов раскрываются наиболее важные особенности словообразования Бедиля (преимущественно с суффиксом *-ī*), в таких лексемах как *беҳзодӣ*, *заминӣ*, *дастамбӯӣ*, *лангарӣ* и др. Если первая часть статьи посвящена морфологическому словообразованию в поэзии Бедиля, то во второй части рассмотрены синтаксические особенности его поэтических сочинений, в частности перемена мест членов предложения, усечение слов в предложении, которым, по словам ученого, «если не придавать особого значения, то можно столкнуться с трудностями в познании смысла стихотворений Бедиля» [122, 40].

Исследователь В.И. Таркабаи в статье «Стилеобразующие языковые конструкции в газели Бедиля» [см.: 262], следуя за другими исследователями, в частности Ш. Кадкани, характеризует широкое употребление конструкций в поэзии Абульмаони как один из стилеобразующих факторов и в этой связи отмечает: «такого рода

языковые конструкции в поэзии Бедиля получили резко выраженное употребление» [262, 190]. Далее он сделал заключение, что «Бедиль вместо распространения предложений расширяет границы конструкций, что приводит к невероятной выразительности» [262, 192].

Ко второй группе научных работ относятся исследования, в которых не затрагиваются жизнеописание и творческое наследие Бедиля, однако в ходе исследования особенностей индийского стиля уделяется внимание поэтике произведений Бедиля и манере его поэтического изложения. Одной из выдающихся «благотворных и содержательных книг» (по утверждению С.Нафиси), «открывшей путь для исследований тем, кто искал руководства» [см.: 76, 1, 8], является книга Шибли Нумани «Поэзия Аджамы» («Шеър-ул-Ачам»), в которой хотя и не отведен специальный раздел для научного осмысления жизни и творчества Бедиля, однако «представлены полезные сведения о зарождении и развитии этого (индийского – О.М.) стиля» [223, 72]. Ценные сведения об особенностях индийского стиля представлены названным ученым в разделе «Последний период персидской поэзии или более поздний период» третьей книги указанного произведения, в котором исследован период после правления Тимуридов. По утверждению Шибли, «возникшие высокие качества и новшества можно объяснить тем, что» [76, 2, 25] 1) «... содержание, которое следовало выразить в нескольких стихотворениях, передано одним стихотворением» [76, 2, 25]. В известной степени этим обусловлены трудность и сложность языка индийского стиля; 2) «...в тот период появилось множество новых слов и различные новые поэтические выражения, и конструкции» [76, 2, 27]. Среди новых слов и конструкций автор упоминает такие лексемы и выражения, как *марямкада*, *наштаркада*, *як ханда лаб*, *як огӯш гул* и т.д. В другом месте книги, упоминая одного из представителей индийского стиля, Назири Нишапури, учёный вновь подчеркивает, что «квинтэссенцией или выдающимся достижением поэтов того периода (XVII века – О.М.) является стремление к новому стилю изложения» [76, 2, 126].

Из сказанного следует, что Шибли Нумони также считает одной из особенностей индийского стиля употребление новообразованных выражений и слов, что делалось с целью «выражения глубоких мыслей небольшим количеством слов» [76, 2, 27].

Исследователь Сирус Шамисо в своих многочисленных работах, посвященных теме стилистики [см.: 269; 270; 271], говоря об особенностях индийского стиля, в особенности стиля Бедиля, также подчеркивает, что его поэзии присущи две черты: 1) уникальность и сложность смыслов; 2) словесные новации и ломание стереотипов. Далее автор, рассуждая о нововведениях Бедиля, отмечает: «самым отличительным аспектом этих нововведений является создание Бедилем новых таркибов» [271, 286]. Под термином *таркиб* исследователь понимает сложное поэтическое словообразование, поэтому он приводит примеры двух сложных слов: *ҳасратинтихоб* и *адамфурсат* [см.: 271, 286].

Ахмад Гулчин Маани в словаре, составленном на основе поэзии «чуда эпохи» – Саиба (слова А. Г. Маони), подчеркивает, что поэты индийского стиля предались «запутанным, далеким от понимания, замысловатым и сложным для понимания фантазиям и вместо стихотворения создали головоломку. При том различии в головоломке тот, кто знаком с ее правилами, может найти скрытый смысл или скрытое имя, но едва ли кто-нибудь может понять смысл этого рода поэзии со слабым умом, который необходим для его понимания» [306, 11]. Далее исследователь на примере словотворчества Саиба характеризует новаторство поэтов индийского тем, что «силой своего природного таланта они сотворили уникальные метафоры и обороты, создали новые слова» (выделено нами - О. М.) [306, сорок четыре].

Академик А. Мирзоев также внес значительный вклад в представление и исследование наследия литераторов, творивших после XV века. А. Мирзоев осуществил ценные исследования, посвященные жизни и творчеству Сайидо, Бинои, Мулхама Бухорои, Абуисхака Ат'има и других. В изданном на двух языках исследовании А. Мирзоева «Сайидо и его место

в истории таджикской литературы», имеющем большое теоретическое значение, также рассмотрены особенности индийского стиля [см.: 57; 212]. Данное исследование осуществлено под вдохновением от книги С. Айни «Мирзо Абдулкадыр Бедиль» и состоит из двух частей.

Один из разделов исследования А. Мирзоева посвящен проблемам индийского поэтического стиля, в частности языку поэзии Сайидо. Этот труд признан одним из первых значимых исследований в области изучения специфики индийского стиля, в котором в ходе рассмотрения особенностей индийского стиля, разумеется, упоминается и имя Абульмаони. Академик А. Мирзоев подчеркивает, что «...стиль Бедилья – последняя ступень в развитии того самого «индийского стиля», который имел много крупных представителей в Индии начиная с Амира Хосрова Дехлави» [57, 30; 212, 36]. Хотя изучение особенностей поэтического языка Сайидо автор не считает одной из ключевых задач исследования [см.: 57, 115; 212, 147], тем не менее, в разделе «Язык Сайидо» им представлены интересные суждения о важнейших характерных чертах индийского стиля. Языковые особенности поэзии Сайидо А. Мирзоев делит на четыре группы, часть которых присуща и другим представителям указанного поэтического стиля. Важнейшей особенностью наследия поэтов индийского стиля является образование сложных слов путем выпадения изафета. Изучив ряд сложных слов: *парвонамаҳтоб*, *таҷаллиостиндаст*, *рангинҷилва* и др., автор приходит к выводу, что «в XVII веке употребление в стихах таких сложных слов (многокомпонентных – О.М.) начинало становиться своего рода нормой» [57, 117; 212, 150].

Профессор В.А. Капранов, считавший «словарь матерью филологической науки» (слова А. Насридинова – О.М.), внес весомый вклад в изучение словообразования и лексикографии таджикского языка. В одной из работ ученого, названной «Таджикско-персидская лексикография в Индии XVI-XIX вв.» [см.: 193], подробно рассмотрены особенности составления словарей в этот период. В ходе исследования ученый затрагивает также особенности языка Бедилья и в целом индийского стиля и

их влияние на словари рассматриваемого периода. Лингвистические особенности, упомянутые В.А. Капрановым, можно разделить на следующие группы: 1) изменение семантики языковых единиц, о чем автор отмечает следующее: «Специфика произведений, написанных в Индии, заключалась не только в наличии терминологической лексики или номенклатурных названий растений, животных и т. д., но и в изменении значений многих слов и сочетаний самого языка фарси в Индии, а также появлении в нем новых фразеологических единиц» [193, 11]. В другом месте автор подчеркивает, что поэты использовали возможности и потенциал языка на всех языковых уровнях, в результате чего стиль каждого поэта приобретал характерные особенности. Затем, характеризуя язык Бедиля, он подчеркивает: «Так, для Бедиля особенно характерно «напряжение» семантического уровня лексики, употребление ее в совершенно неожиданных контекстах и комбинациях, придающих обычному слову абсолютно новый многогранный смысл, доходящий до самых границ постижения его читателем. Это усугубляется индивидуальным словотворчеством Бедиля, когда в сочетании (в сложном слове) вступают, казалось бы, несоизмеримые, «невалентные» между собой слова. Поэтому лексика и фразеология Бедиля, толкование которых является сложной задачей, весьма мало представлены в индийской лексикографии» [193, 78]; 2) из второго тезиса исследования В.А. Капранова можно сделать заключение, что характерное для Бедиля образование лексем он считает одной из особенностей его поэзии. В этом исследователь видит один из факторов недостаточной популярности лексики и фразеологии Бедиля в индийской лексикографии, потому что в словарях при толковании лексемы её значение объяснялось в сравнении с другим словом. Например: *доманкада* – из мира зеркал; *чабинзор* – из мира цветников [см.: 193, 78]; 3) «В языке фарси в Индии происходил постоянный процесс наполнения словарного состава лексическими, фразеологическими и семантическими нововведениями» [193, 135]; 4) факторы возникновения языковых новаций в поэзии Бедиля исследователь интерпретирует следующим образом: «Здесь

следует оговорить, что определенная часть этих «индивидуальных» нововведений Бедиля была присуща индийскому фарси, другая часть происходила от влияния индийских условий. Имеено поэтому Орзу одобрял стиль Бедиля, ибо видел в этом проникновение «индийского», индийской специфики в (индийский) литературный фарси» [193, 137].

Из рассуждений профессора В.А. Капранова становится очевидно, что словообразование является одной из особенностей индийского стиля, в особенности поэзии Бедиля.

Другим исследованием, посвященным индийскому стилю, является научный труд профессора Н.И. Пригариной «Индийский стиль и его место в персидской литературе» [см.: 223], в котором ученый отмечает четыре характерных признака индийского стиля, выделенных Шибли Нумани [см.: 223, 76-79]. В другом месте ученый одной из особенностей индийского стиля считает образование новых слов на основе аналогии, к примеру образование *ишккада* (алтарь любви) по модели *оташкада* (алтарь огнепоклонников), которые, «безусловно, дают возможность более сжатого изложения и относятся к новациям в области словосложения» [223, 185], и делает вывод о том, что, во первых, «слово оставалось модулем всех измерений в поэтике индийского стиля...» [223, 212], во вторых, при чтении поэзии Бедиля «создается впечатление, что притом что понятно все, не понятно буквально ничего» [223, 146].

Группа таджикских исследователей произвела существенные исследования в области индийского стиля поэзии на примере творчества Саиба, Шавката [см.: 75; 114]. Часть этих исследований посвящена языковым особенностям творчества упомянутых поэтов. Все исследователи сходятся во мнении, что «в большинстве случаев поэт (Саиб – О.М.) употреблял сложные слова и образные поэтические словосочетания. Употребление такого рода лексем, безусловно, является свидетельством его тонкого вкуса и изысканного стиля изложения» [75, 13]. Или же исследователь М. Урунова отмечает о Шавкате Бухорои: «...он (Шавкат – О.М.) относится к классическим поэтам индийского стиля, обладающим

магической силой смыслообразования и нового значения, перефразирования и создания оборотов, особого стиля нахождения новой грани художественной речи» [114, 25].

А. Сабохзод убежден, что «новые поэтические традиции дали импульс художественному мышлению поэтов, вынуждая их постоянно искать и находить новое и важное художественное содержание» [102, 59]. Исследователи поэзии Бедиля убеждены, что, «кроме духовных новшеств, в поэзии Бедиля существует множество внешних (языковых) новшеств в лексике и словосочетаниях» [77, 16].

Изучение и обобщение специальной литературы по теме исследования в который раз убеждает, что язык произведений поэтов индийского стиля, в особенности Абульмаони, достаточно сложен и замысловат, причиной чего является многократное употребление сложных слов. Изучение и анализ огромного корпуса текстологического материала показывает, что сложные слова в поэзии Бедиля можно разделить на две группы:

- 1) двухкомпонентные композиты;
- 2) многокомпонентные композиты.

О многокомпонентных композитах Бедиля следует сказать, что, как только речь идет о стиле изложения этого «великого, плодотворного поэта-долгожителя» (выражение С.Айни), ученые в один голос твердят, что «поэтический стиль Бедиля сложен. Метафоры и структура предложений затейливы и преимущественно с точки зрения значения двусмысленны, хотя по сути своей язык (его произведений) отличается простотой...» [261, 89]. Таджикский ученый Б.Рахими связывает усложненность поэзии Бедиля с введением поэтом новшеств и проявлением вольностей в языке изложения [82, 178]. Ш.Кадкани также считает, что «особенностью поэзии Бедиля, сделавшей его язык причудливым и витиеватым, является употребление специфичных слов и выражений» [276, 20]. «Специфичными словами и выражениями» Ш.Кадкани называет многокомпонентные слова, созданные и использованные поэтом. По словам Б.Рахими, частота употребления слов этой группы доведена поэтом до такой степени, что это стало одной из

стилистических особенностей поэзии Абульмаони [82, 175; 83, 21]. Эти слова ученого подтверждает следующий бейт:

*Зи минқори булбул дар ин гулситон,
Навоест доманбаротаи фишон.* [т.3, 671]

От песни соловья в этом цветнике

Раскрываются бутоны, подобно огню, разжигаемому
краем подола.

Таким образом, из приведенных примеров явствует, что: 1) морфемный состав сложных многокомпонентных слов Бедиля неодинаков: а) некоторые из них образованы из трех морфем, такие как *ваҳшатобёр* (ужасающий), *бӯигулмаҳмил* (испискающий аромат); б) некоторые из них – из четырех и более морфем, такие как *дуоламтасаввургудоз* (искореняющий мысль), *рагигулостиниӯх* (озорница), *шуъладарчайбичустучӯфикан* (путешествующий, адепт); 2) способы их образования различны: а) основу словосложения одной части слов составляет словосочетание и б) основу словосложения другой части – предложение.

Как уже отмечалось, академик А.Мирзоев в своих исследованиях предполагал, что в XVII веке употребление в поэзии многокомпонентных сложных слов начало становиться своего рода нормой [см.: 212, 150]. Но, на наш взгляд, новациям Бедиля в стиле изложения многокомпонентных слов способствовали два экстралингвистических фактора: во-первых, буддийская религия, «имевшая влияние в Индии с доисторических времен», «разрешавшая поэтам, помимо религиозных и нравственных вопросов, размышлять над всеми волнующими их проблемами и выражать свои мысли как в устной, так и в письменной форме» [92, 24]. Во-вторых, при всем том, что поэт внес в таджикский (персидский) язык интересные новшества, «таджикскому языку он научился в школе и посредством чтения книг» и, «поскольку он многое пересказывает из древних индийских книг, должен был владеть древнеиндийским языком» [15, 106]. Поэтому влияние санскрита – одного из всемирно известных языков – на новшества Бедиля

должно было быть не менее значительным, так как «санскрит прекрасно мог в одной короткой строфе вместить смысл нескольких стихов, а также передать большие математические цифры одним кратким и мягко произносимым словом. Например, обозначить цифру «десять тысяч» словом *гиро*, «сто тысяч» – *лоқ*, «четыре миллиарда триста двадцать миллионов» – *голиё*» [92, 24]. Эту особенность санскрита отмечали и русские ученые В.В. Иванов и В.Н. Топоров. Например, ученые отмечают, что «...словосложение в санскрите получило весьма широкое распространение и могло использоваться не только для образования новых слов, но и для построения более сложных единиц, функционально равных предложению» [190, 125].

Эти соображения можно также обосновать сведениями из научных трудов индийских ученых Средневековья. Так, изучение «Дхваньялока» («Свет дхвани») Анандавардхана, признанного одним из древнейших индийских трактатов, созданных в IX веке нашей эры, приводит к заключению, что в языке хинди сочетание слов (друг с другом) может быть трояким: без сложных слов, украшенное средним сложным словом (*madhyamasamasa*), а также представляющее собой длинное сложное слово (*dirghasamasa*) [151, 120].

По сведениям индийских ученых, порог среднесложных и длинных слов таков: среднее сложное слово включает до четырех компонентов, длинное состоит из пяти и более компонентов. Индийский исследователь Рудрата классифицирует сложные слова на короткие (от двух до четырех компонентов), средние (от пяти до семи компонентов) и длинные (от семи и более компонентов) [151, 251].

Собранный материал убеждает в том, что конкретная группа слов привлекает больше внимания поэта, потому что он, с одной стороны, очень часто использует указанную группу лексических единиц в своих произведениях, а с другой, – образует с ними значительное количество композитов.

В результате изучения и анализа текстологической ткани поэтических сочинений Бедиля установлено, что в образовании татпуруша участвуют 78 ключевых слов, таких как *адаб* (вежливость), *адам* (небытие), *алам* (горе), *арақ* (пот), *ачз* (слабость), *нафас* (дыхание), *оина* (зеркало), *обила* (водянистая мозоль), *отаиш* (огонь), *офат* (бедствие), *хайрат* (удивление). Из этой группы композитов более восьмидесяти процентов не встречаются в известных нам толковых словарях, из чего можно заключить, что «для сохранения исторических моделей словосложения поэзия является наилучшим средством» [96, 157].

Изучение языка поэзии Бедиля, являющегося, по выражению Х.Хусайни, «усовершенствованным языком индийского стиля» [264, 46], убеждает в том, что возможности таджикского языка в образовании сложных слов достаточно широки, однако большинство из них не находится в употреблении.

ВТОРАЯ ГЛАВА

КОМПОЗИТЫ ТИПА ТАТПУРУША С ТАДЖИКСКИМИ КОМПОНЕНТАМИ

В таджикском языке сложные слова типа татпуруша достаточно распространены [182, 227], и обилие сложных слов этого типа в поэзии Бедиля является доказательством сказанного.

На наш взгляд, изучение композитов типа татпуруша целесообразно проводить в четырех аспектах: 1) анализ компонентов по происхождению; 2) по модели образования композитов; 3) по степени использования сложных слов; 4) по семантическим и структурным особенностям.

Такой подход к исследованию вопроса позволяет определить роль разнотипных слов в образовании сложных слов типа татпуруша и тем самым, – лексико-грамматических групп в образовании сложных слов, установить степень употребления компонентов и таким образом выявить семантическое своеобразие сложных слов. Иными словами, «к словообразованию следует подходить исходя из предыстории, языковых возможностей и явлений самого таджикского языка и таким образом выявить его специфические и общие стороны», поскольку «в словообразовании отчетливо проявляются специфические особенности каждого языка» [94, 57].

2.1. Модель «имя существительное + имя существительное» является наиболее продуктивной. В группе композитов типа «таджикское слово + таджикское слово» данная модель образовала более 180 композитов типа татпуруша. Следует отметить, что из этих композитов только 54 композита, или 30%, были выявлены в «Лугат-наме» Деххудо. 70% композитов этой модели принадлежат перу Бедиля: *баҳортироя* (красивая как весна), *боршиасбоб* (изобилие богатства), *гаҳворасавор* (глупый ребенок), *дошишкоҳ* (убавляющий знания), *маргнаём* (весть о смерти), *фаргул* (душа общества), *хушдушман* (враг рассудка), *хутанорзу*

(мечтающий о Хутане), *донакеш* (думающий о благоустройстве) и др. Названные композиты вызывают интерес по нескольким обстоятельствам:

1. Некоторые композиты этой модели Абульмаони использует в нескольких вариантах. К примеру, *гумрах* – *гумроҳ* (заблудившийся, сбившийся с пути, потерявший дорогу); *поймузд* – *помузд* (плата за визит, награда); *табхол* – *табхола* (сыпь на губах); *шабихун* – *шабхун* (ночное нападение); *шаҳанишоҳ* – *шаҳанишаҳ* (великий царь). Названные сложные слова в текстологии Бедиля приобретают различную семантику. Например, композит *шаҳанишоҳ* использован поэтом в трех значениях, о чем обстоятельно говорится в диссертации.

Согласно Деххудо, лексема *гумрах* является редуцированным вариантом лексемы *гумроҳ*, которую ученый в своем словаре комментирует как «заблудившийся, отклонившийся от пути, скиталец, потерявший дорогу; тот, кто сошел с пути; удивленный, растерянный» [303, 2, 2447]. В «Словаре таджикского языка» приводится такое же толкование этой лексемы [295, 1, 290]. В поэзии Бедиля данная лексическая единица употреблена в первом значении:

Аз ҷодаи адаб манамоед инҳироф,

По хасми доманест, ки гумроҳ мешавад. [т.1 (п.ч.), 546]

Не отклоняйтесь от дороги воспитанности,

Нога – враг подолу, который заблудится.

Умрҳо шуд хоки кӯҳу дашт бар сар медавӣ,

Пеши по нодидан ин миқдор гумрах мекунад. [т.1 (п.ч.), 604]

Уже много лет ты бежишь по горам и степям,

Не видеть то, что под ногами, вводит в такое заблуждение.

Сложное слово *поймузд* / *помузд*, зафиксированное во многих словарях, в таджикском языке также имеет долгую историю развития. Лексикографами представлено такое толкование этого композита: «плата за визит лекарям, музыкантам и т.п., награда за выполненную работу» [295,

2, 78; 303, 1, 550, 553; 307, 1, 681, 694]. В поэзии Абульмаони это сложное слово используется в двух значениях:

а) в прямом значении:

*То ҳамон барги роҳатам бошад,
Поймузди саёҳатам бошад.* [т.3, 326]
Пока у меня есть дорожные припасы,
Я имею плату за путешествие.

б) в значении «результат»:

*Ҳусули обила помузди бесарупоист,
Кафили ин гуҳарам саъйи кӯҳу ҳомун шуд.* [т.1 (п.ч.), 484]
Появление волдырей есть результат беспомощности,
Гарантом сего жемчуга (то есть появления волдыря) стало
усердие горы и степи.

*Нақди дилу помузди тараддуд чӣ хаёл аст?
Ин обила сар бар кафи муздур набошад.* [т.1 (п.ч.), 746]
Наличность сердца и результат хлопот,
Этот волдырь не появится на ладони неимущего.

Композиты *табхол* и *табхола* (от изафетного словосочетания *холи таб*) также относятся к общеупотребительным лексемам таджикского языка, комментируемым лексикографами как «обметать, сыпь на губах, возникающая из-за лихорадки» [295, 2, 296; 303, 1, 689; 307, 1, 1020]. Из толкования Муина явствует, что эта лексема известна в персидском языке в форме *товли* (фр. herpes) [307, 1, 1020]. В поэзии Абульмаони она использована в значении, весьма известном в таджикском языке:

*Забони ток, то дам мезанад, табхола мебандад,
Ки барқи май намегунчад магар дар хирмани мино.* [т.1 (п.ч.), 85]
Язык виноградника, пока вырастет, обметает,
Ибо молния вина помещается только в ток стекла

*Сӯхтан ҳамчун сипанд аз нанги эҷодам раҳонд,
 Варна ҳастӣ бар лаби арзи нафас **табхол** буд. [т.1 (п.ч.), 704]*
 Сгоранье, как рута, освободило меня от творенья,
 В противном случае бытие было бы сыпью на губах дыхания.

Одним из примеров сложных лексем, используемых в таджикском языке в различных вариантах, является *шабехун*, которое в толковых словарях интерпретируется как «ночной набег» [295, 2, 554; 303, 2, 1780]. В поэзии Бедиля композиты *шабихун / шабехун*, из которых наиболее употребительным в его поэзии является вариант *шабехун*, встречаются в значении «ночная вылазка»:

*Пирӣ ба зиндагӣ **шабехун** дорад,
 Сад тӯли амал каманди афсун дорад. [т.2, 378]*
 Старость предпринимает ночную вылазку в лагерь жизни,
 Протяженность её действий обладает арканом колдовства.

*Мӯ гар **шабихун** бурд ба табъи чинӣ,
 Дар Чин рӯзи сиёҳи Ҳиндустон дид. [т.2, 404]*
 Если волос осуществил ночную вылазку в китайскую природу,
 В Китае он увидел черные дни Индии.

Подробно рассмотрев варианты слов *шаҳанишоҳ* и *шаҳаншаҳ* (царь царей), Маликушшуара Бахор отмечает, что оно относится к «древнейшим словам персидского языка» [20, 104; 260, 1, 180-181]. Древний вариант этой лексемы зафиксирован в надписях на колоннах Бесутуна – х̣ṣ̌âуау̣iуа х̣ṣ̌âуау̣iуанâт, позже эта лексическая единица приобрела форму *шаҳи шаҳон*, а в последующем, в результате перемены компонентов местами, приняла форму *шаҳаншаҳ* [см.: 20, 104; 260, 1, 181]. Деххудо также упоминает, что рассматриваемое сложное слово является «усечённой формой выражения *шоҳони шоҳ, шоҳи шоҳон*» [303, 2, 1771], означающего «глава царей, царь царей», которое «в исламский период использовалось халифами в силу того, что они находились под влиянием иранских

традиций, в качестве титула , присуждаемого влиятельным правителям и эмирам» [303, 2, 1771]. В поэзии Бедиля усеченная форма сложного слова *шаҳанишоҳ* в сравнении с вариантом *шоҳанишоҳ* встречается чаще и используется в следующих значениях: а) в значении «Творец, Создатель, Господь»:

*Шаҳанишоҳе, ки олам партави ӯст,
Зи ҳастӣ то адам фармонрави ӯст. [т.3, 482]
Шахиншах, сияние Которого есть мир,
От бытия до небытия все подчинены Ему.*

б) в значении «шахиншах»:

*Нест ҷои ишқ, Бедил, маснади фарзонагӣ,
Ин шаҳанишоҳест, к-аз доғи ҷунун авранги ӯст. [т.1 (п.ч.), 214]
Бедиль, трон мудрости не место для любви,
Престол этого шахиншаха сделан из печали безумства.*

в) в значении «король»:

*Бедил, масти шукӯҳи ҳоли хешам,
Шоҳанишаҳи мулки безаволи хешам. [т.2, 506]
Бедиль, я опьянен величием своего состояния,
Я король своего вечного владения.*

2. Исходными единицами некоторых композитов этой модели являются именные словосочетания. Исследование поэтических текстов Бедиля показывает, что композиты данной модели производятся следующими способами:

А. Посредством выпадения изафета между определением и определяемым словом: *боггул* (цветник), *сароб* (мираж, исток воды), *сарангушт* (большой палец), *сарнома* (предисловие), *сармоя* (капитал) из которых лексические единицы *сароб*, *сарангушт*, *сарнома*, *сарришта* встречаются чаще и проявляют полисемантическую.

В поэме Бедиля сложное слово *сароб* встречается в более чем 80 случаях и используется поэтом в двух значениях: «1. явление оптической

иллюзии, которая благодаря течению и теплу воздуха и особому преломлению лучей делает видимым для глаз изображение вещей за горизонтом, мираж; 2. песчаная земля, которую видно издалека, как воду в пустыне» [295, 2, 209]. В персидском языке первое значение композита не было распространено [см.: 307, 2, 1849], и напротив, данная лексическая единица в «Лугат-наме» Деххудо имеет иное толкование: «источник и место, откуда поступает вода из реки» [303, 2, 1667]. Таким образом, можно констатировать, что названный композит имеет три толкования. В поэзии Бедиля они встречается в следующих значениях:

а) в первом значении композита:

Асбоби зиндагӣ ҳама доми таҳайюр аст,

Ғайр аз ғиреб ҳеч набошад саробро. [т.1 (п.ч.), 67]

Принадлежности жизни являются ловушкой удивления,

Кроме обмана, ничего нет в мираже.

Дигар аз ҳар чи гӯӣ, носавоб аст,

Ҷаҳон бе Ҳусн дар чашмам сароб аст. [т.3, 462]

Всё, что ты не скажешь, есть неразумие,

Мир без красоты в моих глазах есть мираж.

б) во втором значении композита:

Бояд ба сароб ин ҷо аз баҳр тасаллӣ бурд,

Наздики худ ангоред, гар дурнамо бошад. [т.1 (п.ч.), 434]

Здесь вместо моря нужно довольствоваться песчаной землей,

Считайте её близкой вам, хотя виднеется издалека.

в) в третьем значении композита:

Дар гулӯҳои ташинағони сароб,

Худгудозӣ магар чаконад об. [т.3, 146]

В глотку жаждущих источника воды

Капать воду может разве что самоплавление

Композит *сарришта* также относится к многозначным лексемам. В словаре таджикского языка эта лексема приводится в двух значениях: «1. главная нить, конец мотка; книга расчётов; пер. основное, главное в чём-либо; решение проблемы; 2. исход, завершение» [295, 2, 211], в словарях персидских слов – в пяти значениях «1. начало нити; 2. подход, работа; способ действия; 3. информация о работе; 4. цель, намерение ; 5. книга расчётов» [303, 2, 1673; 307, 2, 1865]. В поэзии Бедиля анализируемое сложное слово высокочастотно и употребляется в следующих значениях:

а) в значении «конец деяний»:

Мекашад сарриштаи кори гурур охир ба ачз,

Гар ҳама имрӯз шамиер аст, фардо сӯзан аст. [т.1 (п.ч.), 311]

Беспомощность – конец деяний высокомерия,

Если сегодня ты меч, то завтра превратишься в иголку.

Ба сарриштаи ваҳм дигар мапеч,

Ки гайр аз сӯзан дар ҷаҳон нест ҳеч. [т.3, 808]

Не нужно больше обматываться тканью воображения,

Ибо, кроме иголки, в мире нет ничего.

б) в значении «цель, намерение»:

Ту аз сарриштаи тадбири зоҳид гофилӣ, варна

Надорад фисқ хилватхонае чун порсоиҳо. [т.1 (п.ч.), 30]

Ты не знаешь цель уловок отшельника,

Набожность есть уединенное место распутства.

в) в следующем бейте лексема *сарришта* использована в значении «быть сбитым с толку»:

Чӣ гӯем? Сарриштаи мо гум аст,

Нафас, гӯ, баён шав, таманно гум аст. [т.3, 626]

Что сказать? Мы сбились с толку,

Скажи дыханию: излагай, желания исчезли

Композит *сарчаиша* также относится к многозначным композитам и используется в двух значениях: «1. родник; 2. пер. источник, первоисточник, место происхождения чего-либо» [295, 2, 213; 307, 2, 1858-1859]. Из сведений Деххудо явствует, что в персидском языке данное сложное слово употребляется и в значении «земля вокруг родника» [303, 2, 1673]. В стихах Абульмаони анализируемая лексема употребляется в первых двух значениях:

а) в значении «источник, место происхождения чего-либо»:

З-ин бодия рафтам, ки ба сарчаишаи хуршед
Чун соя бишӯям зи чабин гарди сафарро. [т.1 (п.ч.), 6]
 Ушел я из этой степи, чтобы в источнике солнца,
 Как тень, отмыть лоб от пыли путешествия.

Инони мавчи шӯхӣ тоб медод,
Аз он сарчаиша сунбул об медод. [т.3, 511]
 Скручивал повод волны игривости,
 И из этого источника давал воду локонам.

б) в значении «источник, первоисточник»:

Нестӣ сарчаишаи туфони ҳастӣ будааст,
Чун тилисми хок хилватгоҳи розам кардаанд. [т.1 (п.ч.), 691]
 Небытие есть первоисточник бури бытия,
 Сделали меня потайным местом, как колдовство праха.

Хирад гар ба софи маони расид,
Ба сарчаишаи ҷовидонӣ расид. [т.3, 599]
 Если мудрость достигла чистого вина смысла,
 То он достиг первоисточника вечности.

Композит *сарангушт* в поэзии Бедиля также пользуется высокой частотностью и имеет следующие толкования: «кончик пальца, первый сустав пальца, на котором расположен ноготь». Использование этого

сложного слова в значении «один из сортов винограда» характерно для персидского языка [295, 2, 201; 303, 2, 1669; 307, 2, 1853]:

*Бе рӯйи ту мижгон чӣ нигород ба сарангушт,
Чаимест, ки бояд ба дар орад ба сарангушт.* [т.1 (п.ч.), 230]
Без твоего лика ресница не может описать ничего,
Как око, которое не может наблюдать ничего.

Сложные слова, образованные посредством компонента *sar*, подробно анализируются в четвертой главе диссертации.

Б. С изафетными словосочетаниями методом перевёртыша, к примеру в лексемах *гиряоҳанг* (плачущий тон), *диландеша* (думающее сердце), *занбӯрхона* (осиное гнездо), *зинсавор* (сидящий в седле) и др.

В следующем бейте композит *гиряоҳанг* (плачущий тон), который встречается в месневи «Тури ма'рифат», использован в значении «глаза, наполненные слезами»:

*Чунунпаймона чаиме гиряоҳанг,
Сияҳмасте шикасти шиша дар чанг.* [т.3, 550]
Глаза, наполненные слезами, подобны чаше, полной безумия,
Мертвецки пьяные, угрожающие разбить бутылку в руках.

Композит *диландеша* также не встречается в словарях. Исходной единицей для этого композита является словосочетание «дар андешаи дил будан» (думать о сердце):

*Мани бенаво ҳам диландешаам,
Ба дил чун нафас медавад решаам.* [т.3, 723]
Сей бедняк также думает о сердце,
Мои корни, как дыхание, стремятся в глубь сердца.

Композит *занбӯрхона* в «Лугат-наме» Деххудо комментируется как «осиное гнездо, улей медоносной пчелиной мухи; пчелиное гнездо; улей...» [303, 1, 1584]. В поэзии Бедиля это сложное слово в выражении *занбӯрхонаҳо эҷод кардан* употреблено в значении «осиное гнездо»:

Ҳар шири латифе, ки панираш карданд,

Дар худ занбӯрхонаҳо кард эҷод. [т.2, 380]

Приятное молоко, из которого сделали сыр,
Создало в себе осиные гнезда.

Композит *зинсавор*, встречающийся только в этом бейте, в словарях не зафиксирован:

Ба ҳуш бош, ки по дар рикоби арсаи фурсат,

Агар ба хона нишинад, кӣ зинсавор нишинад? [т.1 (п.ч.), 483]

Помни: если нога в стремя арены случая

Сядет, то кто же сядет в седло коня?

3. Ряд композитов Абульмаони отличается от исходных моделей благозвучностью. Композиты *гаҳворасавор*, *донишкоҳ*, *хобошно*, *фаргул*, несомненно, обогатили лексический фонд таджикского языка. В следующем бейте лексема *гаҳворасавор* использована в значении «глупый ребенок».

3-ин шайх ризоат ошкор аст ҳанӯз,

Хам гаштаву гаҳворасавор аст имрӯз. [т.2, 633]

Этому шейху ребячество все еще присуще,

Хотя и сгорблен, но и сейчас глуп, как ребенок

4. Собранный лексический материал убеждает в том, что поэт в ходе словообразования использует не только простые, но и производные существительные, которые по строению компонентов можно разделить на две группы: а) «производный компонент + простой компонент», такие как *огоҳисавор*, *ошуфтагибунёд* (убитый горем), *хубитироз* (добронравный); б) «простой компонент + производный компонент», к примеру *оинаравшангар* (украшающий зеркало).

5. Целый ряд композитов в поэзии Абульмаони употребляется в разговорной речи в значении, известном в таджикском языке: *баноғӯш* (мочка ушей), *муштипар* (слабая, бессильная), *дарпарда* (занавеска на двери), *шодимарг* (умерший от радости), *сарзаниш* (прокалывание, укор) и др. По мнению С. Айни, композит *баноғӯш* образован от выражения *мочка*

уха: «Это слово образовано от выражения «буни гӯш» [285, 44]. Согласно замечаниям Деххудо, данная лексема известна как в форме *буногӯш*, так и *буногуш* [303, 1, 464]. Указанное сложное слово находится в употреблении в современных диалектах таджикского языка [см.: 290, 49; 291, 66]. В поэзии Бедиля композит *баногӯш* имеет относительно высокую частотность. Нами зафиксировано более десяти случаев его употребления:

*Ишорат мекунад, Бедил, хати тарфи баногӯшаиш,
Ки ҳар чо чилваи субҳест, шомаш дар камин бошад.*
[т.1 (п.ч.), 741]

Бедиль, линия мочки уха (возлюбленной) указывает на то, что Там, где сверкает утро, ждут его в засаде сумерки.

*Баногӯши дилдорам омад ба ёд,
Кунам нола, то субҳ гӯё шавад.* [т.1 (п.ч.), 541]
Пришла на память мочка уха возлюбленной,
Рыдаю, чтобы утро стало говорящим.

Композит *муштипар* распространен в таджикском языке и в переносном смысле означает «слабый, бедный, немощный, бессильный» [296, 1, 868]. Этот композит выявлен нами только в одном бейте, приведенном ниже:

*Губори муштипари мо ниёзи дом кунед,
Ки умрҳо ба ҳавои қафас гудохтааст.* [т.1 (п.ч.), 387]
Нашу слабую пыль поместите в силки,
Ибо всю жизнь (мы) в мечте о клетке.

Композит *дарпарда*, комментируемый С. Айни в двух значениях: «1. дверная рама; 2. дверная рама, створки которой оклеены вместо стекла бумагой» [285, 92], в месневи «Ирфан» употреблен в метафоричном значении «скрытый»:

*Ранги гулкардааш чаҳони сифот,
Бӯйи дарпардааш ҳақиқати зот.* [т.3, 3]

Окраска цветка – мир атрибутов,
Суть – скрытый аромат сущности.

Композит *шодимарг*, согласно толкованию С.Айни, обозначает «внезапную смерть, наступившую от чрезмерной радости» [285, 479]. В этом значении он употреблен в месневи «Ирфан»:

*Гуфтугӯ монд аз ин баён бебарг,
Гашт ин ҷо фасона шодимарг.* [т.3, 321]
Разговор остался без результата от этого изложения,
Здесь сказка умерла от радости

Некоторые композиты в поэзии Бедиля употребляются в значении, известном в современном таджикском языке. Например, композит *сарзаниши* имеет значение «прокалывание», «пронзание» [295, 2, 206], однако в разговорном языке используется в значении «укор», «упрек». [285, 336]. В поэзии Абульмаони названный композит использовано именно в этом значении:

*Аз сарзаниши халқ ба худ меболам,
Чун оташи афсурда зи доман хӯрдан.* [т.2, 556]
От упреков народа ликует сердце,
Как застывший огонь, который раздувают подолом.

Таким образом, модель «имя существительное + имя существительное» является одной из наиболее продуктивных словообразовательных моделей типа татпуруша. С помощью этой словообразовательной модели образовано более 180 композитов, компоненты которых являются исконно таджикскими лексемами. Исходной единицей для сложных слов этой модели, образованных в результате выпадения изафета между определением и определяемым словом или же способом перевёртыша, в основном являются изафетные словосочетания.

Данная модель двуисходна: в основном по ней образуются имена существительные, а иногда и имена прилагательные.

2.2. Модель «имя существительное + имя прилагательное». Эта модель относится к продуктивным моделям персидско-таджикского языка [см.: 251, 112], однако в поэзии Бедиля такие сложные слова малочисленны – обнаружено всего семнадцать композитов.

Из композитов типа татпуруша, созданных по модели «арабское слово + таджикское слово», в поэзии Бедиля зафиксировано всего 22 примера, что также свидетельствует о непродуктивности данной модели.

В целом композиты этой модели можно разделить на две группы: 1) лексические единицы, получившие распространение в таджикском языке и вошедшие в толковые словари; 2) авторские неологизмы, не встречающиеся в толковых словарях.

К наиболее употребительным композитам этой модели можно отнести следующие сложные слова: *шабнам* (роса), *сангреза* (гравий), *лабхушк* (жаждущий), *лабташина* (жаждущий), *нозмаст* (опьяненный негой), *номасиёх* (грешник), *сармаст* (опьяненный), *чигарпора* (родной).

Из этой группы лексических единиц лексема *шабнам* имеет достаточно высокую частотность в поэзии Бедиля и употребляется более 270 раз. Следует отметить, что в поэзии Абульмаони другие сложные слова не обладают такой высокой частотностью. Но несмотря на то, что этот композит является одним из наиболее часто употребляемых в поэзии Бедиля, мы не находим его толкования в «Словаре поэзии Бедиля» [см.: 299].

Композит *шабнам* в «Словаре таджикского языка» интерпретируется как «водяные капли, осаждающиеся из влажного воздуха на поверхности растений, почвы и различных предметов и т.п. ночью или утром», льется» [295, 2, 555]. В «Лугат-наме» Деххудо приводится следующее толкование: «маленькая капля воды, упавшая на землю теплыми ночами; водяной пар, образующийся в виде множества мелких капель на поверхности растений или других предметов в безоблачные ночи; иней; град...» [303, 2, 1779]. Из толкования А. Г. Маони явствует, что в индийском стиле анализируемый

комполит имеет множество значений. В «Словаре поэзии Саиба» приводятся следующие толкования этой лексемы: «упрямый, бодрствующий, болезненный, чужой, неумелый, порядочный, мягкосердечный, долготерпеливый, боязливый, поклоняющийся Солнцу; бессонный взгляд, сердце, кубок, цветок, дитя, ожерелье из жемчуга» [306, 2, 469].

В поэзии Бедиля этот комполит употребляется во всех поэтических жанрах, однако большую частотность он проявляет в жанре газели. По сведениям составителей «Куллията» Абульмаони, данная лексема употреблялась им более трехсот раз [см.: 9, 2, 1490].

Поскольку роса сохраняется лишь малую толику времени, поэт для выражения скоротечности жизни умело использует этот образ:

*То дар ин гулзор чун **шабнам** гузар дорем мо,
Бодае дар чоми айи аз чаими тар дорем мо.* [т.1 (п.ч.), 50]

Пока в этом цветнике мы находимся, как роса,
Бокал наслаждения наполнен нашими слезами

*Ҳамчу **шабнам** дар ин чаман маҳв аст,
Бе нами чаим обу донаи мо.* [т.1 (п.ч.), 107]

Наша вода и зерно без слёз наших очей,
Как роса, в этом цветнике испарится.

Комполит *шабнам* в данной газели используется в качестве редифа:

*Гудози гавҳари дил бодаи ноб аст **шабнам**ро,
Нами чаими таҳайюр олами об аст **шабнам**ро.* [т.1 (п.ч.), 113]

Плавление жемчуга сердца – чистое вино для росы,
Влага очей удивления – водная стихия для росы.

В следующем бейте это сложное слово обозначает вещь, не имеющую никакой ценности, авторитета:

*Ба барқи нола оташ дар баҳори рангубӯ афкан,
Чу **шабнам** обрӯе нест ин чо чаими гирёнро.* [т.1 (п.ч.), 150]

Из молнии стона разведи огонь в весне привлекательности,
Здесь плачущие глаза, как роса, не имеют авторитета.

Использование композита *шабнам* наблюдается и в месневи Бедиля:

Шӯҳии чилва бар сари ҳам рез,

*Майи субҳе ба ҷоми **шабнам** рез.* [т.3, 67]

Озорством кокетства поливайте головы друг друга,

Наполни вином утра бокал росы

Тарабҳо кард гул аз мақдами ӯ,

*Баҳор омад ба тавфи **шабнами** ӯ.* [т.3, 429]

Ее приходу выразила радость роза,

Весна пришла для хождения вокруг ее росы.

По мнению ученого Ш.Кадкани, в поэзии Бедиля композит *шабнам* использовано в значении: «изумленные глаза, устремленные в небо» [276, 331].

Анализ композитов этой модели показывает, что некоторые из них были образованы путем инверсии компонентов: *ташиналаб* («имя прилагательное + имя существительное») и *лабташина*. Композит *лабташина* в основном встречается в газелях поэта, в «Ирфане» он встречается только в одном случае. В «Словаре таджикского языка» это сложное слово имеет следующее толкование: «жаждущий, испытывающий жажду; пер. вожделеющий» [295, 2, 588], а в «Лугат-наме»: «жаждущий, тот, кто очень хочет пить и очень нуждается в воде» [303, 2, 2495]. Из толкования Деххудо следует, что данная лексическая единица получила распространение благодаря перестановке места компонентов в модели *ташиналаб* («прилагательное + существительное»), которая в стихах Абульмаони выявлена нами в пяти бейтах. Например, в стихотворениях Бедиля сложное слово *лабташина* использовано иносказательно, в значении «влюблённый», а композит *ташиналаб* – как «жаждущий крови»:

*Соғари **лабташина**ғони шиқро Кавсар кучост?*

Ҳар чи аз мавчи зулолаш дидаї, хамёза аст. [т.1 (п.ч.), 200]

Где находится источник (вина) для чаши жаждущих любви?

То, что ты увидел волну прозрачной воды, — это

зевание (мираж).

Ҳамеша ташиналаби хуни мо бувад, Бедил,

Чу шиша ҳар кӣ ба даст оварад дили моро. [т.1 (п.ч.), 121]

Будет жаждать нашей крови, Бедиль,

Каждый, кто возьмет наше сердце, как бутылку.

Композит *сармаст* у Бедиля встречается лишь однократно, в его газели. Сложное слово *сангреза* также употреблено поэтом в двух рубаи. В «Словаре таджикского языка» композит *сармаст* трактуется следующим образом: «веселый, пьяный» [295, 2, 208]. Деххудо даёт следующее толкование: «тот, кто пьян от вина; пьяный; охмелевший; довольный; счастливый, радостный» [303, 2, 1685]. Из толкования Деххудо явствует, что это сложное слово употребляется и в переносном значении— «гордый, надменный» [см.: 303, 2, 1685]. В поэзии Бедиля сложное слово *сармаст* означает опьянение:

То нагардад фош сармастит, макишой чаим

Чун парї, к-ин шиша зоҳир мекунад рози туро. [т.1 (п.ч.), 127]

Чтобы не разоблачили твое опьянение, не открывай глаз твоих,

Как пери, ибо этот стеклянный сосуд обнаруживает твои тайны.

Композит *сангреза* в рубаи поэта встречается в общеупотребительном значении [см.: 295, 2, 189; 303, 2, 1720]:

Ҳарчанд ки сангреза як мисқол аст,

Чун киштии садманиши намеронад об. [т.2, 248]

Несмотря на то, что галька (весит) один мискаль,

Вода не уносит ее, как стомановый корабль (*ман* – мера веса).

Толкование композитов *нозмаст* и *чигарпора* в «Лугат-наме» приводится следующим образом: *нозмаст* – «возгордившийся пьяный,

остроумный человек, рассказывающий анекдоты» [303, 2, 2920]. У Бедиля (в «Ирфане») оно встречается в одном бейте в первоначальном значении этого сложного слова:

*Содагичилва луббатони хамӯи,
Нозмасти ҳазор шуъла хурӯи.* [т.3, 102]
Простота кокетства молчаливых красавиц –
Опьянённая нега тысячи искр криков.

Вторую группу композитов этой модели составляют сложные слова, не вошедшие в известные толковые словари: *хушдушман* (враг рассудка), *гиребончок* (человек с разорванным воротником), *зангорфарсуда* (покрытый ржавчиной), *парваришташна* (жаждущий воспитания), *хамёзахурсанд* (радующийся зевоте), *хонавайрон* (оставшийся без крова) и *хангомагарм* (устраивающий дебош).

Исходную единицу данных композитов составляют изафетные словосочетания. Из этой группы композитов большей частотностью обладают лексемы *гиребончок* [т.1 (п.ч.), 497] и *хонавайрон* [т.1 (п.ч.), 421].

Композит *гиребончок* не встречается в толковых словарях, однако широко известен в таджикских диалектах. Например, в южных диалектах таджикского языка он распространен в значении «связанный, носящий траур, растерянный, печальный, грустный» [см.: 290, 92; 291, 129]. Следующий бейт Абульмаони свидетельствует, что это сложное слово употреблено поэтом в значении «печалиться, растеряться»:

*Чу гул пар мезанам дар рангу аз худ барнамеоям,
Маро ин орзу то кай гиребончок бинионад.* [т.1 (п.ч.), 497]
Как цветок, порхаю в цвете, но не выхожу из себя,
До каких пор меня будет печалить это чаяние?

Из сведений А.Г. Маони явствует, что данная лексема в поэзии Соиба используется в значении «страдающий влюбленный» [см.: 306, 2, 632].

Композит *хонавайрон* в следующем бейте употреблен в значении «лишившийся крова, испытывающий трудности»:

Ҳеч кас дар чордевори ҷасад осуда нест,

Ё Раб, ин манзил кадомин хонавайрон кард тарҳ? [т.1 (п.ч.), 421]

Никто в четырех стенах тела не находится в покое,

О Боже, кто, лишившийся крова, построил это жилище

(т.е. бытие человека)?

Композиты *хамёзахурсанд* и *хушдушман* в следующем бейте использованы в значении «человек»:

Ниғахро қонеи як қилва мапсанд,

Қадаҳ кам нест, эй хамёзахурсанд. [т.3, 556]

Не нужно взгляду удовлетворяться одним кокетством,

Бокалов немало, о радостный в зевоте.

В следующем бейте сложное слово *хушдушман* означает «враг сознания»:

Ҳамоно кӯрӣ аст, эй хушдушман,

Ки диданҳот гум шуд дар шунидан. [т.3, 544]

Это именно слепота, о враг сознания!

Твои видения потерялись в слушании?

Таким образом, модель «имя существительное + имя прилагательное» двуисходна и в большинстве случаев образует существительные, а иногда и прилагательные. Кроме того, некоторые сложные слова в результате перестановки компонентов образуют перевертыши, такие как *лабташина*, *лабхушк*. В поэзии Абульмаони наблюдается употребление этих двух моделей сложных слов.

2.3. Модель «имя существительное + основа настоящего времени глагола». В словосложении эта модель относится к числу основных продуктивных форм образования композитов типа татпуруша [см.: 251, 117]. На основе модели «таджикское слово + таджикское слово» произведено более 800 (847) композитов. Анализ показывает, что на основе модели «арабское слово + таджикское слово» создано еще больше сложных слов (более 900 композитов), из чего следует, что глагольные

словосочетания обладают большим потенциалом для трансформации в композиты.

Анализ большого фактологического материала, в частности сложных слов данной модели, позволяет нам удостовериться в ее продуктивности и прийти к заключению, что сложные слова находятся в различных смысловых отношениях и характеризуются вариативностью. Особенности сложных слов можно классифицировать следующим образом:

2.3.1. Вариативность композитов. В языкознании, наряду с синонимией и антонимией, выделяют также вариативность лексем, обусловленную различными языковыми факторами, и «различие между ними настолько мало, что в целом не нарушает общности лексической единицы» [254, 62]. В лингвистических трудах [см.: 56, 44-47; 255, 62-64] «относительно вопроса вариативности слов исследователями приведены разрозненные замечания» [139, 19], и изучение темы в специальной монографической работе началось в последние годы [см.: 139; 177]. В работе М. Джаборовой рассматривается вариативность лексем в целом, и исследование вариативности сложных слов и сегодня остается одним из важных вопросов лингвистики. По мнению исследователей, «...данное явление в иранских языках, особенно в таджикском, началось с древнейшего периода их развития, и его возникновение обусловлено тремя факторами: 1) преобразование гласных, которое считается одной из значимых особенностей древнеиранских языков; 2) преобразование согласных под влиянием различных фонетических явлений; 3) фонетические явления, происходящие в позиции соединения морфем» [133, 134].

В этой связи в настоящей работе предпринята попытка высказать научные положения относительно вариативности композитов в каждом соответствующем случае. Следует отметить, что русский ученый Г.О. Винокур также считал исследование вариативности лексических единиц в словообразовании одной из важнейших проблем лингвистики [см.: 170, 429].

Анализ композитов модели «имя существительное + основа настоящего времени глагола» в поэзии Бедиля показывает, что многие из них обладают вариативностью. Например: *гавҳарфишон / гуҳарфишон* (рассыпающий жемчуг); *гавҳарфурӯш / гуҳарфурӯш* (продающий жемчуг); *гавҳархез / гуҳархез* (место, где появляется жемчуг); *гулафишон / гулфишон* (осыпающий цветами); *доманафишон / доманфишон* (покидающий, появляющийся); *оташафрӯз / оташфурӯз* (возжигающий огонь).

Собранный материал можно разделить на следующие группы в зависимости от того, структурное изменение какого компонента обусловило возникновение вариативности:

1. Композиты, в которых обусловил вариативность лексем первый компонент, например *афсонасоз / фасонасоз* (сказочник). В толковых словарях разъясняется, что слово *фасона* является одной из форм лексемы *афсона* [см.: 295, 2, 425], из чего можно заключить, что композиты *афсонасоз* и *фасонасоз* являются вариантами одной лексемы.

В поэзии Бедиля первый вариант употреблен в двух случаях – в газели и в месневи «Тилисми хайрат», а второй вариант — только в одном рубаи. Композит *афсонасоз* комментируется Деххудо как «тот, кто рассказывает, повествует истории о приключениях, создатель мифа и рассказчик» [303, 1, 197]. В следующем бейте Бедиля оно используется в значении «повествование»:

Нест, Бедил, вазъи ман афсонасози дарди сар,

Ҳамчу хомӯиш шароби беҳуморам кардаанд. [т.1 (п.ч.), 427]

Бедиль, состояние мое повествует о моей головной боли,

Создали меня молчаливым, как вино без хмеля

Исследование поэзии Бедиля свидетельствует о том, что поэт уделяет большое внимание употреблению усеченных вариантов композитов. Это обстоятельство обусловлено ритмикой стихосложения.

2. В другой группе композитов первый компонент выступает в двух формах: в полной и усечённой, вследствие чего образовались вариативные

композицы, к примеру *гавҳарфишон / гуҳарфишон; гавҳарфурӯш / гуҳарфурӯш; гавҳархез / гуҳархез; поймол / помол*.

Композицы с компонентом *гуҳар* произошли от лексемы *гавҳар* (< gauуга), которая в последующем подверглась усечению и приобрела форму *гуҳар* [295, 1, 301]. Отсюда возникли пары сложных слов *гавҳарфишон / гуҳарфишон; гавҳарфурӯш / гуҳарфурӯш; гавҳархез / гуҳархез*. Структурно-семантический анализ сложных слов, образованных посредством компонента *гавҳар / чавҳар* произведен в четвертой главе диссертации.

В таджикском языке лексемы *поймол / помол* употребляются в трех значениях: «1. растоптанный, раздавленный; 2. пер. разрушенный, уничтоженный, истреблённый, напрасно утраченный; 3. пер. жертва» [295, 2, 77]. В поэзии Абульмаони по большей части используется усеченная форма данной лексической единицы – *помол*, однако в месневи Бедиля данная форма нами не обнаружена. В следующих бейтах это сложное слово употреблено во втором значении – «растоптанный»:

*Меравем аз хешу ҳамчун шамъ **помоли** худем,
Ачз во кардааст, Бедил, бар сари мо роҳи мо. [т.1 (п.ч.), 24]*
Уходим от себя, как свеча, растоптаны собою,
Бессилие, Бедиль, открыло дорогу на нашем пути.

*3-омадшуди қосидони найрангнаём
Помолам кард ҳастии яъсанҷом. [т.2, 518]*
От поездки вестников, приносящих хитрые вести,
Растоптало меня бытие, конец которого – отчаяние.

Вариант *поймол* употреблен поэтом в двух случаях – в месневи «Ирфан» и в газели в значении «растоптанный»:

*Киштҳо **поймоли** горат буд,
Суд сармоџи хисорат буд. [т.3, 169]*
Посевы были растоптаны грабежами,
Прибыль была капиталом ущерба.

Исследование удостоверяет в том, что Бедиль уделяет большое внимание употреблению простой формы сложных слов. Это обстоятельство обусловлено метрикой стиха.

3. Сложные слова, в которых обуславливает вариативность лексем замена второго компонента, например *гулафшон / гулфшон; доманафшон / доманфшон; парафшон / парфшон; оташафрӯз / оташфурӯз; партавафкан / партавфикан* (дающий свет) и др.

В композитах *гулафшон / гулфшон, доманафшон / доманфшон и парафшон / парфшон* второй компонент (основа настоящего времени глагола *афшондан*) выражен двумя вариантами слова: *афшон* и *фшон* [295, 1, 103; 2, 437].

В «Словаре таджикского языка» лексемы *гулафшан / гулфшан* приводятся в трех значениях: «1. осыпаящий цветами; 2. вид фейерверка; 3. пер. лучезарный» [295, 1, 283]. Наряду с этими толкованиями, лексикограф Муин приводит и четвертое (медицинское) толкование названной лексической единицы: «4. скарлатина, корь и ветряная оспа» [307, 3, 3359-3360]. В поэзии Абульмаони это сложное слово в основном употребляется в первом значении, однако вариант *гулафшан* встречается чаще, чем *гулфшан*:

Боди сахрои ҷунун ҳар гаҳ гулафшон мешавад,

Ҷайбам аз худ меравад, чандон ки домон мешавад. [т.1 (п.ч.), 467]

Когда ветер степи безумия осыпает цветы,

Воротник мой зазнается до такой степени, что превращается

В ПОДОЛ

Ниҳоли ҳавас то шавад гулфшон,

Ба шохи баландеш баст ошён. [т.3, 774]

Чтобы саженец желания осыпался цветами (расцвел),

Избрал себе гнездо на высокой ветке.

Из пары композитов *доманафишон* / *доманфишон* Бедиль отдавал предпочтение варианту *доманфишон*: первый вариант употреблен трижды; второй вариант – в семи случаях. Толкование этого сложного слова приводится в «Лугат-наме» и в «Персидском словаре». В частности, в словаре Деххудо композит *доманафишон* имеет следующее толкование «(тот, кто отряхивает подол; (тот) кто распускает подол» [303, 1, 1233], и *доманфишон* «(тот), кто отряхивает подол; пер. скромный, смиренный; (тот), кто покидает какое-л. место; (тот), кто не обращает внимания; (тот), кто возражает» [303, 1, 1233]. В поэзии Бедилья эти композиты встречаются в следующих значениях:

а) в значении «выйти со смирением»:

Дар гулиани даҳр чун насими дами субҳ
Озода дарову доманафишон бигузар. [т.2, 443]

В цветник эпохи, как утренний ветерок,
 Заходи свободно и выходи со смирением.

б) в значении «быстротечный, недолговечный»:

Зи фавти фурсати доманфишон пеши кӣ нолам,
Ки умри рафта ба фарёди кас зи роҳ нагардад. [т.1 (п.ч.), 477]

На потерю быстротечного времени пожаловаться кому?
 Ибо ушедшая жизнь на зов человека не откликается.

В целом анализ поэзии Бедилья приводит к заключению, что при создании сложных слов поэт отдает предпочтение редуцированным вариантам композитов.

2.3.2. Синонимия композитов. Вопросы синонимии относятся к ключевым вопросам исследования любого языка. Несмотря на целый ряд фундаментальных работ по различным аспектам данной проблемы, «многие закономерности возникновения и употребления этой чрезвычайно важной категории языка, в частности его специфики, классификации, отличий и общности от вариативности, синонимия речевых единиц и т.п. не подвергнуты исследованию» [56, 79]. С этой точки зрения, представляет

значимость рассмотрение данной проблемы на примере поэтических сочинений тонкого знатока поэтического слога, поскольку «употребление синонимичных слов является один из способов избегания повторения слов. Проявление этой стилистической возможности лексических и фразеологических синонимов большей частью можно проследить в художественном произведении, в котором обязательно соблюдение изящности слова» [45, 87].

Использование синонимичных слов в художественной мастерской поэта демонстрирует богатство каждого языка [см.: 180, 91] и, как подчеркивает большая часть исследователей, в большинстве языков словообразование является одним из основных способов возникновения синонимии [см.: 254, 56; 244, 195; 33, 28]. В этой связи исследование классической поэзии дает богатый материал для понимания возможностей и богатства таджикского языка в образовании синонимии.

В ходе образования новых композитов Абульмаони создает синонимичные пары. По признанию ученых, эта особенность является одним из характерных признаков сложных слов [163, 103-105]. Бедиль не только активно использует лексические синонимы, но и в большинстве случаев создает синонимичные пары композитов: *анҷуманоро* – *анҷуманпардоз* – *анҷумансоз* (украшающий собрание); *афсонапардоз* – *афсонасоз* (сказочник); *боданӯш* – *боданаймо* – *бодахор* (любитель выпить); *майкаиш* – *майнӯш* – *майшош* – *майхор* – *согаркаиш* (любитель выпить); *дурдикаш* – *дурднӯш* (горький пьяница); *согарпараст* – *майпараст* (пьяница); *болафшон* – *болзан* (машущий крыльями); *худонапараст* – *яздонпараст* (набожный) и др.

К числу распространенных единиц языка относятся лексемы *раҳбар* – *раҳнамо*, которые в словарях комментируются как «предводитель, тот, кто указывает путь, проводник, вождь» [295, 2, 148-149; 303, 1, 1528]. Лексемы *раҳнамо* / *роҳнамо* употреблены поэтом сравнительно часто (21 раз):

Сароно маҳв шав, то ҷумла огоҳӣ шавӣ, Бедил,

*Ба қадри гумишуданҳо ҳар ки ин ҷо **раҳнамо** дорад. [т.1 (п.ч.), 524]*
 Полностью исчезни, чтобы стать полностью сведущим, Бедиль.
 Каждый здесь имеет путеводителя по мере исчезновения.

*Зи хеш рафтани мо **раҳбаре** намехоҳад,
 Далели қофилаи субҳ синаи чок аст. [т.1 (п.ч.), 262]*
 Для ухода от себя нам не нужен руководитель,
 Проводником каравана утра является рассвет.

Синонимичные композиты *сурмакаш* - *сурмасо* также имеют долгую историю развития и зафиксированы в большинстве словарей. В частности, в «Словаре таджикского языка» это сложное слово имеет следующее толкование: «тот, кто подводит сурьмой свои или чужие глаза» [295, 2, 276-277]. Примеры употребления композитов *сурмакаш* – *сурмасо* в газелях Бедила:

*Ба чаимат гарди Маҷнун **сурмакаш** нест,
 Вагарна шаи чихат Лайлибахор аст. [т.1 (п.ч.), 405]*
 От пыли Меджнуна не подводят сурьмой твои глаза,
 А не то шесть сторон света наполнятся весной Лейли.

*Умрҳо шуд, **сурмасои** коргоҳи ибратем,
 Хоксорӣ интиқоми мо зи душман мекашад. [т.1 (п.ч.), 470]*
 Всю жизнь подводим сурьмой мастерскую поучения,
 Скромность отомстит за нас врагу.

Синонимичные композиты следующих поэтических образцов употреблены в значении: а) сказитель, знаток слова (в первом бейте); б) в значении «создатель, творец» (во втором бейте):

*Бедил, аз **афсонапардозони** ин маҳфил мабош,
 Шамъро гайр аз забони чарби худ ҷонкоҳ нест. [т.1 (п.ч.), 380]*
 Бедиль, не будь из числа сказителей этого собрания,
 Свеча терпит страдания из-за своего маслянистого

(мягкого) языка.

*Нест, Бедил, вазъи ман афсонасози дарди сар,
 Ҳамчу хомӯиш шароби бехуморам кардаанд. [Т.1 (п.ч.), 702]
 Моё состояние, Бедиль, не создаёт головной боли,
 Меня, как молчание, создали неопьяняющим вином.*

Синонимичные композиты производятся в результате замены первого или второго компонента – основы настоящего времени глагола, или же, в случае разнозначности компонентов в образовании композита, – путем согласования их смыслового значения. Так, в следующих композитах замена глагольного компонента обусловила образование синонимичных композитов: *муфтбар* – *муфтхор* (живущий за чужой счёт); *мушкафшон* – *мушкбор* (благоухающий мускусом); *партавандоз* – *партавфикан*; *найрангбоз* – *найрангсоз* (хитрец); *обиладор* – *обилафарсо* (покрытый оспинами / волдырями / сыпью); *паёмгузор* – *паёмовар* (приносящий весть); *пардадар* – *пардакушо* (стремящийся осрамить, бессовестный); *сурмакаш* – *сурмасо* (подводящий глаза сурьмой) и др.

Синонимичные композиты *паёмовар* – *паёмгузор* относятся к общеупотребительной лексике, а в словарях они комментируются как «приносящий весть, сообщающий известие, вестник, гонец, посол; тот, кто является средством передачи сообщения» [295, 2, 8; 303, 1, 629; 307, 1, 863-864]. В поэзии Бедиля они не входят в число высокочастотных композитов и употребляются в следующих значениях:

*Таманно ҳама гар ба дил музмар аст,
 Зи безътидолӣ паёмовар аст. [Т.3, 626]
 Желание, даже если скрыть его в сердце,
 Является вестником неумеренности.*

*Қосид он дам ки шуд паёмгузор,
 Зад ҷунун бар димоги он ҷаббор. [Т.3, 312]*

Когда вестник сообщил известие,
У тирана случилось умопомрачение.

В «Словаре таджикского языка» и в «Лугат-наме» Деххудо из синонимичной пары *хандазан* – *хандарез* нами обнаружен только композит *хандарез*, о значении которого авторы словарей сходятся во мнении и комментируют как «смеющийся человек» [295, 2, 461; 303, 1, 1165]. На наш взгляд, лексема *хандарез* создана Абульмаони по аналогии со сложным словом *хандазан*, которое в стихотворениях поэта имеет относительно высокую частотность. Примеры из месневи «Ирфан»:

Хандазан шамъ аз ин базм гузаит,
Гул бичинед зи хокистари мо. [т.1 (п.ч.), 127]
Со смехом (смеясь) этот мир покинула свеча,
Собирайте цветы на нашем пепелище.

Лаби ҷӯ хандарези тарзабонӣ,
Ки, эй бисмилсиришти парфишонӣ. [т.3, 581]
Берег ручья красноречиво смеялся:
О жертва помахивания крыльями.

В третьей группе композитов компоненты не повторяются или полностью отличаются по лексическому составу, однако близки по значению, к примеру *нурпош* – *партавафкан* (сверкающий). Композит *нурпош* изъясняется Деххудо как «испускающий свет, лучезарный, сияющий; (тот), что проливает свет на вещи...» [303, 2, 3059]. Композит *партавафкан* также комментируется как «лучеиспускающий, сияющий, освещающий» [295, 2, 41; 303, 1, 564]. С этой точки зрения подобные композиты можно назвать синонимами. Анализируемые лексические единицы употреблены поэтом как в месневи, так и в рубаи:

Офтобанд нурпоши ҳама,
Гармии шуълаи маоши ҳама. [т.3, 166]
Как солнце, сияет для всех,

Они – тепло пламени пропитания людей.

*То ламъаи зот партавафкан нашавад,
Истеъдоди чаҳон мубарҳан нашавад. [т.2, 390]*

Пока сияние Сути не будет излучаться,
Готовность мира не будет очевидной.

По сравнению с другими группами композитов поэт чаще использует синонимичные композиты и, наравне с этим, создает новые синонимичные пары.

Анализ языкового материала показывает, что поэзия Абульмаони характеризуется богатством языка и обилием употребления лексем различных категорий. В ходе исследования выявлено, что, по сравнению с другими лексическими группами, поэт для выражения своих мыслей использует не только синонимичные пары сложных слов, но и создает новые слова, выступающие в роли антонимичных пар сложных слов. Синонимичность сложных слов в большинстве случаев обусловлена следующими факторами: а) заменой первого компонента; б) заменой второго компонента и в) соответствием семантики сложных слов.

2.3.3. Антонимия композитов. Антонимы – это слова, имеющие в своем значении качественный признак и потому способные противопоставляться друг другу как противоположные по значению. Поэтому большинство слов, выражающих качественные, количественные, временные понятия, имеет антонимичные пары, такие как *сиёҳ – сафед* (черный – белый), *дароз – кӯтоҳ* (длинный – короткий), *шаб – рӯз* (ночь – день), *бисёр – кам* (много – мало) и т.д. [см.: 253, 65; 56, 86]. В научной и учебной литературе [см.: 32, 59; 56; 59; 244; 255] в основном рассматривается семантическое противопоставление простых и производных слов, однако антонимия сложных слов не привлечена в многоаспектные исследования. Изучение таджикской классической литературы, в особенности поэзии Абульмаони, показывает, что сложные слова также могут находиться и антонимичных

отношениях, поскольку антонимы «отражают закон единства мира и борьбу противоположностей его различных сторон, контрасты реального мира в форме выразительных лексических средств» [56, 85].

Изучение и анализ поэтических сочинений Бедиля показывает, что в его поэзии композиты также вступают в антонимичные отношения. Примером могут послужить следующие композиты: *сарафроз* – *сарфикан* (удостоенный признания – с поникшей головой); *чаҳонтоб* – *чаҳонсӯз* (озаряющий мир – разрушающий мир); *ҳавонараст* – *Худонараст* (питающий влечение – набожный); *шишасоз* – *шишасӯз* (стекловар – разбивающий стекло) и др. В диссертации обстоятельно проанализированы структурно-семантические особенности этой группы лексических единиц.

Композит *сарафроз* в таджикском языке означает «гордый, с высоко поднятой головой; пер. гордый, исполненный чувства собственного достоинства, выдающийся» [см.: 295, 2, 213], а композит *сарфикан* имеет значение «с поникшей головой». Следовательно, между первым значением указанных сложных слов проявляются антонимичные отношения. В поэзии Бедиля употребление композита *сарфароз* в количественном отношении превалирует над композитом *сарфикан*, поскольку последний встречается только один раз в месневи «Ирфан»:

Ҳавои пухтагӣ дорӣ, кулоҳи фақр сомон кун,

Ки аз тоҷи сарафрозон хаёли хом мехезад. [т.1 (п.ч.), 57]

Если есть желание стать зрелым, подготовь шапку бедности,

Ибо от короны гордецов появляются незрелые думы.

Сложное слово *сарфикан* использована в значении «причина позора»:

Пошикан домани фишонда ба хок,

Сарфикан дӯши суда бар афлок. [т.3, 349]

Тот, кто стал причиной немощи и беспомощности других,

будет прославлен и могуч,

Тот, кто стал причиной позора других, будет возвеличен.

2.3.4. Классификация композитов по степени использования.

Некоторые композиты, образованные Бедилем по модели **«имя существительное + основа настоящего времени глагола»**, являются архаизмами, к примеру *бахяфарсо* (изношенная вещь), *бахладор* (обладающий кожаной перчаткой), *бахлапӯш* (надевший кожаную рукавицу). В названных композитах первые компоненты на последующих этапах развития языка вышли из употребления, что привело к их архаизации.

Композит *бахяфарсо* в имеющихся словарях нами не выявлен, однако в них зафиксирован первый компонент композита — *бахия / бахия* в значении «шов, строчка, стык; пришитое место» [295, 1, 159; 303, 1, 368]. Исходной единицей для лексемы *бахяфарсо* является глагольное словосочетание *бахя фарсудан*, используемое поэтом в двух отрывках месневи «Ирфан»:

Бахяфарсои захми дӯхтае,

Лахти шамъи фатиласӯхтае. [т.3, 178]

Изношенный шов в зашитой ране,

Кусочек свечи со сгоревшим фитилем.

Таким образом, модель **«имя существительное + основа глагола настоящего времени»** относится к продуктивным моделям словосложения типа татпуруша. В поэзии Бедиля из группы композитов типа **«таджикское слово + таджикское слово»** зафиксировано более восьмисот сложных слов. Часть этих композитов в таджикском языке считается вполне обычными и распространенными, другая часть является творением Бедиля. Названные группы слов вступают друг с другом в различные семантические и структурные отношения.

2.4. Модель «имя существительное + основа прошедшего времени глагола» относится к известным моделям образования композита, однако, в отличие указанной выше модели, не является продуктивной. На основе этой модели из группы композитов типа **«таджикское слово + таджикское**

слово» произведено более сорока сложных слов. Если считать композиты группы **«арабское слово + таджикское слово»**, то по этой модели произведено в целом более 80 композитов.

Исходными единицами для композитов этой модели считаются также глагольные словосочетания. В образовании композитов активное участие принимают глаголы *олудан* (вымазаться), *парвардан* (лелеять), *андудан* (покрыть, объять), *бастан* (связывать), *овардан* (привести).

Среди них глагол *олудан* характеризуется большей валентностью и участвует в образовании таких композитов, как *ашколуд* (заплаканный), *дардолуд* (больной), *доголуд* (покрытый пятнами), *отаиолуд* (пламенный), *сурмаолуд* (вымазанный сурьмой), *хоболуд* (сонный). Анализ исследуемого материала показывает, что данная лексическая единица занимает особое место в творческой лаборатории Абульмаони. В следующем ниже бейте выражение *пои хоболуд* использовано в значении «неподвижная нога»:

Чунбишам аз чо барад, мушкил, ки ҳамчун Бесутун

Пойи хоболуди ман санги гарон дар доман аст. [т.1 (п.ч.), 277]

Движение не может вести меня, ибо, как Бесутун,

Мои заспанные ноги – тяжелые камни в моем подоле.

Сложные слова, образованные посредством глагола *олудан*, такие как *доголуд*, *сурмаолуд*, *шиквоолуд*, как и вышеперечисленные лексические единицы, образованы поэтом по модели «имя существительное + основа прошедшего времени глагола». Эта группа сложных слов (за исключением *доголуд*) встречается и в газелях Бедиля:

Зи чаими сурмаолудаи мапурсед,

Забон ин чо чу мижгон бе чавоб аст. [т.1 (п.ч.), 384]

Не спрашивайте о глазах, подведенных сурьмой,

Язык здесь, как ресницы, без ответа.

Сурьма – это краска для подведения глаз, отсюда и возникли выражения *чаими сурмаолуд*, *чаими сурмакашида* и т.д., мастерское использование которых Бедилем можно проследить в его поэзии. В

следующим бейте по аналогии с выражением *чаими сурмаолуд*, поэт использует словосочетание *забони сурмаолуд* (приглушенный крик), которое по семантике выражает противоположное значение, поскольку от сурьмы глаза становятся ясными, а голос – хриплым, приглушенным:

*Хурӯши нотавонӣ метаровад аз шикасти ман,
Забони сурмаолуд аст мӯйи хеш чиниро. [т.1 (п.ч.), 134]*
От моего поражения слышен шум немощи,
Волос в фарфоре есть его приглушенный крик.

Использование компонента *олудан* в сочетании с конкретным существительным соответствует языковым аналогиям, однако употребление этой лексемы с абстрактным существительным *шиква* является особенностью языка Абульмаони:

*Ишқ шикваолуд аст, то чӣ дил фусурд имрӯз,
Сел меравад навмед хонае, ки вайрон шуд. [т.1 (п.ч.), 523]*
Любовь сетует, когда сердце цепенеет,
Если жилище разрушено, то сель теряет надежду.

В образовании композитов типа татпуруша глагол *парвардан* находится в постпозиции и принимает участие в образовании девяти новых сложных слов: *бахорпарвард* (лелеемый весной), *догпарвард* (лелеемый печалью), *нигаҳпарвард* (лелеемый взглядом), *нозпарвард* (лелеемый негой), *сурмапарвард* (лелеемый сурьмой), *хонапарвард* (взращенный в доме).

Композит *нозпарвард* в составе словосочетания *чини нозпарвард* употреблена в значении «унылое лицо, клеветущий»:

*Чини нозпарвард аст гарди ваҳшатам, Бедил,
Домане гар афшондам, туррае парешон шуд. [т.1 (п.ч.), 524]*
Пыль моей одичалости – морщина изнеженности, Бедиль,
Если встряхнул подол, локон растрепался.

Лексическая единица *андудан* участвует в образовании семи композитов, в том числе *бахорандуд* (покрытый весной), *бӯсаандуд* (покрытый поцелуями), *дидаандуд* (покрытый взглядом), *зарандуд*

(позолоченный), *нолаандуд* (покрытый стоном), *оҳакандуд* (вымазанный известью) и др. В следующем бейте композит *зарандуд* имеет значение «позолоченный, покрытый позолотой»:

*Ба чокаш ҳар ки ангуште фурӯ суд,
Чу моҳи нав шудаи нохун зарандуд.* [т.3, 564]
Если кто в разрез сунул палец, (то палец),
Как новый месяц, стал позолоченным.

Глагол *бастан* (связывать), в отличие от указанных выше глагольных форм, в меньшей степени участвует в образовании композитов. С этим глаголом в сочинениях Бедиля зафиксировано всего четыре примера, в том числе *побаст* (скованный кандалами, подчиненный), *рангбаст* (прочная краска).

Композит *побаст* в поэзии Бедиля встречается только в одном случае. В словарях это сложное слово имеет следующее толкование: «1. связанный, закованный в кандалы, пленённый; 2. пер. связанный, закованный; 3. основание, фундамент, основание стены» [295, 2, 72]; «останавливающийся; страдающий; на основе ограничения; узник любви; влюбленный, одержимый любовью» [303, 1, 534]. В поэзии Бедиля анализируемое сложное слово употреблено в значении «зависимый»:

*Эй хулд зи чоми карамат масти дуо,
Анфоси ҷаҳоне зи ту побастии дуо.* [т.3, 154]
Кубком твоей щедрости рай молитвой опьянён,
Дыхание целого мира зависит от твоей молитвы

Композит *рангбаст* использован поэтом один раз в «Ирфане» и дважды – в рубаи. Это сложное слово трактуется в словарях следующим образом: «прочная краска, стойкая краска, цвет, который не отходит быстро, стойкий исходный цвет» [295, 2, 120]; «иносказательно – о стойком несмываемом цвете; цвет, который не тускнеет быстро, и не выгорает после пребывания на солнце и не тускнет после стирки; устойчивый» [303, 1,

1296]. В стихах поэта оно использовано в прямом и в переносном значении– «нечто грандиозное и величавое»:

Сувари комили чаҳони ҳаёт
Шуд дар ин сафҳа рангбастии субот. [т.3, 259]
 Мира жизни полная картина
 Стала на этой странице несмываемой краской.

Ҳар бунёде, ки рангбасте дорад,
Аз зилзилаи суҳан шикасте дорад. [т.2, 428]
 Каждое основание, имеющее величие,
 Разрушение получает от землетрясения слова.

В целом модель «**имя существительное + основа прошедшего времени глагола**» относится к продуктивным моделям словообразования и в основном производит прилагательные, иногда существительные и изредка – наречия.

2.5. Модель «имя существительное + причастие» относится к распространенным моделям словосложения типа татпуруша [см.: 251, 117]. В поэзии Бедиля по указанной модели из группы композитов типа «**таджикское слово + таджикское слово**» выявлено более ста композитов, например *ашкбаста* (проливающий слезы), *багалтарварда* (лелеемый объятиями), *бахтхуфта* (несчастный), *забонраста* (уверенный в своей правоте, языкастый), *навопарварда* (лелеемый мотивом), *хунбофта* (полученный из крови), *сурмабехта* (содержащий сурьму), *солхӯрда* (пожилой), *чашимбаста* (неопытный) и другие.

Композит *отаишада* используется в поэзии Бедиля более тридцати раз. В «Словаре таджикского языка» зафиксировано три значения этого сложного слова: «1. сгоревший, сожжённый; 2. пер. запятнанный, почерневший от дыма и огня; 3. пер. разъярённый, разгневанный» [295, 1, 934]. В словаре Деххудо указано первоначальное значение сложного слова [303, 1, 19]. В поэзии Абульмаони это сложное слово приводится с тремя

определяемыми существительными – *когаз* (бумага), *сафҳа* (страница) и *мӯ* (волосы):

*Фурсате ку, то касе файзе барад з-ин анчуман,
Когази **отаизада** боре чарогон карду рафт.* [т.1 (п.ч.), 399]
Никто не может получить благо от этого мира,
Сожжённая бумага осветила (вокруг себя) и покинула сей мир.

*Бар сафҳаи **отаизадаи** умр манозед,
Фурсат чӣ қадр субҳашумор аст, бубинед.* [т.1 (п.ч.), 684]
Не нужно надеяться на быстротечную жизнь,
Смотрите, как быстро перебирает четки время.

*Набзи ҳастӣ чӣ қадар гарми ташишаймоист,
Мӯйи **отаизада** бар хеш чиҳо мепечад.* [т.1 (п.ч.), 561]
О, как быстро бьется пульс бытия,
(Наподобие) зажженного волоса, скручивающегося
вокруг себя.

Композит *гулкарда* употребляется в двух значениях: «1. в форме причастия прошедшего времени *гул кардан*; цветущий, распускающийся в цветах (о дереве). 2. пер. развитый, благоустроенный» [296, 1, 338]. В поэзии Бедиля оно использовано в 13 бейтах и в основном в переносном значении. Например, в значении «внешний блеск»:

*Лафзи гулкардаӣ, оинаи маънӣ баргир,
Парӣ исмест, ки аз ишиа мусаммо дорад.* [т.1 (п.ч.), 557]
Ты околдован внешним блеском, однако нужно двигаться
в сторону сущности вещей,
Пери – название, которое, как стекло, ничего не являет.

В следующем бейте словосочетание *тахайюри гулкарда* использовано в значении «мир»:

Чаҳон чу маънии анҷо ба фаҳми кас нарасид,

Ки ин таҳайюри гулкарда нест ё ҳаст аст. [т.1 (п.ч.), 305]

Мира, как смысла Анко, никто не понял,

Этот мир существует или не существует?

2.5.1. Вариативность композитов. Некоторые композиты этой модели Бедиль употребляет в различных вариантах. Примером могут послужить языковые единицы *сарафканда* / *саруфканда* / *сарфиканда* (покорный), используемые поэтом в двух значениях.

Из этой группы композитов в словарях зафиксирована форма *сарафканда*. В толковом словаре эта лексема имеет два значения: «1. с опущенной головой; пер. смущенный, стеснительный, застенчивый; 2. пер. покорный, повинующийся, смиренный» [295, 2, 201], а в словаре персидских слов имеет следующее толкование: «1. слабый, смущенный, пристыженный, стыдливый; 2. склонивший голову, упавший на землю; 3. потунивший голову, покорный ; 4. опрокинутый вниз головой, упавший, свергнутый; 5. подчинённый, послушный» [303, 2, 1668]. В поэзии Абульмаони это сложное слово употреблено в следующих значениях: а) в значении «вниз головой»:

Чуз ҳаё намебошад ҷавҳари карам, Бедил,

Ҳар чӣ резиие дорад, сарфиканда мерезад. [т.1 (п.ч.), 529]

Только стыдливость есть субстанция щедрости, Бедиль,

Все, что течет, течет вниз головой.

б) в значении «покорный»:

Инсон, ки фалакҳост сарафкандаи ӯ,

Дар ҳайрати худ гум аст гӯяндаи ӯ.

Дорад хосияте, ки дар хориҷи зеҳн,

Ҳар чиз, ки офарида шуд, бандаи ӯ. [т.2, 559]

Человек, которому покорны небеса,

Погружен в свое удивление.

Его особенность - стать покорным

Всему, что создал он вне своего интеллекта.

2.5.2. Синонимия композитов. Некоторые композиты данной модели находятся в синонимических отношениях: *намандуда – намзада – намхӯрда – намсиришта – намкашида* (влажный) и др. В следующих бейтах синонимичные композиты употреблены в значении «печальный верный влюблённый, обезумевший от любви» [303, 1, 1333; 307, 2, 1549]:

Эй ба зулфат ҷавҳари оинаи дил тобҳо,

Чун мижа дилбастаи чаими сиёҳат хобҳо. [т.1 (п.ч.), 15]

В твоих локонах блестит жемчуг зеркала сердца,

Сны, как ресницы, привязаны к твоим черным глазам.

Ишваи улфати дунё нахарад Бедили мо,

Нақди дилбохта савдои муҳаққар накунад. [т.1 (п.ч.), 657]

Кокетство мирских привязанностей не приобретет

наш Бедиль,

Не продаст он богатство сердца за бесценок

(мирские привязанности).

2.5.3. Антонимия композитов. Некоторые композиты этой модели находятся также в антонимичных отношениях, например *бодоварда* (принесенный ветром, неожиданная находка) и *бодбурда* (унесенный ветром). В первом бейте словосочетание *хоки бодоварда* использовано для обозначения человека, который создан из праха, однако *ганчи бодоварда* означает «сокровище, богатство, приобретённое без труда, дарованное Богом»:

Бо губори ваҳме аз ҳастӣ қаноат кардаем,

Хоки бодовардаи мо ганчи бодоварди мост. [т.1 (п.ч.), 333]

От существования мы удовлетворились пылью воображения,

Наш ветром занесённый прах есть наше неожиданно

привалившее сокровище.

Фурбат аз ҳайъатат асарнаймост,

Ватани бодбурдаи ту кучост? [т.3, 360]

Скитание по чужбине в твоём облике,

Где твоя ветром унесенная Родина?

Таким образом, модель «имя существительное + причастие» является одной из распространенных словообразовательных моделей слов типа татпуруша, в образовании которых в большей степени участвуют причастия *баста*, *олуда*, *парварда*. Так, с причастием *баста* образовано десять сложных слов, *полуда* — семь, и *парвада* – шесть.

Указанные лексические единицы находятся как в синонимичных, так и в антонимичных отношениях, и Бедиль в зависимости от поставленных художественных задач с большим мастерством использовал разные формы одного и того же сложного слова для выражения своих мыслей.

2.6. Модель «имя прилагательное + имя существительное». Эта модель относится к числу продуктивных словообразовательных моделей. В поэтических текстах Бедилья зафиксировано более шестидесяти композитов, созданных по этой модели: *барахнапо* (босоногий), *барахнасар* (с непокрытой головой), *гармбозор* (тот, у кого бойкая торговля), *куҳандеҳқон* (пожилой дехканин), *куҳантакрор* (повторяющий старое), *куҳнахишт* (мир, старый кирпич), *ташнадидор* (жаждущий встречи) и др. Исходной единицей для композитов этого типа являются изафетные словосочетания, которые в результате выпадения изафета, к примеру *ташнадидор*, *ташнаогӯш* (жаждущий объятий) и методом перевёртыша, к примеру *гармдору* (имбирь), *гармоҳанг* (приятный, ласкающий слух), создают новые композиты.

Исходной единицей этого вида лексических единиц являются изафетные словосочетания, из которых посредством выпадения изафета: *ташнадидор*, *ташнаогӯш* и способом перевёртыша [см.: 205, 75; 25, 40]: *навниҳол*, *гармбозор* и т.д. образовались новые сложные слова. Эти сложные слова с одинаковой частотностью встречаются в месневи Бедилья («Тилисми хайрат» и «Ирфан»):

*Дар он ҳолат, ки Ишқи таишнадидор,
Зи шоҳи баҳри ҳуснӣ шуд хабардор. [т.3, 489]*
В тот момент, когда Любовь, жаждущая встречи,
Узнала о царе моря красоты.

*Кунун даври нишоти фаҳмкӯшист,
Тааммул таишаогӯши хамӯшист. [т.3, 537]*
Теперь время радости от стремления ума,
Раздумье жаждет объятия молчания.

Прилагательные *нав, гарм, куҳна, сахт* и т.д. больше всего участвуют в образовании сложных слов по анализируемой модели. Например, *навбар, навбаҳор, навгул, навнигоҳ, навниёз, навниҳол, гармбозор, гармдору, гармнаво, гармоҳанг, куҳандеҳқон, куҳанпора, куҳантакрор, куҳнабино, куҳнахишт, сахтрӯ, сахтҷон* и т.д.

Из этой группы лексических единиц высокой частотностью (более 70 раз) обладает сложное слово *навбаҳор*, которое в словарях комментируется как: «1. новая весна, ранняя весна; 2. пер: о молодой и красивой девушке; 3. название буддийского храма в Балхе» [295, 1, 818-819]; «новая весна, весна; начало весны» [303, 2, 3056]. В поэзии Абульмаони в основном используются первое и второе значения лексемы:

а) в прямом значении «начало весны»:

*Имрӯз навбаҳор аст, согаркашон биёед,
Гул ҷӯши бода дорад, то гулситон биёед. [т.1 (п.ч.), 457]*
Сегодня – начало весны, приходите на попойку,
Цветы бурлят, как вино, приходите в розовый сад.

б) в переносном значении – «молодой»:

*Сайри он ҷилва муфти фурсати мост,
Навбаҳорем, чаими бад марасод! [т.1 (п.ч.), 527]*
Теперь наш черёд наблюдать грацию (возлюбленной),
Мы молодые, да сохранимся от сглаза.

Или в следующем бейте:

*Гирифтам, навбахорӣ, пеши худ нашъунамо сар кун,
Бисотороии нози ту дар гулхан намегунҷад.* [т.1 (п.ч.), 528]

Предположим, ты, молодая, начинай процветание перед собой,
Кокетство твое неуместно у топки.

Композит *навниҳол* трактуется в словарях как «молодое дерево, саженец» [303, 2, 3069]. Названный композит в месневи «Ирфан» используется в основном в следующих значениях:

а) в значении «молодое дерево»:

*Навниҳолон тарабаёғ шуданд,
Рангубӯҳо чамандимоғ шуданд.* [т.3, 253]

Наполнен бокал молодых деревьев радостью,
Лужайки наполнились цветами и ароматами.

б) иносказательно – о молодой девушке:

*Ҳуш аз он навниҳол он чӣ шикофт,
Дар ҳазорон чанори куҳна наёфт.* [т.3, 278]

То, что сознание нашло в этом саженце (то есть в девушке),
Не обнаружило в тысячах старых чинар.

Наиболее часто употребляемыми сложными словами этой модели в поэзии Бедиля являются композиты *гирдоб* и *гирдобод*. Частность употребления первого сложного слова достигает 84-х, а второго – 80-ти. Толкование этих композитов можно встретить во многих словарях: «водоворот – бездна, воронка; место в реке или ручье, где вода быстро циркулирует; пер. сложное и опасное положение» [303, 2, 2408]; «место в реке или море, в котором течение образует вращательное движение воды» [295, 1, 265]. Ш. Кадкани отмечает о ряде терминов в поэзии Бедиля, в том числе о сложном слове *гирдоб*: «водоворот есть то, что всегда действует, как кинжал из волн на горле, и ничто иное, как воронка, если запутает голову, или чаша, которую выпивают из печали» [276, 333]. В поэзии

Абульмаони *гирдоб* часто используется в сочетании с лексемами *печутоб*, *мавч*, *дарё* и т.д. и обозначает «водоворот»:

*Дар муҳити ииқ то сар дар гиребон бурдаем,
Нест чун гирдоб ризқи мо ба гайр аз печутоб.* [т.1 (п.ч.), 173]

Так как в океане любви мы полностью проявили покорность,
Нет у нас пропитания, кроме вращения, как у водоворота.

*Чанд чун гирдоб бояд буд маҳви печутоб
Бар умеди соҳиле чун мавч дасту по занед.* [т.1 (п.ч.), 625]

Доколе, как водоворот, будете заниматься вращением,
Необходимо, как волна, стараться достичь берега.

2.6.1. Семантические особенности композитов. Некоторые композиты этой модели вступают в антонимичные отношения, но другая часть представляет собой синонимы. Например, композиты *гармоҳанг* [т.2, 513] и *гармнаво* [т.2, 597] проявляют синонимичность. Близки по значению к *хушклуб* (испытывающий жажду, жаждущий) и композиты *ташналаб* и *сӯхталаб* [303, 1, 743; 2, 1137].

В такие же антонимичные отношения композиты *ташналаб* и *сӯхталаб* вступают со сложным словом *хушклуб*:

*Зи ҳирс зиллати ҳочат ба ҳеч дар мабаред,
Ба шарм ташналаби обрӯ шудан ситам аст.* [т.1 (п.ч.), 320]

Из алчности не надо унижаться перед каждой дверью,
Стыдливо жаждать уважения – есть утеснение (себя).

*Раҳм аст ба ҳоли табу тоби нафасе чанд,
К-ин хушклубон моҳии дарёи саробанд.* [т.1 (п.ч.), 714]

Прояви милосердие к волнению дыхания,
Так как эти жаждущие являются рыбами в реке миража.

Композиты *куҳнабино* (старое здание, старый мир) и *шигарфбино* (паразитическое здание) в поэзии Бедиля противоположны по значению:

*Номахрами ҳангомаи тағйир мабошед,
Таъмири наведест дар ин **куҳнабиноҳо**. [т.1 (п.ч.), 120]*
Не будьте чуждыми суматохе изменения,
Невозможно отремонтировать эти старые здания.

*К-инчунин хонаи **шигарфбино**
Бех, ки аз дасти мо шавад барпо. [т.3, 181]*
Такая обитель с удивительным зданием
Будет лучше, если возведётся нашими руками.

Вместе с тем следует отметить, что в ряде случаев инверсия компонентов в структуре композита не влечет за собой изменения в их семантике. Например, *бараҳнапо* – *побараҳна*; *бараҳнасар* – *сарбараҳна*; *ташиналаб* – *лабташина*; *хушклар* – *лабхушк* и др. Названные композиты встречаются в поэзии Бедиля в обоих вариантах.

Таким образом, модель «имя прилагательное + имя существительное» в образовании сложных слов типа татпуруша является одной из самых популярных и продуктивных словообразовательных моделей. Данная модель относится к трехисходной и в основном образует прилагательные, а иногда – существительные и наречия. Сложные слова этой модели находятся в разных смысловых отношениях, а некоторые из них в результате инверсии компонентов преобразуются в новые лексические единицы.

2.7. Модель «имя прилагательное + основа настоящего времени глагола» относится к распространенным моделям словообразования, производящим прилагательные [см.: 251, 141]. По этой модели в исследуемом материале создано тридцать сложных слов. Эту группу композитов с точки зрения их присутствия в лексическом составе таджикского языка можно разделить на две группы. Первую группу составляют композиты, входящие в словарный состав языка и относящиеся

к литературному пласту: *бадгӯ* (злословный), *бадомӯз* (дающий плохие советы), *бадхоҳ* (недоброжелательный), *гаронхез* (медлительный) и др.

Сложное слово *бадхоҳ*, комментируемое в словарях как «злонамеренный; завистливый; тот, кто желает другим зла» [303, 1, 372], а также «злобный, недоброжелатель, злоумышленник, злопамятный, враг» [295, 1, 130], в следующем стихе Бедиля употреблено в значении «недоброжелатель»:

Нарасидӣ шабе, к-аз он бадхоҳ,

Нанишастӣ чаҳон ба рӯзи сиёҳ. [т.3, 205]

Не было ночи, чтоб из-за того недоброжелателя

Весь мир не сидел в печали.

Анализируемая лексема в газелях и месневи Бедиля встречается редко, однако в рубаи поэта она пользуется большей употребительностью:

Бадхоҳони туро нишондаст қазо

Чун соя дар офтобу чун шуъла дар об. [т.2, 154]

Твоих недоброжелателей небосвод посадил,

Как тень на Солнце, как пламя в воде.

И наоборот, композит *качандеш* чаще употребляется в газелях поэта, а в рубаи вовсе не встречается. В «Словаре таджикского языка» приводятся два значения этого композита: «1. человек, неправильно думающий о ком-то, подозрительный; злонамеренный, мнительный, 2. пер. враг, недруг» [295, 1, 549]. Деххудо приводит следующее толкование этого сложного слова: «(тот), кто подозревает в злом умысле; ошибочно понимающий, неприятель, недруг; антоним к слову друг» [303, 2, 2247].

В следующем бейте оно употреблено в переносном значении:

Аз качандешон нишони мардумӣ чустан хатост,

Чаим кай дорад камон, ҳарчанд соҳибхона аст. [т.1 (п.ч.), 287]

Неправильно искать человечности в недруге,

Хотя лук является владельцем дома, у него

глаза отсутствуют.

Одним из композитов этой модели, характеризующимся общеупотребительностью, является *хомсӯз*. В «Словаре таджикского языка» данный композит интерпретируется как «поджаренный сверху, а внутри полусырой 2. недожаренный, полусырой, что-то подгоревшее снаружи и сырое внутри, наполовину сгоревшее, сырое» [295, 2, 489]. Деххудо изъясняет это сложное слово следующим образом: «что-то поджаренное сверху и сырое внутри; то, что обгорело снаружи от сильного огня, а внутри осталось сырым» [303, 1, 1075]. С. Айни приводит иносказательное значение этой лексемы, которое в других словарях не встречается: «человек, который выглядит зрелым, а на самом деле неискушённый» [285, 437].

Бедиль употребил это сложное слово в переносном значении, обозначающим обожженное сердце:

То кучо анҷомад, охир, мочарои доғи дил?

Бар кабоби хомсӯзам ахгаре часбидааст. [т.1 (п.ч.), 346]

Чем закончится ссора шрама сердца?

К недожаренному кебабу прилип раскаленный уголь.

Кабоби хомсӯзи оташи ҳасрат диле дорам,

Ки ҳар ҷо бенавое сӯхт, дудаи сар кашид ин ҷо. [т.1 (п.ч.), 42]

Сердце мое – недожаренный кебаб огня печали,

Везде, где сгорел неимущий, поднялся дым из моего сердца.

Вторая группа композитов: *гармҷӯш* (подвижный), *гармталош* (ретивый), *зарринсоз* (золотой инструмент), *куҳансоз* (старый инструмент, мир), *нампараст* (любитель влаги), *нампарвар* (взлелеянный влагой), *намхез* (взошедший от влаги), *сахтхиром* (идти грациозной походкой), *хираҷӯш* (дерзкий), *хушкбоф* (плод суши), *шиканоро* (кудри) и др., не встречается в известных нам толковых словарях.

Из этой группы композитов *гармҷӯш* имеет большую частотность и употреблен поэтом в восьми случаях. Анализируемый композит в поэзии

Бедиля употреблен как в положительном, так и отрицательном значении (неопытный человек, незрелый):

Бар лаби изҳори Бедил муҳри хомӯиист, лек

Синаи мо чун хуми май гармҷӯиш ё Раб аст. [т.1 (п.ч.), 204]

Закрывает рот Бедиля печатью молчания, однако

Наша грудь, как кувшин с бродящим вином, вторит: «О Боже!»

В следующем стихе композит *гармҷӯиш* употреблен в значении «близкий». Можно предположить, что слово образовано от словосочетания *гарм нигоҳ кардан* (смотреть с теплотой), *ба чаши гарм намудан* (казаться знакомым, близким):

Бо аҳли дувал зи гармҷӯшон нашавӣ,

То аз ҳаваси хом пушаймон нашавӣ. [т.2, 582]

Не будь близким к правителям,

Чтобы потом не раскаяться из-за пустых фантазий.

Композит *хомҷӯиш* – «человек неопытный, незрелый человек» [303, 1, 1075], в первом бейте вступает в антонимичные отношения со сложным словом *гармҷӯиш*, а во втором бейте является синонимом этой лексемы:

Дунё, ки фусуни ною нӯше будаст,

Ҳар вақт ба коми хомҷӯише будаст. [т.2, 302]

Мир – это чары музыки и веселья –

Всегда улыбается незрелым.

Говоря о семантических особенностях сложных слов, следует сказать, что композиты *сиёҳпӯиш* и *сабзпӯиш* являются противоположными по значению:

Зумуррадсириштест ин сабзпӯиш,

Ки дорад раги хуни ёқутҷӯиш. [т.3, 788]

Этот, одетый в зеленую одежду, имеет изумрудную натуру.

У него в кровеносных сосудах кипящий яхонт.

Кайфияти мӯ дошт гули шайбу шабобат,

Пеш аз кафан ин чилва сияҳпӯш баромад. [т.1 (п.ч.), 660]
 Цветы молодости и старости имели атрибут волоса,
 До савана этот внешний вид показался в черной одежде.

Композиты *покбин* и *хирабин* также являются антонимичными:

Покбинон аз хами доми уқубат эминанд,
Дар назарбозӣ намегирад асас оинаро. [т.1 (п.ч.), 23]
 Высоконравственные защищены от силка истязаний,
 Не задержит асас за любовный взгляд зеркало.

Биё, то дӣ кунем имрӯз фардои қиёматро,
Ки чаими хирабинон танг дид огуши раҳматро. [т.1 (п.ч.), 45]
 Давай завтрашний Судный день превратим в сегодня,
 Ибо глазам плохо видящего объятие милосердия кажется узким.

Модель «имя прилагательное + основа настоящего времени глагола» одноисходна и в основном производит прилагательные.

2.8. Модель «имя прилагательное + основа прошедшего времени глагола» малопродуктивна. По этой модели в поэзии Бедиля выявлено пять композитов: *намандуд* (покрытый влагой), *намолуд* (влажный), *нанголуд* (покрытый стыдом), *тунукбаст* (ограниченный) и *хушомад* (лесть).

Из этой группы лексических единиц композит *намандуд* встречается в двух случаях, а остальные – лишь один раз. Композит *намандуд* в «Лугатнаме» комментируется как «сырой, влажный, мокрый» [303, 2, 3038] и в этом значении употреблен Бедилем в рубаи:

Губораи ваҳшати оҳи гамандуд,
Саҳобаи мавҷи миҷғони намолуд. [т.3, 524]
 Пыль его – ужас вдоха, объят печалью,
 Его облако – волна ресниц влажных.

Композит *хушомад* в «Словаре таджикского языка» имеет следующее толкование: «слово, доставляющее кому-либо удовольствие и делающее его счастливым; неискренняя лесть, предвзятое определение, подхалимство»

[295, 2, 515], а в «Лугат-наме» интерпретируется как «подхалимство, лесть» [303, 1, 1185], и в этом значении он употреблен в поэзии Бедиля:

*Мадор, эй зшитрӯ, уммеди таҳсин аз сафокешон,
Ки асбоби хушомад хонаи оина кам дорад.* [т.1 (п.ч.), 537]
Не уповай, о некрасивый, на восхваление чистых людей,
В доме зеркала отсутствуют принадлежности подхалимства.

Данная модель является двуисходной и в большинстве случаев образует существительные, а иногда – прилагательные.

2.9. Модель «имя прилагательное + причастие» – эта модель относится к числу непродуктивных моделей словообразования. По этой модели в поэзии Абульмаони выявлено шесть композитов: *навруста* (свежий, молодой), *сафедгашта* (ставший белым, побелевший), *сернахӯрда* (ненасытившийся), *тиҳишуда* (пустой), *хамгашта* (согнутый) и *хамшуда*. По нашим исследованиям, из этого ряда композитов в поэтических текстах Бедиля большей употребительностью пользуется композит *хамгашта*:

*Қади хамгашта нишон медиҳад аз ваҳшати умр,
Бар дари хона аз он ҳалқа рикоб аст ин чо.* [т.1 (п.ч.), 3]
Согбенный стан свидетельствует об ужасах жизни,
На дверях дома от того кольца здесь (есть) стремя.

Композит *навруста* в словарях интерпретируется как «1. тип; 2. Пердитя, ребёнок, младенец» [295, 1, 822] и «то, что недавно произошло; молодое дерево; подросток; молодая трава; только что распутившийся; только что пробившийся; новый, свежий» [303, 2, 3060]. В поэзии Бедиля он использован в значении «только что пробившийся»:

*Аз баҳори он хати навруста гофил нестам,
Муддате шуд, дар димогам бӯи райҳон мерасад.* [т.1 (п.ч.), 680]
Я знаю весну пробивающегося пушка (у возлюбленной),
Ибо уже некоторое время слышу запах базилика.

Композиты *сафедгашта*, *сернахӯрда* и *тиҳишуда* в имеющихся словарях не зафиксированы. В приведенном ниже бейте сложное слово

сафедгашта используется в его первоначальном значении — «побелевшие волосы»:

*Бедил, шабгири умр бемаркаб шуд,
Аз мӯи сафедгашта рӯзат шаб шуд.* [т.2, 378]

Бедиль, рассвет жизни остался без осла,
От побелевших волос твой день превратился в ночь.

Сложное слово *сернахӯрда* означает «ненасытный, алчный»:

*Он сернахӯрдаро ба кас нон додан
Душвортар аст аз алами ҷон додан.* [т.2, 537]

Тому ненасытному дать кому-либо кусок хлеба
Тяжелее, чем отдать душу Богу.

Выражение *бо нафас насохтан*, первоначальным значением которого является «не жить», принадлежит перу самого Бедиля. Поэт сравнивает скудоумных людей с пузырьками воздуха, которые на поверхности воды не держатся дольше одного вдоха, то есть те, кто всегда находится в затруднительном положении. Здесь, на наш взгляд, это сложное слово использовано в мистическом значении.

Лексическая единица *тиҳишуда* относится к субстантивированным лексемам:

*Ҳубоб ними нафас бо нафас намесозад,
Зи худ тиҳишудагон бар худ ин қадар танганд.* [т.1 (п.ч.), 492]

Пузырь не может существовать более полувдоха,
Освободившимся от себя узко существование.

Материалы исследования показывают, что: 1) данная лексическая единица использована преимущественно в газелях и рубаи поэта; 2) в месневи Бедиля не наблюдается использования этой лексемы; 3) композит *хамгашта* употреблен с тремя определяемыми словами: *қад* (рост), *қомат* (стан), *пайкар* (фигура).

Таким образом, модель словообразования «имя прилагательное + причастие настоящего времени» является менее продуктивной, а ее

производными являются прилагательные. Некоторые слова могут быть субстантивированы и иметь признаки существительного.

2.10. Модель «местоимение + имя существительное» также относится к числу непродуктивных моделей словообразования [251, 142] и является одноисходной: образует только существительные. В поэзии Бедиля по этой модели выявлен только один композит – *худсар* (своенравный). Композит *худсар* относится к одним из популярных сложных слов таджикского языка и в «Словаре таджикского языка» означает: «человек, который действует без оглядки на мнение других, своенравный, самовластный» [295, 2, 501]. В «Лугат-наме» приводятся следующие значения этого сложного слова: «бесстрашный, дерзкий, смелый, бесстрашный, отважный; непокорный, своенравный; тот, кто никому не подчиняется; тот, кто работает на себя» [303, 1, 1178]. Толкования «Персидско-русского словаря» тождественны с толкованиями Деххудо [299, 1, 578].

В поэзии Бедиля эта лексема употребляется в следующем значении:

Худсар ба марг гардани даъвӣ фуруд кард,

Чун сар намонд, шамъ қабули сучуд кард. [т.1 (п.ч.), 568]

Своенравный склоняет голову перед смертью,

Как только не станет головы, свеча склоняется

в молитвенном поклоне.

По нашим наблюдениям, лексическая единица *худсар* чаще всего встречается в месневи поэта «Ирфан» (9 раз) и в его диване рубайи (5 раз).

Таким образом, словообразовательная модель «местоимение + имя существительное» является непродуктивной и двуисходной и образует в основном имя существительное, а иногда прилагательное

2.11. Модель «местоимение + основа настоящего времени глагола» является одной из основных моделей образования сложных слов, и, по нашим подсчетам, по этой модели произведено 14 композитов. Из местоименной части речи использованы только два местоимения – *худ* (сам, сама, само) (в 12-ти композитах) и *ҳама* (весь, вся, всё) (в 2-х

композициях). Из глагольных форм валентность проявляют глаголы *оростан*, *дидан*, *санчидан*, *доштан* и др. Например: *худбин* (эгоист), *худдор* (сдержанный), *худнамо* (выставляющий себя напоказ), *худоро* (щеголь), *худфурӯш* (хвастливый), *худшинос* (самопознающий), *ҳамадон* (всезнающий), *ҳамарас* (доступный; помогающий всем) и др.

Сложные слова *худбин* (с частотностью 10) *худру* и *худфурӯш* относятся к наиболее употребляемым композициям. Сложное слово *худбин* употреблено в известном в таджикском языке значении: «тот, кто заботится только о своих интересах» [295, 2, 500]; «самовлюбленный, эгоистичный, гордый, высокомерный» [303, 1, 1177]:

Бедил, чӣ сеҳркорист, к-ин зоҳидони худбин

Оина дар муқобил хандидаанд бар мо. [т.1 (п.ч.), 59]

Бедиль, что за чудо, что эти самовлюбленные аскеты,
Зеркало напротив смеется над нами.

Дил мусаффо кардаму гофил, ки дар базми ниёз

Соҳиби оина гаштан кори худбин будааст. [т.1 (п.ч.), 324]

Сделал сердце чистым, но не знал, что в пиршестве нужды
Обладателем зеркала может стать себялюбец.

Сложное слово *худру* также употреблено в значении: «то, что растет само по себе, дикорастущее» [295, 2, 501]; «... те виды растений, которые распространяются самосевом или порослью, самородоки» [303, 1, 1178]. Муин рассматривает только одно значение этого композита – «человек, не получивший образования и обучения» [307, 1, 1453]. В поэзии Абульмаони это сложное слово употреблено в значении «самородок»:

Худруи ҳайратем, зи нашъунамо мапурс,

Тухме фишонд шиқ, ки моро ниҳол кард. [т.1 (п.ч.), 615]

Мы самородки удивления, не спрашивай о развитии,
Наш саженец вырос из семян, посеянных любовью.

В следующем бейте названный композит, встречающийся в составе словосочетания *гули худрӯ* (дикорастущая роза), служит для метафоричного выражения и обозначает «мир, свет»:

Фиреби маҳфили ҳастӣ маҳӯр, ки ин гули худрӯ

Зи рангу бӯ ҳама дорад, магар вафо, ки надорад. [т.1 (п.ч.), 495]

Не поддавайся обману бытия, ибо эта дикорастущая роза

Имеет все виды красок и ароматов, кроме аромата верности.

Некоторые композиты этой модели, встречающиеся в поэзии Бедиля, не зафиксированы в толковых словарях. К этим композитам можно отнести композит *худгудоз* (самоотверженный, совершенствующийся) [т.1 (п.ч.), 481], *худсанҷ* (оценивающий себя) [т.2, 269], *хамарас* (достигающий всего) [т.1 (п.ч.), 29], которые характеризуются многозначностью.

Таким способом из различных глагольных словосочетаний, один из компонентов которых выражен местоимением, находящемся в подчинении, по модели «местоимение + основа настоящего времени глагола», образуются сложные слова, относящиеся к именам существительным и прилагательным.

2.12. Модель «местоимение + причастие» считается непродуктивной [251, 143], поскольку образует только один композит – *худкарда* (самочинное действие), встречающийся и в таджикской пословице *худкардаро даво нест, вовайлои пинҳонӣ* (сам себя вини, что посеял, то и жни). Данный композит только единожды встречается в месневи поэта «Ирфан» в значении, хорошо известном в таджикском языке:

Кори худкардаро талофӣ нест,

Чурми ҷаҳл аст ин, маофӣ нест. [т.3, 376]

Самочинное действие не имеет компенсации,

Это вина невежества, извинений нет.

Таким образом, модель «местоимение + причастие», как и модель «местоимение + имя существительное», является одной из непродуктивных словообразовательных форм сложных слов типа татпуруша.

2.13. Модель «основа прошедшего времени глагола + имя существительное» считается малопродуктивной моделью образования сложных слов типа татпуруша. По этой модели в исследуемом поэтическом материале произведено шесть композитов: *шикастбунёд* (разрушенно-воссозданный) [т.1 (п.ч.), 369], *шикастнаво* (склонный к поражениям) [т.3, 33], *шикастовоза* (ставший известным из-за поражений) [т.3, 475], *шикастомода* (готовый к поражениям) и др. Изучение данных композитов убеждает в том, что при образовании этой группы композитов проявляет валентность глагол *шикастан*.

Из этой группы сложных слов композит *шикастомода*, образованный из словосочетания *омодаи шикаст будан*, использован Бедилем в шести значениях:

Рангхо яксар шикастомодаанд,

Ин гулистон олами миногарист. [т.1 (п.ч.), 271]

Цветы полностью готовы к исчезновению,

Этот цветник – мир мозаики.

Ин тарабхое, ки эхроми умедаи бастай,

Чун тилисми ранги гул яксар шикастомодаанд. [т.1 (п.ч.), 603]

Эти радости, к которым питаешь надежду,

Как чары цвета розы, готовы к небытию.

Композиты *шикастоҳанг* и *шикасторо* в поэзии Бедиля имеют одинаковую частотность:

Муфлиси бедил аз чунин найранг

Ёфт сози нафас шикастоҳанг. [т.3, 149]

Бедный влюбленный от этого обмана

Почувствовал, как у него прерывается дыхание.

В следующем бейте сложное слово *шикасторо* в сочетании со словом *кулоҳ* означает «украшение ущерба»:

Шукӯҳи ноз меболад зи паҳлуи ниёз ин чо,

Кулоҳи ӯ шикасторост, то рангам шикан дорад. [Т.1 (п.ч.), 440]

Величие неги здесь происходит через нужду,

Шапка его – украшение ущерба, пока цвет мой имеет завиток.

По убеждению Бедиля, согласно закону диалектики общества, все в этом мире изменчиво, все склонно к исчезновению, и потому «цвет цветка» и «мелодия дыхания» в его поэзии не вечны.

2.14. Модель «причастие + имя существительное» также относится к малопродуктивным моделям словообразования, по этой модели созданы пять сложных слов типа татпуруша: *бохташарм* (проигравший стыд), *буридаумед* (отрезанная надежда), *ворастановак* (стрела взгляда возлюбленной) [Т.1 (п.ч.), 305] и др.:

Хатост чаим кушудан ба рӯи бохташарме,

Ки ҳар бараҳна, ки бинад, ба пешаш ояду хандад. [Т.1 (п.ч.), 633]

Неприемлемо смотреть в лицо человека, потерявшего стыд,

Каждый голый, который увидит, будет смеяться.

3-ин наво ҳасрати буридаумед

Чуз садои шикасти дил нашинд. [Т.3, 198]

Из этой мелодии тоска, потерявшая надежду,

Кроме звука разбитого сердца, ничего не услышала.

Данная модель является одноисходной и в основном производит прилагательные, однако в исследуемом материале в одном случае по этой модели произведено существительное *нохондамеҳмон* (незванный гость).

2.15. Модель «причастие + имя прилагательное» относится к числу непродуктивных моделей словосложения типа татпуруша. В поэтических текстах Бедиля согласно этой модели обнаружен только один композит - *ногаитанагун*, означающий «неперевернутый»:

Сари бесаҷда арақ баст ба пешони ман,

Маям аз шишаи ногаитанагун мерезад. [Т.1 (п.ч.), 469]

Голова не склонившаяся вспотела,

Вино льется у меня из неперевернутой бутылки.

Модель одноисходна и образует прилагательные.

2.16. Модель «причастие + основа настоящего времени глагола» также относится к непродуктивным моделям словообразования [см.: 251, 144]. В поэзии Бедиля по этой модели зафиксирован один композит – *гусастамарас* (потерявший власть над собой):

Ба эҳтиёт қадам зан, ки офиятталабон

Саги гусастамарас дидаанд дунёро. [т.1 (п.ч.), 115]

Ступай осторожно, ибо ищущие благополучия

Сравнивают мир с собакой, потерявшей поводок.

2.17. Модель «наречие + имя существительное». Эта модель является малопродуктивной и создает татпуруша типа кармадхарая [251, 166]. В поэтических текстах Бедиля нами были обнаружены композиты *осударафтор* (мирный), *пешино* (спотыкание), *сермаст* (сильно пьяный), среди которых лексическая единица *пешино* обладает большей частотностью и употреблена в значении, известном в таджикском языке.

Из анализируемых слов в «Лугат-наме» и «Персидско-русском словаре» зафиксирован только композит *пешино*. Деххудо представляет следующее толкование композита: «пол и ковер, расстеленный в прихожей и в комнате одновременно» [303, 1, 645]. В «Персидско-русском словаре» указанный композит комментируется как «ковер или циновка из камыша в прихожей (для очистки ног)» [299, 1, 329]. В южных диалектах таджикского языка анализируемое сложное слово употребляется в значении «подарок невесте» [291, 480], что близко к толкованию в персидских словарях, поскольку подарки обычно кладут перед ногами.

В поэзии Бедиля это сложное слово употреблено в значении, распространенном в таджикском языке – «пер.: отвергать что-либо, пренебрегать чем-либо, спотыкаться», а не в значении, приведенном в персидских словарях [см.: 285, 293]:

Касе, к-аз саркашиӣ роҳи тариқат сар кунад, Бедил,

*Хӯрад сад **нешно** чун мавҷ, то як гом бардорад.* [т.1 (п.ч.), 697]

Кто начинает путь тариката с неповиновения, Бедиль,

Сто раз спотыкается, как волна, прежде чем сделает

один шаг.

Таким образом, модель «наречие + имя существительное» является малопродуктивной, однако Бедиль по этой редкой модели смог создать сложные слова, отличающиеся уникальностью.

2.18. Модель «наречие + основа настоящего времени глагола» не относится к продуктивным моделям словообразования [251, 164]. В поэзии Бедилы по этой модели были выявлены всего девять композитов: *зернишин* (живущий в низине, побежденный), *осударав* (спокойно идущий), *ошuftагӯ* (возбужденно говорящий), *парешонтоз* (рассеянный), *рострав* (прямоидущий), *ростбин* (беспристрастный) и др. В образовании этого ряда композитов большей степенью валентности обладает наречие *рост* – *ростбин*, а из глагола *дидан* – *тезбин*.

Из названных композитов только *ростбин* и *тезбин* зафиксированы в «Словаре таджикского языка», «Лугат-наме» Деххудо и в «Персидско-русском словаре». Композит *ростбин* комментируется как «человек, правильно размышляющий о чем-либо, правдолюб» [295, 2, 145] и «1. антоним пер. значению смотрящий косо, недоверчивый, подозрительный; 2. (тот), кто видит истину, беспристрастный, справедливый; тот, кто смотрит на что-либо правдиво, непредвзято» [303, 1, 1330]. В поэзии Абульмаони это сложное слово используется во втором значении, объясненном Деххудо, и в значении, известном в таджикском языке:

*Назар **ростбин** шуд, нафас муътадил,*

Гухар дар гиреҳ баст таскини дил. [т.3, 729]

Взгляд стал беспристрастным, дыхание – нормальным,

Успокоение сердца завязало жемчуг в узел.

Композит *тезбин* со значением «зоркий, с хорошим зрением» [295, 2, 359]; «сложное прилагательное «зоркий, видящий далеко», иносказательно

– о точном, внимательном, проницательном человеке» [303, 1, 819], в поэзии Бедиля употреблен только в одном случае:

*Ба вазъи ҷаҳон на он, на ин мегиряд,
Ҳуше, ки фитод тезбин, мегиряд.* [т.2, 381]
Над состоянием мира не плачет ни этот, ни тот,
Плачет только проницательный рассудок.

Таким образом, анализ языкового материала показывает, что по модели «глагол + основа настоящего времени глагола» в основном образуются прилагательные, а иногда и имена существительные.

2.19. Модель «наречие + причастие» является продуктивной моделью словообразования и участвует в образовании композитов типа кармадхарая [см.: 251, 166]. В поэзии Бедиля по этой модели образован всего один композит – *дикунанда* (творец прошлого, имевший хорошее будущее):

*Имрӯзи ту дикунандаи фардохост,
Ҳарчанд ки фардои қиёмат бошад.* [т.2, 377]
Твое сегодня делает прошлым завтрашний день,
Даже если завтрашний день – судный.

Из сказанного можно заключить, что модель «наречие + причастие» непродуктивна, согласно ей образуются только имена существительные.

Таким образом, при образовании композитов типа татпуруша активно используются таджикские лексические единицы, которые образуют новые лексические единицы по различным моделям словообразования. Продуктивность в словообразовании таджикских лексических единиц, в том числе в поэзии Бедиля, обусловлена тем, что персидский язык в Индии развивался на основе персидского языка Мавераннахра.

В образовании этой группы сложных слов наибольшую степень продуктивности проявляют модели «**имя существительное + основа глагола настоящего времени**» (зафиксировано 849 композитов), «**имя существительное + имя существительное**» (обнаружено 180 композитов)

«имя существительное + причастие» (зафиксирован 101 композит), «имя прилагательное + имя существительное» (обнаружены 68 композитов). Модели «причастие + имя прилагательное», «наречие + причастие», «местоимение + причастие» и «местоимение + имя существительное» относятся к непродуктивным моделям, так как согласно им образовано всего по одному композиту.

Статистические показатели по композитам типа «таджикское слово + таджикское слово» приведены в таблице 1.

Таблица 1

№	Модели словообразования	Число продуктов в модели	Продукт модели	Структурно-семантические особенности			
				вар.	полисем.	син.	ант.
1	«имя существительное + имя существительное»	180	имя существительное; имя прилагательное	+	+		
2	«имя существительное + имя прилагательное»	17	имя существительное; имя прилагательное		+		
3	«имя существительное + основа глагола настоящего времени»	849	имя существительное; имя прилагательное	+	+	+	
4	«имя	43	имя		+		

	существительное + основа глагола прошедшего» времени		существительное; имя прилагательное; наречие				
5	«имя существительное + причастие»	101	имя существительное; имя прилагательное	+	+	+	
6	«имя прилагательное + имя существи- тельное»	68	имя прилагательное; имя существительное; наречие		+	+	
7	«имя прилага- тельное + основа глагола настоящего времени»	37	имя прилагательное	+	+	+	
8	«имя прилагательное + основа глагола прошедшего времени»	5	имя существительное; имя прилагательное		+		
9	«имя прилагательное + причастие»	6	имя прилагательное		+		
10	«местоимение + имя существи- тельное»	1	имя существительное; имя прилагательное				

11	«местоимение + основа глагола настоящего времени»	14	имя существительное; имя прилагательное		+		
12	«местоимение + причастие»	1	имя прилагательное				
13	«основа глагола прошедшего вре- мени + имя су- ществительное»	6	имя существительное		+		
14	«причастие + имя существи- тельное»	4	имя прилагательное				
15	причастие + имя прилагательное	1	имя прилагательное				
16	«причастие + основа глагола настоящего времени»	1	имя прилагательное				
17	«наречие + имя существительное»	5	имя существительное; имя прилагательное				
18	«наречие + основа глагола настоящего времени»	9	имя прилагательное; имя существительное				
19	«наречие + причастие»	1	имя существительное				
	Итого:	1349					

ТРЕТЬЯ ГЛАВА

КОМПОЗИТЫ ТАТПУРУША С ТАДЖИКСКИМИ И ЗАИМСТВОВАНЫМИ КОМПОНЕНТАМИ

Анализ языкового материала показал, что в поэзии Бедиля большая группа сложных слов образована на основе сочетания двух словообразовательных компонентов, принадлежащих к разным языкам. В большинстве сложных слов этой группы словообразовательную основу составляют исконно таджикские лексические единицы, поэтому в ходе исследования внимание направлено на словообразовательный потенциал таджикских слов.

В поэзии Бедиля сложные слова с компонентами, выраженными таджикскими лексемами и заимствованиями, можно разделить на две группы:

3.1. Композиты с одним таджикским и одним заимствованным компонентом.

3.2. Композиты с двумя заимствованными компонентами

3.1. Татпуруша с одним таджикским и одним заимствованным компонентом. В данном виде сложных слов главный член в основном представлен таджикской лексемой и подчиняет себе различные зависимые слова, в том числе арабские, индийские, греческие. Однако в некоторых из этих композитов, наоборот, таджикская лексема находится в постпозиции и подчиняется заимствованным словам, в частности арабским, индийским и греческим. Эту группу композитов можно разделить на следующие подгруппы.

3.1.1. Татпуруша типа «арабское слово + таджикское слово»

Сложные слова типа «арабское слово + таджикское слово» относятся к продуктивным моделям словообразования типа татпуруша. К ним относятся *абчадншош* (изучающий алфавит), *аввалгом* (первый шаг), *авчншош* (сановник), *адабншош* (воспитанный), *адабхез* (имеющий признаки вежливости), *адампиро* (украшающий небытие), *аёрафзо*

(совершенствующий суть), *айбпӯш* (скрывающий пороки), *айбҷӯ* (придирчивый), *ақрабгазида* (ужаленный скорпионом), *алҳамдхон* (читающий суру «аль-Хамд»), *балоафзун* (злополучный), *қавимуҳра* (исполин) и др.:

*Лаби ҷомҳо ҷумла алҳамдхон,
Суроҳӣ ҳамон қулҳуваллаҳбаён.* [т.3, 694]
Края бокалов читают «аль-Хамд»,
Графин декламирует «Кулху валлоху».

*Гарди ин арса шаиҷиҳаттоз аст,
Дуди ин хона арзпарвоз аст.* [т.3, 165]
Пыль этой арены разлетается во все стороны,
Дым от этого дома плывет над землей.

*Гар лола ранги раз шуду гул гаит атрбез,
Оинадори анҷумани рангу бӯ нашуд.* [т.1 (п.ч.), 630]
Даже если тюльпан стал красным (как роза),
а цветок стал ароматным,
Они не отражают великолепия мира.

По нашим подсчетам, по этой модели произведено 1434 композита типа татпуруша, в то время как по типу «таджикское слово + арабское слово» произведено более трёхсот сложных слов. Из этого можно заключить, что таджикские лексемы обладают большим потенциалом словообразования и, подчинив себе большое количество арабских слов, образуют композиты типа татпуруша. По принадлежности компонентов к лексико-грамматическим группам слов их можно подразделить на следующие подгруппы:

1. Модель «имя существительное + имя существительное» принадлежит к продуктивным моделям словосложения типа татпуруша [см.: 251, 97]. Продуктивность данной модели обусловлена двумя факторами: 1)

существительные как самостоятельная лексико-грамматическая группа слов обладают потенциалом подчинения лексических единиц; 2) из арабского языка преимущественно были заимствованы имена существительные. Так, в поэзии Бедиля были выявлены 304 композита, созданные по этой модели.

Ряд композитов модели «имя существительное + имя существительное» сложился в результате выпадения изафета: *қатрахун*, *қатраашк* (слёзная капля), *анҷомкор* (конец работы), *соҳибафсар* (венценосец), *соҳиббистар* (обладающий постелью), *соҳибгараз* (пристрастный), *соҳибдил* (чистый сердцем), *соҳибзабон* (владеющий языком), *соҳибпар* (имеющий крылья), *соҳибреша* (имеющий корни), *соҳибсухан* (красноречивый) и др.

Одним из компонентов словосложения, принимающим активное участие в образовании других композитов, является таджикская лексическая единица *моя* (основа, сущность), посредством которой были образованы 13 сложных слов типа татпуруша: например, такие как *адаммоя* (неимущий), *асармоя* (источник воздействия), *вадиатмоя* (лицо, которому вверены вклады), *ганомоя* (богатый), *офатмоя* (основа неприятностей) и др.:

Саводи фақр асармоѝ сафоѝ дил аст,

Чу субҳ пок намо чеҳрае ба домани шаб. [т.1 (п.ч.), 178]

Чернота нищеты есть основа чистоты сердца,

Как утро, очисти лик подолом ночи.

Самыми распространенными композитами данной модели являются *гамхона* (дом печали), *ибратоҳанг* (назидательный), *мурувватдушман* (великодушный враг), *офиятоҳанг* (стремящийся к благополучию), *тагофулхона* (дом беспечности), *тамошоҳона* (дом представлений), *тарабсаро* (увеселительный дом), *хилватсаро* (уединенное место), *хилватхона* (уединенное место) и др.

Композит *гамхона*, комментируемый в словарях как «дом печали, обитель скорби, место скорби» [295, 2, 647]; «дом, где носят траур

(оплакивают покойника): пер.: мир, свет» [303, 2, 2065], также образован способом перевёртыша и в поэзии Бедиля встречается в следующих значениях:

а) в прямом значении – «дом печали»:

*Ки дар гамхонаи ин базми пуришӯр
Ҳазар кун аз фусуни тору танбӯр.* [т.3, 472]
В доме печали этого шумного пира
Остерегайся чар тара и танбура.

*Дар ин гамхонаи кулфатсаранҷом,
Насиби мо нашуд як доғ ором.* [т.3, 475]
В этом доме печали, конец которого трагичен,
Нам не суждено было достичь спокойствия.

б) в иносказательном о печали в сердце:

*Як шарар ранги вафо аз ҳеч дил равшан нашуд,
Шамъ хомӯш аст ин гамхонаҳои тангро.* [т.1 (п.ч.), 104]
Нет ни у кого в сердце в этом мире искры верности,
В этом тесном доме печали потухла свеча.

Сложное слово *ибратоҳанг*, образованное от исходной единицы *оҳанги ибрат*, также имеет высокую частотность, однако в словарях оно не зафиксировано [285; 295; 296; 301; 303; 305; 306; 307]:

*Ранги ин боғам, зи сози ибратоҳангам мапурс,
Ҳар ки аз худ меравад, бар ман қиёмат мешавад.* [т.1 (п.ч.), 508]
Я цвет этого сада, не спрашивай меня о назидании,
Уход каждого от себя – для меня судный день.

*Ҳайрате з-ин таронааш болид.
Ибратоҳанги имтиҳон гардид.* [т.3, 272]
От этой песни возникло удивление,
Стало назиданием для дня испытания.

Бедилю присуще выражение сложных понятий посредством одной лексической единицы, чем и обусловлено преимущественное употребление в его поэзии сложных слов, являющихся плодом воображения самого поэта. К таким лексическим единицам относится и сложное слово *муруватдушман*, исходной единицей для которого является словосочетание *душмани мурувват* [285; 295; 296; 301; 303; 305; 306; 307]. Названный композит в поэзии Бедилия встречается в трех бейтах, в частности в следующем бейте:

*Оҳ аз ин ҷилвафурӯшони мурувватдушман,
К-аз тагофул чӣ қадар оина оҳан карданд. [Т.1 (п.ч.), 554]*
Охаю от кокетства этих врагов великодушия,
Которые от притворного незнания превратили
зеркало в железо.

Сложные слова *тамошохона* и *тарабсаро* находились в обращении в таджикском языке с древних времен, в частности эти композиты можно встретить в следующих бейтах Хафиза:

*Ҳалқаи зулфаи тамошохонаи боди сабост,
Ҷони сад соҳибдил он ҷо бастаи мӯ бубин. [12, 337]*
Завиток локона - место зрелища утреннего ветерка,
Посмотри, там одним волоском связаны души
сотни мудрецов.

*Тарабсарои муҳаббат кунун шавад маъмур,
Ки тоқи абрӯи ёри манаи муҳандис шуд. [12, 141]*
Увеселительный дом любви станет благоустроенным,
Ибо арка бровей моей возлюбленной стала инженером.

В «Словаре таджикского языка» эти лексемы трактуются как «помещение для показа представлений, место зрелища» [295, 2, 317] и «место для прогулки, место гулянья» [295, 2, 327]. В «Лугат-наме» приводится следующее толкование: «тамошохона — помещение для показа

представлений, место зрелища; место, построенное для театра» [303, 1, 778], «увеселительное заведение» [303, 2, 1938]. Помимо указанных значений, анализируемые слова употребляются и в значении «мир, дом бытия»:

Чӣ найранг аст сомони тамошохонаи ҳастӣ?

Мижга бар хеи во кардам, ҷаҳоне гаит ҳайронат. [т.1 (п.ч.), 259]

Что за чародейство в спокойствии увеселительного
дома бытия?

Бросив взгляд на себя, весь мир застыл в удивлении.

Оиёнсози тамошохонаи берангием,

Шабнами моро ҳамон табъи ҳаво занҷири пост. [т.1 (п.ч.), 222]

Мы строим жилище в увеселительном доме бесцветности,
Оковами для ног нашей росы является страсть.

Активным словообразовательным компонентом является многозначное исконно таджикское слово *моя* – «основа, источник, причина, суть, сущность», различные значения которого представлены в таких словарях, как «Словарь таджикского языка», «Лугат-наме» и «Словарь персидского языка» [295, 1, 703; 303, 2, 2567; 307, 3, 3746-3747]. С использованием этого компонента образованы 13 сложных слов типа татпуруша: *адаммоя, асармоя, вадиятмоя, ганомоя, мададмоя, нафасмоя, офатмоя, тарабмоя, тасарруфмоя, таҳайюрмоя, ҳавасмоя, ҷунунмоя*, которые нам не удалось найти в имеющихся словарях. На наш взгляд, основное значение лексемы – «основа» – привело к образованию новых лексических единиц:

Саводи фақр асармояи сафои дил аст,

Чу субҳ пок намо чехрае ба домани шаб. [т.1 (п.ч.), 178]

Чернота нищеты есть основа чистоты сердца,
Как утро, очисти лик подолом ночи.

Як қалам чун тухми аиқи шамъ офатмояем,

Кишти мо чандон ки сероб аст, ҳосил отаиш аст. [т.1 (п.ч.), 185]

Как семена слезы свечи, являемся источником бед,
Наш посев до того богат водой, что урожай его – огонь.

*Чаими бедор **тарабмояи** сомони гул аст,*

Дар назар обат агар сӯхт, чарогони гул аст. [т.1 (п.ч.), 249]

Открытые очи получают наслаждение от бытия цветка,
В горении воды они видят иллюминацию цветка.

*Доги таҳайюрам, ки **нафасмояҳои** ваҳм*

3-ин чорсӯ умеди иқомат харидаанд. [т.1 (п.ч.), 436]

Я удивлен, что дыхание воображения

Хочет купить себе жилище на этом перепутье.

Из этой группы слов в поэзии Бедиля широко используется сложное слово *нафасмоя*, употребление которого можно наблюдать как в месневи «Мухити а'зам» и «Ирфан», так и в газелях и рубаи поэта.

Среди сложных слов, образованных от основы *соҳиб*, композиты *соҳибафсар*, *соҳибгараз*, *соҳибдил*, *соҳибсухан*, *соҳибхона* характеризуются многоупотребительностью в таджикском языке и встречаются в словарях [см.: 295, 2, 265-267; 303, 2, 1182-1184]. Из приведенной выше группы слов наиболее частотным является композит *соҳибдил*, по аналогии с которым поэт образовал такие сложные слова, как *соҳиббистар*, *соҳибгиреҳ*, *соҳибпар*, *соҳибреша*, *соҳибталош*, *соҳибчигар*, исходной единицей для которых является изафетное словосочетание. Примерами употребления поэтом указанных композитов являются следующие бейты:

Шӯри ишқат он қадар роҳатфурӯи афтадааст,

*К-аз тапиш то нолаи бемор **соҳиббистар** аст.* [т.1 (п.ч.), 381]

Смятение твоей любви до того приятно,

От трепетанья до стонов лежачего больного.

*Сахтши дил ноларо санги раҳи озодагист,
Ришта, то соҳибгиреҳ бошад, раҳаи ҳамвор нест.* [т.1 (п.ч.), 226]
Суровость сердца – преграда дороги стона,
Если на нити есть узел, то её дорога неровная.

*Танпарастон ҳам муқими оиёни маънианд,
Мург агар дар тангнои байза соҳибпар шавад.* [т.1 (п.ч.), 691]
Изнеженные заселятся в гнездо смысла,
Если птица в теснине яйца займет перья.

*Улфати тан боиси фикри парешони дил аст,
Дона соҳибреша аз омезиши обу гил аст.* [т.1 (п.ч.), 193]
Из-за привязанности тела у сердца рассеянные мысли,
Основа корня зерна есть сочетание воды и земли.

Употребление композита *соҳибталои* наблюдается в месневи «Тури ма’рифат»:

*Чу най фарёд мехезад зи ҳар чоҳ,
Ки эй соҳибталои мансабу чоҳ.* [т.3, 568]
Из каждого колодца слышен крик, как крик тростника,
От ищущих должности и высокого ранга.

Композит *соҳибцигар* в значении «благородный, отважный» обнаружен в месневи «Тилисми хайрат» и «Мухити а’зам»:

*Ба имдоди Хирад соҳибцигар шуд,
Чу ҳиммат чавҳари теги зафар шуд.* [т.3, 469]
Когда благородство стало отливом меча победы,
При помощи ума стал обладателем отваги.

*Ба ранги далерони соҳибцигар
Зи захмаш дамад обрӯ гулбасар.* [т.3, 705]
Наподобие отважных витязей,

От ранения приобретает авторитет и почет.

Изучение материалов исследования показывает, что Бедиль в процессе образования новых композитов создает синонимичные и антонимичные композиты.

1.1. Синонимия сложных слов. Абульмаони достигает семантического тождества композитов двумя способами:

1. В результате замены первого компонента композита, например: *аламхона* – *гамхона* – *мотамхона* (дом, где много печали, скорби); *саломатхона* – *саfoxона*; *халоватхона* (дом, где получают наслаждение); *тарабдушман* – *рохатдушман* (радостный враг) и др.

Композит *аламхона* в имеющихся словарях нами не выявлен [285; 295; 296; 301; 303; 305; 306; 307], однако сложное слово *гамхона* в ряде словарей комментируется как «дом печали, обитель скорби, место печали» [295, 2, 647]; «траурный дом, дом, где проводятся похороны; дом печали; там где печаль; перен. мир» [303, 2, 2065]. Хотя композит *мотамхона* в словарях [285; 295; 296; 301; 303; 305; 306; 307] не встречается, однако находится в речевом обращении в указанном выше значении.

Композит *аламхона* обнаружен нами в одном бейте месневи «Мухити а'зам»:

Ба он улфатобод, то сар кашид,

Тарабгоҳи дилро аламхона дид. [т.3, 734]

Когда он достиг края привязанности, то

Увидел, что увеселительное заведение сердца

превратилось в дом скорби.

Композит *гамхона*, по нашим подсчетам, употреблен поэтом в пяти случаях, в частности в газелях, в месневи («Тилисми хайрат», «Мухити а'зам») и в рубаи как в прямом, так и в переносном значении:

Ки дар гамхонаи ин базми нушӯр

Ҳазар кун аз фусуни тору танбӯр. [т.3, 472]

В доме скорби этого шумного пира

Берегись чар тара и танбура.

Композиты *саломатхона* и *саfoxона*, употребленные поэтом в значении «обиталище», в имеющихся толковых словарях [285; 295; 296; 301; 303; 305; 306; 307] не зафиксированы и могут быть творениями поэта. Синонимичные отношения этих слов обеспечиваются первыми компонентами – *саломат* и *сафо*:

Расид овозаи фавчи фазоил

Ба бунгоҳи саломатхонаи Дил. [т.3, 464]

Достигла слава множественности добродетелей

В обиталище дома благополучия сердца.

Ку диле, к-аз ҳавас ороиши дӯконаи нест?

Дар саfoxонаи ҳар оина бозоре ҳаст. [т.1 (п.ч.), 237]

Где сердце, украшением дукана которого не являются страсти?

В обиталище чистоты каждого зеркала есть базар.

2. В результате замены второго компонента сложного слова: *хилватсаро* – *хилватхона*; *маъниогоҳ* – *маъниошно* (знающий суть); *туфонсаро* – *туфонхона* (место мятежа); *ишратбино* – *ишратхона* (увеселительное заведение, место для развлечений); *мотамсаро* – *мотамхона* (дом, где носят траур, оплакивают покойника); *сайрорзу* – *сайроҳанг* (мечтающий о гулянии).

Частотность композитов *ишратбино* и *ишратхона* одинакова, поскольку оба композита употреблены Бедилем дважды. Композит *ишратбино* в словарях комментируется как «место увеселения» [295, 1, 516]. Сложное слово *ишратбино* не встречается в словарях и, вероятно, создано поэтом по аналогии с первым сложным словом. Примерами употребления указанных композитов являются следующие бейты:

Олами эҷод ишратхонаи ҷуззу кул аст,

Дар баҳори ранг ҳар ҷо чаим во гардад, гул аст. [т.1 (п.ч.), 345]

Мир творения есть дом увеселения единичного

и множественного,

В весне цвета, где бы ни открылись очи, увидишь цветы.

Чу оина шишатбинои хузур,

Чу фирдавс мехмонсарои сурур. [т.3, 700]

Как зеркало, увеселительное заведение присутствия,

Как рай, гостевая комната радости.

Сопоставительный анализ синонимичных композитов *мотамсаро* и *мотамхона* показал, что лексема *мотамсаро* находится в речевом обращении в таджикском языке с древних времен и зафиксирована в словарях в значении «дом, где носят траур [295, 1, 702], дом, где оплакивают покойника; чтение суры «Фатиха» [303, 2, 2541], однако композит *мотамхона* в имеющихся словарях не зафиксирован. В газелях Бедиля композит *мотамсаро* встречается в четырех бейтах, а *мотамхона* — только в одном бейте. В первом бейте изафетное словосочетание *мотамсарои эътибор* использовано в значении «мир, свет, вселенная»:

Вақти ринде хуш, ки дар мотамсарои эътибор,

Хирмани ҳастӣ чу барқ аз хандаи мастона сӯхт. [т.1 (п.ч.), 408]

Радостен тот гуляка, который в доме печали достоинства

С пьяным смехом, как молния, сожжет стог бытия.

Оҳ аз он мағрури бедарде, к-аз ин мотамсаро

Ҳамчу ашки дидаи бенам тагофулкеш рафт. [т.1 (п.ч.), 326]

Слава тому беспечальному, который из этого дома печали

Беспечно ушел, как слеза из сухих глаз.

Гар мисоле парда бардорад зи бахти тираам.

Саҳфаи оина мотамхонаи чавҳар шавад. [т.1 (п.ч.), 695]

Если кто-то поднимет занавес моей несчастливой судьбы,

То гладь зеркала превратится в дом печали сущности.

В имеющихся словарях лексемы *туфонхона* и *туфонсаро*, встречающиеся в следующем бейте и проявляющие синонимичность, также нами не выявлены и, несомненно, являются творениями самого поэта:

*Ба туфонхонаи хуриед зулмат раҳ намеёбад,
Зи ҳастӣ то гусастан нест, натвон баст эҳромат.*
[Т.1 (п.ч.), 316]

В дом бури Солнца не проникнет мрак,
Пока нет разрыва с бытием, невозможно надеть ихрам.

*Дар ин туфонсарои боришасбоб
Ба ҳадде бурдааст андешаро об.* [Т.3, 549]
В этом сарае бури, основанной на осадках,
Все размышления унесла вода.

В поэзии Бедиля можно также встретить композиты с разными основами, которые также проявляют синонимичность, к примеру *мактабсаро* и *дарсхона*. В таджикском языке композит *дарсхона* пользуется широкой употребительностью и в словарях комментируется как «школа, медресе». [295, 1, 335; 303, 2, 1266], однако сложное слово *мактабсаро* в словарях нами не выявлено. Исходной единицей для обеих лексических единиц является выражение «*ҷое, ки дарс гузаронида мешавад*» (место, где проводится урок):

*Ки дар ин дарсхонаи такмил
Пеш рафтааст фурсат аз таъҷил.* [Т.3, 105]
В этом классе совершенства
Миг опережает срочность.

*Дар ин мактабсаро гар матлабе ҳаст,
Варақгардони рӯзу шабе ҳаст.* [Т.3, 411]
Если в этой школе (классе) есть какая-либо цель,
То это перелистывание дня и ночи.

Изучение и анализ поэтических текстов Бедиля показывает, что композиты типа «**арабское слово + таджикское слово**» могут вступать в синонимичные отношения со сложными словами другой модели, такими как «**арабское слово + арабское слово**». К примеру, этой особенностью обладают композиты *мачнунсиришит* (безумно влюбленный) и *мачнунтинат* (безумно влюбленный):

*Аз губори кисват озоданд мачнунтинатон,
 Ғайри тавқи қумрӣ ин чо як гиребон ҳола нест.* [т.1 (п.ч.), 304]
 Люди с природой Меджнуна свободны от пыли одежды,
 Кроме ожерелья горлинки, здесь больше нет ореола.

*Донаи мачнунсиришти мазраи расвоиям,
 Решаам гул кардани чоки гиребони дил аст.* [т.1 (п.ч.), 221]
 Я семя сумасшествия этой нивы бесчестия,
 Корень мой выражается в цветении воротника сердца.

Хотя синонимии сложных слов ученые уделяли меньше внимания [см.: 163, 105], анализ материалов поэзии Бедиля показывает, что, во-первых, поэту удалось создать новые синонимичные пары слов, во-вторых, умело использовать уже готовые языковые единицы во избежание повторов.

1.2. Антонимия сложных слов. Композиты *вафодушман* – *вафодӯст* (преданный враг – преданный друг); *саҳвкор* – *сеҳркор* (работающий с ошибками, опрометчивый – совершающий чудеса, чудотворец); *мурувватдушман* – *мурувватошно* (великодушный враг – великодушный друг); *тарабдушман* – *тарабдӯст* (преданный враг – преданный друг); *ҳаловатхона* – *улфатхона* (дом наслаждений – дом, где встречаются с друзьями) и др. находятся в антонимичных отношениях. Материалы исследования свидетельствуют о том, что:

1. Антонимия композитов проявляется в результате замены первого компонента. Например: *саҳвкор* (работающий с ошибками, опрометчивый) [т.3, 676] – *сеҳркор* (совершающий чудеса, чудотворец) [т.3, 296] и др.

2. Композиты становятся антонимами в результате замены второго компонента. Е.А. Василевская считает, что в процессе словообразования антонимичные пары сложных слов образуются в основном в результате замены первого компонента [см.: 163, 104], однако языковой материал классической литературы, в особенности поэзии Бедиля, убеждает, что антонимичные пары также образуются в результате замены второй части сложных слов. В частности, в антонимичных парах *вафодушман* – *вафодӯст*; *мурувватдушман* – *мурувватошно*; *тарабдушман* – *тарабдӯст* и др. первый компонент сложного слова остался неизменным, а второй компонент (*душман* – *дӯст*, *ошно*) заменен. В результате лексические единицы приобретают антонимичность.

Композиты *вафодушман* и *вафодӯст*, нашедшие употребление в месневи «Мухити а'зам» и «Тури ма'рифат», в толковых словарях [285; 295; 296; 301; 303; 305; 306; 307] не встречаются. К примеру:

Агар дар шикастан вафодушманӣ,

Ба мардӣ чаро тавбаро нашканӣ. [т.3, 680]

Если в поражении ты враг верности,

Почему не нарушаешь клятву, проявляя мужество?

Рафиқони адабсанци вафодӯст,

Ба ранги бӯи гул як мағзу сад нӯст. [т.3, 577]

Любящие верность вежливые друзья

Наподобие запаха розы, как одно ядро и сто кожурок.

Для сложных слов *мурувватошно* – *мурувватдушман* и *тарабдушман* – *тарабдӯст* исходной единицей являются изафетные словосочетания, преобразованные в сложные слова способом перевёртыша. Указанные композиты в толковых словарях [285; 295; 296; 301; 303; 305; 306; 307] не зафиксированы. Частотность лексемы *мурувватдушман* выше по сравнению с другими анализируемыми композитами, и она употреблена поэтом в трех

случаях – в газели, в месневи «Ирфан» и в рубаи поэта. Другие сложные слова встречаются только в одном случае:

*Ба табъи хокиён ранги вафо нест,
Мизочи дун мурувватоино нест.* [т.3, 456]

В природе созданных из праха нет цвета верности,
Низкий темперамент незнаком с великодушием.

*Оҳ аз ин чилвафурӯшони мурувватдушман,
К-аз тагофул чӣ қадар оина оҳан карданд.* [т.1 (п.ч.), 554]

Горе от этих показных людей - врагов великодушия,
Из-за незнания сколько зеркал они превратили в железо.

*Май нӯш, ки ҳосиди тарабдушмани ту
Аз дидаи халқ рафт ҳамчун рамазон.* [т.2, 160]

Пей вино, ибо твой завистник – враг радости,
Как месяц рамазан, ушел он с глаз народа.

*Бар тарабдӯстон чу файзи баҳор
Гар ҳама ранг дошт, кард исор.* [т.3, 124]

Как щедрость весны, любителям веселья
Преподнес все цвета, которые имел.

1.3. Классификация композитов по степени употребления. По степени употребления сложные слова можно подразделить на следующие подгруппы:

- 1) распространенные композиты;
 - 2) композиты, вышедшие из употребления или архаичные.
- Этот тип композитов также можно разделить на два вида:
- а) композиты в которых первый компонент является архаизмом;
 - б) композиты со вторым архаичным компонентом.

Наблюдения показывают, что в модели композитов «**арабское слово + таджикское слово**» во многих композитах первый компонент, то есть арабское слово, является архаичным, например *вадиатхона* (залоговый дом), *васотатнома* (письмо посредника), *воҳидиятнаво* (думающий о единении), *канносхона* (комната мусорщиков), *муовадатоҳанг* (лицо, которому вверены вклады), *муҳаррафноз* (изменчивый каприз), *таайюнсаро* (мир) и др.

В сложном слове *вадиатхона* архаичен первый компонент – *вадиат*. В «Словаре таджикского языка» это сложное слово встречается в двух формах: *вадиа / вадиат* в значении «что-либо, сданное на временное хранение» [см.: 295, 1, 221]. В «Лугат-наме» и в «Персидском словаре» также приводится это значение слова. Из толкования Деххудо и Муина явствует, что слово *вадиа / вадиат* является множественным числом слова *вадоеъ* [303, 2, 3124; 307, 4, 4994], из чего следует, что исходной единицей для этого слова также является словосочетание *хонаи вадиат*. Композит *вадиатхона* встречается дважды:

Бедимоғӣ нақди имконро вадиатхонаест,

Муҳри ҳар ганҷе, ки хоҳӣ, бар дили тангам гузор. [т.1 (п.ч.), 773]

Хандра – комната для сбережения наличных возможностей,

Печать любой сокровищницы, если хочешь, ставь на мое

печальное сердце.

По этой модели с компонентом *хона* образовано сложное слово *канносхона*, первый компонент которого – *каннос* – является архаичным, в словарях он комментируется как «1. сборщик мусора, подметальщик, дворник, уборщик; 2. пер. палач» [295, 1, 538]. Это сложное слово употреблено поэтом один раз в месневи «Ирфан»:

З-он чароғи хамӯши тиралаган

Шамъи канносхона шуд равшан. [т.3, 371]

Сияние свечи в комнате мусорщиков

От потухшей лампы подсвечника.

В составе сложного слова *васотатнома*, комментируемого в «Словаре таджикского языка» как «посредничество, сватовство» [295, 1, 227], арабское слово *васотат* относится к архаичным словам. Названный композит, исходной единицей для которого является словосочетание *номаи васотат*, употреблен поэтом один раз в тексте месневи «Тилисми хайрат»:

Ғизо ҳар гаҳ ба васли ҷисм пайваст,

Васотатномаи ӯ дошт дар даст. [т.3, 441]

Пища всегда, когда соединяется с телом,

Имеет в руках его письмо о посредничестве.

В целом в сложных словах из поэмы Бедиля встречаются компоненты, выраженные арабизмами, вышедшими из употребления и придающими сложному слову архаичный оттенок. Эти слова являются плодом воображения поэта и не встречаются в толковых словарях.

Таким образом, сложные слова типа «**арабское слово + таджикское слово**» модели «имя существительное + имя существительное» относятся к наиболее продуктивным словообразовательным формам, и по этой модели в поэзии Бедиля нами обнаружено более 300 лексических единиц. Исходной единицей для сложных слов являются словосочетания, в особенности изафетные словосочетания, и создаются они двумя способами: выпадение изафета или перевёртыш. Модель является двуисходной и образует имена существительные и прилагательные.

2. Модель «имя существительное + имя прилагательное». Изучение поэтических текстов Бедиля показывает, что данная модель, в отличие от указанной выше, не является продуктивной. Так, в поэзии Бедиля выявлено более 20 сложных слов, созданных по этой модели. Из прилагательных таджикского языка большей валентностью обладают лексические единицы *фарсуда* (обветшалый), *овора* (скиталец), *ташина* (жаждущий), *бегона* (незнакомый), *обод* (благоустроенный), которые, подчиняя арабские слова, создают новые композиты: *чафофарсуда* (страдающий от мук), *аламфарсуда* (страдающий от горя), *амалфарсуда* (выбившийся из сил),

яьсфарсуда (впавший в отчаяние), *хаёбегона* (бесстыдный), *хаёловора* (занятый мыслями), *хавасовора* (увлеченный), *ватановора* (чужеземец) и др.

Изучение особенностей способов образования композитов показывает, что сложные слова этого подвида образуются двумя способами:

1. По закону аналогии (сравнение, подражание). Например, *амалобод* (мир), *тахайюробод* (процветающий от удивления), *тачаллиобод* (процветающий от блеска), *касратобод* (процветающий от обилия) и др.

Сложное слово *меҳнатобод* интерпретировано в словарях как «место страданий, место страданий и невзгод» [295, 1, 684] и «место работы, тяжелой работы; пер. мир, место» [303, 2, 2630]. В поэзии Бедиля это слово употреблено в переносном значении:

Ишқ заъфе дошт, то шуд бо мизочам ошно,

Сел шабнам буд, то дар меҳнатободам расид. [т.1 (п.ч.), 577]

В процессе знакомства с моим темпераментом любовь ослабла,

Сель, пока дошел до моего жилья, превратился в росу.

На наш взгляд, лексические единицы *амалобод* (место действия), *тахайюробод* (место изумления), *тачаллиобод* (место сияния), *касратобод* (множественность) созданы самим поэтом по этой словообразовательной модели и по аналогии с композитом *меҳнатобод*, поскольку в толковых словарях [285; 295; 296; 301; 303; 305; 306; 307] указанные лексеммы не зафиксированы:

Зиндагонӣ фиреби беҳабарист,

Амалободи ваҳми хирасарист. [т.3, 343]

Жизнь – это обман невежества,

Место действия своенравного воображения.

Касратободи ҷаҳон ҷӯши гули якрангист,

Пардаи чаими галатбини ту маҳҷуби хатост. [т.1 (п.ч.), 366]

Множественность мира – это кипение цветка единства,

Занавес твоего неправильного ока покрывает ошибку.

Кунун, ки муждаи дидор шавқбунёд аст,

Ба ҳар тараф равадам дил, таҷаллиобод аст. [т.1 (п.ч.), 369]

Теперь, когда радостная весть о встрече возбуждает желание,

Куда бы не пошло, сердце везде видит сияние.

2. В результате преобразования словосочетаний в сложные слова по типу связи «управление»: *чаффарсуда, аламфарсуда, чавфноёб, ҳаёбегона, хаёловора, ҳавасовора, ҳавасташна* (жаждущий влечения) и др. Исходные единицы для данных композитов можно разделить на две группы:

2.1. Неизафетные словосочетания по типу связи «управление» (*аз чафо (алам, амал, нафас) фарсуда* (изнуренный горем); *ноёб аз чавф* (камень без трещины), *монанд ба шуъла* (похожий на пламя), *бегона аз ҳаё* (бесстыдный) и др., такие как *чаффарсуда, амалфарсуда, нафасфарсуда* и др.:

Сабри чонкоҳ ваҳшатафзун буд,

Тоқати интизор Мачнун буд. [т.3, 295]

Мучительное терпение увеличивало страх,

Выдержкой ожидания был Меджнун.

Поси номуси суҳан дар безабонӣ равшан аст,

Ҳеч мазмуне дар ин сурат нафасфарсуда нест. [т.1 (п.ч.), 275]

В молчании ясно проявляется уважение, к слову,

В этой форме отсутствует всякое содержание.

То тавонӣ, қатъ кун, Бедил, зи абнои замон,

Ошнои кас нагарданд ин ҳаёбегонаҳо. [т.1 (п.ч.), 20]

Сколько есть сил, разрывай отношения с людьми, Бедиль,

Эти бесстыдные люди не станут друзьями людей.

2.2. Изафетные словосочетания (*овораи ватан (хаёл, ҳавас)* (заботящийся о родине); *ташнаи ҳавас* (жаждущий влечения) считаются исходными единицами для композитов *хаёловора, ҳавасовора, ҳавасташна*:

Дил ҳавасташина аст, в-арна сипехр
Косаи захри морро монад. [т.1 (п.ч.), 655]
 Сердце жаждет влечения, а не то
 Небосвод напоминает чашу змеиного яда.

Эй ҳавасоворагон, чанд тақунӯ кунед,
Саъйи нафас об шуд, сӯи арақ рӯ кунед. [т.1 (п.ч.), 466]
 О жаждущие влечения, сколько можно суетиться,
 Усилия дыхания закончились, повернитесь к испарине.

Изучение композитов показывает, что некоторые компоненты сложных слов архаичны, к примеру *ҷавфноёб* [т.3, 567].

Модель «имя существительное + имя прилагательное» типа «**арабское слово + таджикское слово**» является двуисходной и в основном производит существительные, реже – прилагательные.

3. Модель «имя существительное + основа настоящего времени глагола». Данная модель словосложения типа татпуруша особенно продуктивна и является трехисходной. В основном она производит существительные и прилагательные, реже – наречия [см.: 251, 125; 96, 157]. Данная модель находит применение при образовании более чем 900 композитов типа татпуруша. Если к этому числу добавить группы композитов типа «**таджикское слово + таджикское слово**» (более 800 композитов), то их общее число составит более 1700 сложных слов.

Исходной единицей для названных композитов являются глагольные словосочетания. В образовании сложных слов значительна роль глаголов *андешидан* (думать), *фурӯхтан* (продавать), *парастидан* (поклоняться), *намудан* (казаться), *оростан* (украшать), *парвардан* (лелеять), *сохтан* (строить), *ҷӯшидан* (кипеть) и др., поскольку указанные глаголы участвуют в формировании от 20 до 46 композитов.

Глагол *андешидан*, относящийся к многозначным лексическим единицам таджикского языка, в «Словаре таджикского языка» имеет

следующие толкования: «1. думать, обдумывать; 2. думать, воображать; 3. сомневаться (в чём-л.), опасаться, бояться (чего-л.)» [295, 1, 74]. Эти значения упоминаются также в «Лугат-наме» Деххудо и «Персидском словаре» Муина [см.: 303, 1, 258; 307, 1, 378]. На наш взгляд, Бедиль при создании сложных слов типа татпуруша, посредством этого глагола а их более 40 слов, учитывает первое значение этого композита, например *гафлатандеш* (невежественный), *маъниандеш* (думающий о значении), *муҳоландеш* (питающий тщетные надежды), *хаёландеш* (воображаемый), *ваҳмандеш* (охваченный страхом), *ваҳшатандеш* (охваченный ужасом), *горатандеш* (грабитель), *иширатандеш* (жаждущий наслаждений), *камоландеш* (думающий о совершенствовании), *нисбатандеш* (думающий об отношении), *фурсатандеш* (конъюнктуристик) и др.

В этой модели словообразования глагол *фурӯхтан* является одним из самых продуктивных глаголов и участвует в образовании многих лексических единиц. По нашим подсчетам, посредством этого глагола поэтом образовано 40 слов типа татпуруша: *арақфурӯш*, *тоқатфурӯш*, *чилвафурӯш*, *иззатфурӯш*, *қиёматфурӯш*, *шуҳратфурӯш*, *ачзфурӯш*, *ваъзфурӯш*, *гайратфурӯш*, *горатфурӯш*, *губорфурӯш*, *ёқутфурӯш*, *заррафурӯш*, *ибратфурӯш*, *имтиёзфурӯш*, *интишиорфурӯш*, *иширатфурӯш*, *кудуратфурӯш*, *кулфатфурӯш*, *маърифатфурӯш*, *надоматфурӯш*, *назокатфурӯш*, *неъматфурӯш* и т.д.

Из этой группы слов только три сложных слова (*сақатфурӯш*, *чавоҳирфурӯш*, *чавҳарфурӯш*) встречаются в толковых словарях, в частности в «Лугат-наме» Деххудо, остальные нами не обнаружены. Это позволяет сделать вывод, что остальные лексемы этой группы композитов являются изобретениями Абульмаони.

Анализ сложных слов с компонентом *фурӯш* показывает, что данный глагол вступает в семантическую связь преимущественно с конкретными существительными и образует такие лексемы как *гулфурӯш* (продавец цветов), *чайфурӯш* (продавец чая), *мевафурӯш* (продавец фруктов) и т.д.

Изучение материала показывает, что поэт при образовании сложных слов типа «арабское слово + таджикское слово» преимущественно использует арабизмы, обозначающие абстрактные понятия, такие как *шират* (увеселение), *кудурат* (мощь), *назокат* (нежность), *вахшат* (страх), *масаввур* (воображение) и др., за исключением компонентов *арак* (испарина), *чавхар / чавохир* (драгоценный камень), *сақат* (брань) и *ёқут* (яхонт), которые относятся к конкретным существительным. Например, в следующем бейте Бедиля наблюдается использование сложного слова *ёқутфурӯш* в переносном значении – продавец яхонтов.

Қатраҳо гавҳару гавҳар ҳама ёқутфурӯш,

Ё Раб, ин чашма зи рӯи кӣ фурӯзон шудааст? [т.1 (п.ч.), 203]

Капля - продавец жемчужины, жемчужина - продавец яхонтов,

О Боже, от какого лика этот источник сверкает?

Анализ исследуемого материала свидетельствует, что композиты этой модели находятся в различных структурно-семантических отношениях. Эти отношения можно классифицировать следующим образом.

3.1. Вариативность композитов. Некоторые композиты встречаются в различных вариантах, например *анбарафшон / анбарфишон* (душистый); *ширатафрӯз / ширатфурӯз* (жаждущий наслаждений); *сачдаандеш / сучудандеш* (думающий о поклонении); *зоҳирнамо / зухурнамо* (себялюбец) и др. Исследуемый материал дает основание предполагать, что вариативность композитов возникает в результате:

а) употребления различных вариантов глагольного компонента (*афшон – фишон; афрӯз – фурӯз*), таких как *анбарафшон* [т.1 (п.ч.), 103], *анбарфишон* [т.1 (п.ч.), 324];

б) в результате замены первого компонента композита: *сачдаандеш* [т.3, 408] / *сучудандеш* [т.2, 161].

Композиты *анбарафшон / анбарфишон* зафиксированы в «Словаре таджикского языка» в одной словарной статье в значении «испускающий душистый, благовонный запах амбры» [295, 1, 66]. В словаре Деххудо

дополнительно к этому значению приводится следующее: «то, что придает запах амбары» [303, 2, 2021-2022]. В поэзии Бедилья оно используется в указанном выше значении:

Фигон, к-ин навхатони содалавҳ аз маиқи бебокӣ
Ба оби тег мешӯянд хатти анбарафишонро. [т.1 (п.ч.), 103]

Боже, эти простодушные юноши, упражняясь
в неустрашимости,
Остриём лезвия смывают благовонный пушок.

Умре ба печутоби сияҳрӯзиям гузаит,
Бахтам губори турраи анбарфишони кист? [т.1 (п.ч.), 324]

Вся жизнь прошла в извилинах злосчастья,
Чей локон, пахнувший амброй, покрыл пылью мою судьбу?

Композит *ишратафруз* комментируется Деххудо как «приятный; источник радости и счастья» [303, 2, 1988]. В газелях Бедилья встречаются оба варианта этой лексической единицы в следующих значениях:

а) в значении «источник веселья»:

Дар саводи сурма кун наззораи чаими бутон,
Ишратафрӯз аст, Бедил, дар дили шабҳо шароб. [т.1 (п.ч.), 172]

В черноте сурьмы наблюдай очи красавиц,
В полночь вино, Бедиль, ярко зажигает свет веселья.

б) в значении «причина признания, славы»:

Ишратфурӯзи анчумани ҳастиям ҳаёст,
Чун шабнами гулам арақ оинаи бақост. [т.1 (п.ч.), 349]

Стыд – источник признания в этой жизни,
Испарина, как роса цветка, - зеркало вечности.

В поэзии Абульмаони одним из способов образования многовариантных сложных слов является замена первого компонента сложного слова. Например: *сачдаандеш / сучудандеш*. В словарях слово *сачда* означает «челобитье, земной поклон во время молитвы, поклон в

намазе» [295, 2, 229; 303, 2, 1657]. Слово *сучуд* также означает «приложить чело к земле, положить голову на землю, земной поклон» [295, 2, 286; 303, 2, 1657]. Из чего следует, что лексическая единица *сучудандеш* является одним из вариантов сложного композита *сачдаандеш*. Эти лексемы не характеризуются высокой частотностью: первое сложное слово употреблено один раз в месневи «Тилисми хайрат» в значении «поклоняться», а другое – в одном из рубаи поэта:

Чу шуд бар остонаи сачдаандеш,
Маҳи нав ҳам чабине чид бар хеш. [т.3, 408]
 Когда он стал поклоняться ее порогу,
 Новый месяц (возлюбленная) также сморщил свой лоб.

Эй лутфи ту марҳамкадаи дилрешон,
Ёди карамат бизоати дарвешон,
Чун соя чабин тухфа бардоштаем,
Бизир раҳоварди сучудандешон. [т.2, 161]
 О, твоя милость – бальзам для израненных сердец,
 Воспоминание о твоей милости – богатство дервишей.
 Как тень, подняли чело подарка,
 Принимай гостинец поклоняющегося.

Таким образом, вариативность сложных слов — одна из особенностей поэзии Бедиля, основным фактором проявления которой является употребление различных компонентов в сложных словах.

3.2. Синонимия композитов. Композиты данной модели находятся также в синонимичных отношениях, к примеру: *адабзо* – *адабофарин* – *адабсоз* (благовоспитанный, имеющий учтивое поведение); *ваҳшатзо* – *ваҳшатсоз* (приводящий в ужас); *захматгаро* – *захматкаш* – *захматпараст* (труженик); *маҳфилоро* – *маҷлисафрӯз* – *маҷлисоро* (украшающий собрание); *акспараст* – *суратпараст* (идолопоклонник; признающий только внешний вид) и др.:

Ҳаё беҳуди чаими шаҳлои ӯ,

Чунун доғи вазъи адабзои ӯ. [т.3, 706]

Стыдливость без ума от её блестящих глаз,

Безумство испытывает скорбь от его учтливое поведение.

Самоъаши адабофарин асту бас,

Навоҳои таслим ин асту бас. [т.3, 759]

Звучание творит только вежливость,

Эти мелодии – мелодии смирения, и больше ничего.

Материалы исследования показывают, что некоторые композиты Бедиля, сохранив глагольный компонент, образуют синонимичные пары, изменяя именной компонент: *маҳфило* – *маҷлисо*, *акспараст* – *суратпараст*, *таҳайюрпараст* – *ҳайратпараст* (мыслитель), *гафлатпараст* – *чаҳлпараст* (несведущий) и др.:

*Маҷлисо*и орзуи тараб

Маҳаки коми дил гирифт зи шаб. [т.3, 364]

Украшение меджлиса чаяния – ликование –

Сняло пробу желания сердца в ночи.

Чунин буданд умре он ду дилсӯз,

Чу муму шуъла бо ҳам маҷлисафрӯз. [т.3, 490]

Такими были всю жизнь эти двое влюбленных,

Как воск и пламя, вместе озаряли собрание.

Таким образом, синонимия сложных слов является одной из значимых лингвоспецифических особенностей поэзии Абульмаони, которой он смог достичь различными способами, в частности заменой первого или второго компонента сложных слов. Анализ словарей показывает, что большинство композитов с синонимичными значениями относятся к перу Абульмаони.

3.3. Антонимия композитов. Некоторые композиты вступают в антонимичные отношения: *айбнамо* – *айбнӯи* (показывающий пороки -

скрывающий пороки); *васлпараст* – *тафриқпараст* (стремящийся к единению – стремящийся к разлуке); *узлатпараст* – *улфатпараст* (стремящийся к уединению – стремящийся к друзьям); *ишраторо* – *гафлаторо* (украшение сладострастия – украшение невежества – беспечный); *мавқеъишинос* – *мавқеъношинос* (знающий место – не знающий места); *ҳақшинос* – *ҳақношинос* (знающий цену – неблагодарный) и др.

Композиты приобретают противоположное значение в результате:

- а) замены глагольного компонента композита;
- б) замены именного компонента;
- в) посредством присоединения отрицательного суффикса.

Например, композиты *айбнамо* – *айбпӯш* приобретают антонимичность в результате замены глагольного компонента сложных слов (замены *намудан* и *пӯшидан*). Композит *айбпӯш* в поэзии Абульмаони встречается чаще, чем *айбнамо*. В «Словаре таджикского языка» этот композит интерпретируется как «покрывающий недостатки, скрывающий и прощающий грехи» [295, 1, 49], а *айбнамо* и вовсе не встречается. В «Лугат-наме» обе лексические единицы имеют следующее значение: «потатчик, потакающий — тот, кто покрывает и скрывает ошибки других; прощающий погрешности и заблуждения других людей. 2. снисходительный, антоним к слову «придирчивый» [303, 2, 2030]; «айбнамо(й) – обличитель, свидетельствующий о недостатках, ищущий недостатки и пороки» [303, 2, 2031]. Композит *айбнамо* употреблен поэтом один раз, а *айбпӯш* – сравнительно больше:

Дар зикри савониҳе, ки он айбнамо аст,

Ҳарчанд бувад илм, хамӯшӣ авлост. [т.2, 303]

При упоминании о событии, свидетельствующем о недостатках,
Лучше молчать, даже если в нем истина.

Табъи золим аз риёзат айбпӯши олам аст,

Оҳани қотил, чу лоғар гаши, сӯзан мешавад. [т.1 (п.ч.), 750]

Натура угнетателя от аскетизма становится

скрывающей порок,

Разящее железо после истончения превращается в иголку.

Профессор Х. Маджидов относит слова типа *овард – наовард* (привел - не привел) к морфологическим признакам слов [см.: 56, 88], однако слова *мавқеъишинос – мавқеъношинос; ҳақишинос – ҳақношинос* следует отнести к антонимичным лексемам, так как, во-первых, они обозначают признак, качество, во-вторых, ученый А. Байзоев также относит лексемы типа *фасодпазир* и *фасоднопазир*, относящиеся к языку классиков персидско-таджикской поэзии, к антонимичным парам, образованным присоединением морфемы *-но-* [см.: 19, 85].

В «Словаре таджикского языка» сложное слово *ҳақишинос* трактуется следующим образом: «1. верный, признательный, благодарный; 2. честный, справедливый» [295, 2, 741]. Деххудо добавляет к этому значению следующее: «сторонник правды, правдолюб» [303, 1, 1039]. Лексема *ҳақношинос*, не встречающаяся в «Словаре таджикского языка», комментируется Деххудо как «неблагодарный, неверный, тупой, непризнательный» [303, 1, 1037]. В поэзии Бедиля анализируемые лексемы встречаются в следующих значениях:

Ҳақишиноси гафлат ҳам занги дил намехоҳад,

Оина ҷило додан шукри худнамоиҳост. [т.1 (п.ч.), 372]

Знающий цену невежеству также не желает

ржавчины сердца,

Полирование зеркала есть благодарность

за красование (самопоказ).

Ки эй ҳақношиноси хунгирифта,

Ками худро зи ҷаҳл афзун гирифта. [т.3, 452]

Эй, неблагодарный, налитый кровью,

Малое свое по невежеству принимающий за большое.

Из сказанного следует, что поэтическое мастерство Абульмаони проявляется в создании не только новых лексических единиц, но и целого ряда композитов с противоположными значениями. Основным фактором образования антонимичных композитов является замена компонентов сложного слова или добавление отрицательного префикса. Одной из особенностей употребления антонимичных композитов в поэзии Бедиля является выполнение ими в тексте стихотворения различных лексико-грамматических функций. Кроме того, поэтом использованы различные варианты сложных слов, образованные в результате вариативности второго компонента или употребления первого компонента во множественном числе.

3.4. Классификация композитов по степени использования компонентов. Устаревшие композиты в поэзии Бедиля по степени малоупотребительности компонентов можно разделить на две группы:

1. Композиты с первым архаичным компонентом. Эта группа лексем встречается относительно часто, к ним относятся: *алатаишан* (кричащий от жажды), *асмокушо* (знарок значения имен), *вараъсуъз* (сжигающий набожность), *идбортисанд* (несчастный), *инбисотнавоз* (приносящий радость), *инқисомпазир* (делимый) и др.

В «Лугат-наме» композит *алатаиш* определяется как «жажда, жаждущий воды, кричащий от жажды» [303, 1, 217]. В поэзии Бедиля это сложное слово встречается в месневи «Тилисми хайрат» в составе слова *алатаишан*:

Чигар шуд миҷмаре отаишбадоман

Нафас мавҷи саробе алатаишан. [т.3, 471]

Печень стала каминой, у которой огонь в подоле,

Дыхание – волна миража, кричащая от жажды.

2. Композиты, у которых архаичен второй компонент, к примеру *абҷаднишош*. Архаичную окраску этому композиту придает глагол *нишошдан*, являющийся одним из исконно таджикских словарных

элементов. В словаре глагол *ниюшидан* комментируется как «слышать, выслушивать, внимать» [295, 1, 858]. Данный композит в значении «слушающий алфавит» выявлен нами в одном бейте месневи «Ирфан»:

*Чаимҳо навнигоҳи ҳайрат монд,
Гӯш абҷадниюши гафлат монд.* [т.3, 77]
Очи открытые застыли в удивлении,
Уши слушали алфавит невежества.

Анализа языкового материала поэзии Абульмаони удостоверяет в том, что, во-первых, в стихотворениях поэта архаичные слова присутствуют в небольшом количестве; во-вторых, большая часть архаичных слов употреблена поэтом преимущественно в философских сочинениях, в особенности в месневи «Ирфан». В-третьих, в большинстве сложных слов именной компонент, выраженный устаревшим арабизмом, находится в препозиции. В-четвертых, архаичные слова не имеют высокой частотности и употреблены поэтом в основном однократно. И, наконец, таджикские глаголы обладают способностью подчинять себе арабские лексемы. Эти особенности языка поэзии Бедия в очередной раз показывают богатый потенциал таджикского языка в образовании сложных слов различных моделей.

4. Модель «имя существительное + основа прошедшего времени глагола». Продуктивность данной модели ниже по сравнению с указанной выше модели. Поэтому по этой модели нами выявлено всего 40 композитов. Модель трехисходна: в основном по ней производятся существительные, иногда – прилагательные и наречия [см.: 251, 122].

Из сорока композитов данной модели только пять сложных слов – *арақолуд* (потный), *гаразолуд* (пристрастный), *гампарвард* (лелеемый печалью), *губоролуд* (пыльный) и *тухматолуд* (оклеветанный) встречаются в толковых словарях [см.: 303, 1, 812; 2, 1979, 2048, 2065, 2042; 295, 2, 646, 656, 383]. Остальные 35 композитов, такие как *адабпарвард* (благовоспитанный), *ачзфарсуд* (страдающий от слабости), *кулфатандуд*

(объятый горем), *интизоролуд* (ожидающий), *маъниовард* (многозначительный), *тагофулолуд* (несведущий), *ҳасратандуд* (объятый сожалением) и др., не нашли толкования и, по всей вероятности, являются плодом творчества самого Бедиля.

Композиты данной модели образуются преимущественно на основе глагольных словосочетаний. Анализ композитов этой модели подтверждает активность следующих глаголов в образовании композитов:

1) глагол *парвардан* участвует в образовании 13 композитов: *адабпарвард*, *алампарвард* (горестный), *асарпарвард* (воспитанный действием), *ганопарвард* (богатый, копящий), *гампарвард* (перенесший горе), *нафаспарвард* (лелеемый дыханием, человек), *рашҳапарвард* (текучий), *рӯҳпарвард* (нежный, приятный), *ҳаваспарвард* (взлелеянный желанием) и др.:

Гар табъи ту аз гайри маориф сард аст,

Оинаи фитратат ганопарвард аст. [т.2, 331]

Если натура твоя холодна к необразованности,

Зеркало твоего ума накапливает богатство.

2) глагол *олудан* – в образовании 13 композитов: *арақолуд* (покрытый потом), *ваҳшатолуд* (объятый страхом), *гаразолуд* (объятый корыстью), *губоролуд* (покрытый пылью), *ибратолуд* (объятый примером), *интизоролуд* (объятый ожиданием), *итоболуд* (объятый укором), *кулфатолуд* (объятый печалью), *туҳматолуд* (оклеветанный) и др.

Ишқро кардем, Бедил, туҳматолуди ҳавас,

Дар саводи кишвари мо соя дорад офтоб. [т.1 (п.ч.), 174]

Бедиль, мы страстями оклеветали любовь,

В наших владениях тень имеет Солнце.

3) глагол *андудан* участвует в образовании 10-ти композитов: *асарандуд* (восприимчивый), *кулфатандуд*, *гайратандуд* (усердный), *гамандуд* (печальный), *инфиоландуд* (стыдливый), *калафандуд* (запятнанный) и др.

Захми моро асарандуди табассум маписанд,

Ки дар ин мавҷи гуҳар гарди намакзоре ҳаст. [т.1 (п.ч.), 237]

Не считай нашу рану результатом улыбки,

В этой волне жемчуга есть и пыль солеломни.

4) глагол *фарсудан* – в образовании 6-ти новых лексических единиц: *ачзфарсуд* (изнуренный слабостью), *гамфарсуд* (опечаленный), *губорфарсуд* (страдающий от пыли), *саҷдафарсуд* (поклоняющийся), *ҳавасфарсуд* (усталый от влечений), *чафофарсуд* (изнуренный угнетением):

Саҷдафарсуди хами таслими авзои худам,

Ҳам зи чайби хеш меҳроби намозам кардаанд. [т.1 (п.ч.), 691]

Я поклоняюсь изгибу покорности своего состояния,

Из моего воротника сделали михраб для поклонения.

4.1. Синонимия композитов. У сложных слов в стихах Бедиля наблюдаются различные семантические отношения. Сложные слова *ваҳшатандуд* – с *ваҳшатолуд*, *кулфатандуд* – с *кулфатолуд*, *нафаспарвард* – с *рӯҳпарвард*, *яъсолуд* – с *яъспарвард* (упавший духом) вступают в синонимичные отношения.

В данных композитах синонимия обусловлена заменой глагольного компонента:

Ашк яъсолуд буд, аз дида берун рехтам,

Хок бар сар кардам ин тифли надоматзодаро. [т.1 (п.ч.), 112]

Слеза была окутана печалью, я вытолкнул ее из очей,

Посыпал пеплом голову этого ребенка - сына сожаления.

Барқҷавлон оҳи Бедил яъспарвард асту бас,

Алҳазар, эй муддаӣ, ин дуд отаишода аст. [т.1 (п.ч.), 219]

Вздых Бедиля, подобно молнии, взлелеян печалью,

Берегись, о соперник, этот дым поднимается из огня.

Синонимия сложных слов является одной из характерных особенностей поэзии Абульмаони. В сложных словах модели «имя

существительное + основа прошедшего времени глагола» синонимия лексических единиц возникает в результате замены глагольного компонента сложного слова.

4.2. Классификация композитов по степени использования компонентов. Часть сложных слов с течением времени становится архаичной. Их можно разделить на две группы:

1) композиты, в которых оба компонента являются архаичными, например *инфиоландуд*. Из толкования лексемы *инфиол* в словарях следует, что это слово заимствовано таджикским языком в двух значениях: «1. реакция, реагирование; 2. смущение, стыд» [295, 1, 486; 303, 1, 263]:

Халқе аз орошии чоҳ инфиоландуд рафт,

Субҳи мо ҳам хандае бар фурсати иқбол кард. [т.1 (п.ч.), 506]

Некоторые люди от убранства величия ушли, смутившись,

Наше утро также посмеялось над моментом улыбки счастья.

Анализ бейта показал, что лексема *инфиол* употреблена поэтом во втором значении – «смущение» и выполняет функцию наречия;

2) композиты, в которых второй компонент представлен архаизмом: *асарандуд*, *вахшатандуд*, *гайратандуд*, *гамандуд* (печальный), *саҷдаандуд* (поклонившийся) и др.

При образовании новых слов Бедиль в большом количестве использовал архаичный глагол *андудан*, и, как было сказано выше, с этим компонентом образовано более 10-ти сложных слов: *асарандуд*, *вахшатандуд*, *гайратандуд*, *гамандуд*, *саҷдаандуд*, *ҳасратандуд*, не встречающихся в доступных нам словарях [285; 295; 296; 301; 303; 305; 306; 307].

Семантика исконно таджикского слова *андудан* подробно рассмотрена в ходе исследования особенностей модели «имя существительное + причастие прошедшего времени глагола» в первой главе диссертации. Здесь мы хотим лишь добавить, что в современном таджикском языке эта

лексическая единица наблюдается в составном именном глаголе *андова кардан* (штукатурить).

Изучение сложных слов, образованных с использованием лексемы *андудан*, показывает, что Бедиль употребляет это слово в двух значениях: 1) в сложном слове *калафандуд* – в значении «покрывать или натирать»; 2) в составе композитов *асарандуд*, *вахшатандуд*, *гайратандуд*, *гамандуд*, *калафандуд*, *сачдаандуд*, *хичлатандуд*, *хасратандуд* – в значении «покрытый, обьятый».

Таким образом, исследование показывает, что модель «имя существительное + основа прошедшего времени глагола» относится к нераспространенным моделям сложения слов типа татпуруша. Основу этих лексических единиц составляют глагольные словосочетания. В лексемах этой модели роль некоторых глаголов, в частности *олудан*, *парвардан*, представляется наиболее значимой, поскольку с их участием поэтом образовано примерно 13 новых слов.

5. Модель «имя существительное + причастие» относится к наиболее употребительным моделям словосложения. Свидетельством этому в исследуемом материале являются более 90 композитов. Данная модель двуисходна: в основном производит прилагательные и существительные. Из композитов этой модели наиболее употребительными являются *ситамзада* (испытывающий унижение), *асарбохта* (изменившийся), *хайратзада* (удивленный), *чунунзада* (безумный), *нафасдуздида* (вдохнувший) и др.

Композит *ситамзада* в «Лугат-наме» Деххудо комментируется как «испытывающий притеснение, угнетение» [303, 2, 1654]. В следующем бейте композит *ситамдида* [см.: 303, 2, 1654] употреблен в значении «многострадальный, испытывающий притеснение»:

Ба чаими кам мангар Бедили ситамзадаро,

Ки обрӯи муҳаббат ба дидаи нами ўст. [т.1 (п.ч.), 337]

Не смотри с пренебрежением на угнетенного Бедилья,

Ибо авторитет любви заключается в его влажных глазах.

Синонимичная пара названного композита – *ситамдида* – также находит употребление в поэзии Бедиля:

*Дили ситамдида умрҳо шуд, надорад аз сӯхтан раҳой,
Ба лағзиши ашк кош худро чу шамъ аз ин анчуман барорад.*

[т.1 (п.ч.), 687]

Сердце, угнетенное всю жизнь, не может спастись от горения,
О, если был проливанием слез, как свеча, вывел себя
из этого собрания.

В образовании композитов активное участие принимают следующие причастия:

- причастие *зада* участвует в создании 13-ти композитов: *вахшатзада* (охваченный страхом), *гамзада* (опечаленный), *гафлатзада* (находящийся в состоянии оцепенения), *горатзада* (ограбленный), *зиёнзада* (душевнобольной), *мотамзада* (находящийся в трауре), *мушавваиззада* (встревоженный) и др.;

*Эй гамзада, хидмати дили собир кун,
Вақтат масруфи табъи мустағфир кун. [т.2, 535]
Эй, опечаленный, служи терпеливому сердцу,
Потрать время на натуру, просящую прощения.*

Из группы слов, образованных посредством глагола *зада*, в поэзии Бедиля больше всего (5 раз) употреблено сложное слово *хайратзада*, означающее «удивленный, растерянный, взволнованный, возбуждённый» [295, 2, 719] и «рассеянный, удивленный, встревоженный» [303, 1, 1050]. В поэзии Бедиля оно употреблено в указанном значении в роли прилагательного и существительного:

*Шиша бе хуни ҷигар кай гузарад аз сари ҷом?
Чаими хайратзадаам обилаи пои дил аст. [т.1 (п.ч.), 339]
Бутыль, не проливая крови, как может миновать бокал?
Мои удивленные глаза — это мозоль на ногах сердца.*

- причастие *парварда* – в образовании 7 композитов: *адампарварда* (человек, сотворенный из небытия), *арақпарварда* (стыдливый), *ганопарварда* (богатый), *нозпарварда* (изнеженный) и др.

Композит *нозпарвада* в «Словаре таджикского языка» имеет два значения: «1. тот, кто вырос в богатстве и доброте; 2. пер. неженка, баловень, не получивший должного воспитания» [295, 1, 864]. В поэзии Бедиля он употреблен в первом значении:

*Эй ҳақиқатшухуди хуснмаҷоз,
Нозпарвардаи либоси ниёз.* [т.3, 46]

О свидетельство истины с аллегорической красотой,
Взлелеянной в одеянии нужды.

Композит *адампарварда* в поэзии Бедиля использован для обозначения человека, взлелеянного небытием:

*Эй адампарварда, лофи ҳастият ҷои ҳаёст,
Бенишониро нишон фаҳмидаӣ, тират хатост.* [т.1 (п.ч.), 199]
О, взлелеянный небытием, стыдись хвастаться бытием,
Безвестность ты принял за известность, стрела твоя не
попала в цель.

- причастие *дида* / *надида* – в образовании 6 композитов: *гамдида*, *ситамдида*, *ваҳшатдида*, *муҳаббатдида*, *офоқдида* и др.

В поэзии Бедиля композит *ситамдида*, комментируемый в словарях как «испытывающий притеснение, угнетение», употребляется относительно часто [см.: 295, 2, 248; 303, 2, 1654]. В следующих бейтах он используется в указанных значениях в роли прилагательного и существительного:

*Дили ситамдида умрӯҳо шуд, надорад аз сӯхтан раҳой,
Ба лағзиши ашк кош худро чу шамъ аз ин анҷуман барорад.*
[т.1 (п.ч.), 687]

Сердце мое, испытывающее притеснение, целую жизнь не
может избавиться от горения,
О, если бы скольжением слезы вышел бы, как свеча,

из этого собрания.

*Фигонҳост дар созаи отаишфиган,
Ситамдидае дорад ин ҷо ватан. [т.3, 749]
В его мелодиях бушует рыдание,
Здесь живет утесненное сердце.*

С компонентом *зода* в поэзии Бедиля наблюдаются пять композитов: *адамзода* (сотворенный из небытия; человек), *мутрибзода* (дитя музыканта), *надоматзода* (раскаивающийся), *тахайюрзода* (изумленный), *хайратзода* (удивленный):

*Ииқи мутрибзодае бар созу тақвӣ зӯр кард,
Донаи тасбеҳро зоҳид хари танбӯр кард. [т.1 (п.ч.), 664]
Любовь дочери музыканта оказалась сильнее благочестия,
Аскет из бусинки четок сделал кобылку для танбура.*

*Ашк яъсолуда буд, аз дида берун рехтам,
Хок бар сар кардам ин тифли надоматзодаро. [т.1 (п.ч.), 112]
Слеза была смешана с отчаянием, вывел её из очей наружу,
Посыпая прах на голову этого ребенка, рожденного
раскаянием.*

Изучение названных композитов убеждает в том, что композиты с компонентом *зода* двуисходны: принимают участие в производстве и существительных, и прилагательных.

5.1. Классификация композитов по степени использования компонентов. Сложные слова модели «имя существительное + причастие» по степени употребления компонентов также делятся на две группы: употребительные и устаревшие.

В зависимости от того, какой из компонентов является архаизмом, архаичные сложные слова подразделяются на две подгруппы: а) с первым архаичным компонентом: *нафхгирифта* (гордый) [т.2, 457]; б) с двумя

архаичными компонентами: *таҷаррудохта* (достигший совершенства в уединении) [т.3, 359].

Архаичное арабское слово *нафх* в «Словаре таджикского языка» комментируется как «вздутие, вздутость, дутьё (ртом), надувание (воздухом, газом)» [295, 1, 840], а в «Лугат-наме» Деххудо как «каприз, гордость, надменность, высокомерие...; дуть» [303, 2, 3015-3016]. В поэзии Бедиля сложное слово *нафхгирифта* употреблено для обозначения надменности:

*Ҳарчанд ки кӯси салтанат бӯқ занад,
Бар нафхгирифта давлате нест чу тиз.* [т.2, 457]
Сколь бы громко не играл барабан государства,
Человеку, у которого скопились газы, нет большего счастья,
чем испускание газов.

Слово *охта* в «Словаре таджикского языка» трактуется как причастие, образованное от глагола *охтан*, означающего «вынуть, вынимать, извлекать» [см.: 295, 1, 941]. В «Лугат-наме» приводится следующее толкование этого слова: «извлеченный, вытащенный, выведенный» [303, 1, 22]. Указанный композит использован поэтом только один раз, в месневи «Ирфан»:

*Сари хуришеди барфарохтае,
Теги барқи таҷаррудохтае.* [т.3, 359]
Голова возвышенного Солнца –
Меч молнии уединения.

Таким образом, лексемы модели «имя существительное + причастие» в поэзии Бедиля характеризуются валентностью, а их количество составляет более 90 словарных единиц, в образовании которых широко используются такие причастия как *зада*, *парварда*, *зода*, *дида*, *кушта* и др., с применением которых образовано от 5 до 13 сложных слов. Данная модель двуисходна и в основном образует имена прилагательные, а в некоторых случаях – имена существительные. В поэзии Бедиля нами не выявлено использования

данных лексических единиц в роли наречия. Большинство сложных слов принадлежат перу самого поэта, при их образовании в некоторых случаях поэт использовал архаичные компоненты.

6. Модель «имя прилагательное + имя существительное» относится к распространенным моделям словосложения типа татпуруша. Согласно исследованиям Т.А. Чавчавадзе, данная модель трехисходна и образует в основном имена существительные, прилагательные, а иногда – наречия [см.: 251, 137]. По этой модели произведено 14 композитов, например *ғарибоҳанг* (чужеземец), *ифлосанҷом* (нищий), *латифпарда* (утонченный), *ноқисоина* (несовершенный), *ҳазизоҳанг* (объятый горем) и др. Прилагательное *латиф*, подчинившись существительному *парда*, образовало композит *латифпарда*, обнаруженный нами в месневи «Ирфан»:

*Ҷисм ранги зухуркардаи ӯ,
Ҷон бухори латифпардаи ӯ. [т.3, 70]*
Тело - его проявленный цвет,
Душа - испарение его тонкой оболочки.

В приведенном ниже бейте встречается композит данного модели *қавимухра* (исполин), которое использовано в значении «укрепление дука»:

*Бунёди қачандеш шавад сахт зи таҳдид,
Аз банд қавимухра макун пушти камонро. [т.1 (п.ч.), 147]*
Природа подозрительного человека укрепляется от угрозы,
Не укреплял лук, добавив в него лишнее звено.

Таким образом, модель «имя прилагательное + имя существительное» является одной из самых распространенных и в то же время малопродуктивных моделей, посредством которой Бедилем образованы 14 сложных слов. Их знаменателями являются изафетные фразы, образующие существительные, прилагательные и наречия. Большинство сложных слов этого стиля используется в месневи Бедиля.

7. Модель «имя прилагательное + имя прилагательное». Данная модель характеризуется малоупотребительностью при словообразовании типа татпуруша [см.: 251, 140]. По этой модели нами был зафиксирован всего один композит – *харобобод*, который в составе словосочетания *харобободи имкон* приобретает значение «вселенная, мир»:

*Дар харобободи имкон гарде аз маъмура нест,
Навха кун бар дил, ки ин вайрона ҳам вайрона нест.*

[т.1 (п.ч.), 220]

В благоустройстве мира нет ни пяди возделанной земли,
Плачь над сердцем, ибо даже эта развалина не есть развалина.

Данная модель одноисходна – производит только имена существительные.

8. Модель «имя прилагательное + основа глагола настоящего времени». В поэзии Бедиля по этой модели образовано более 20 композитов типа татпуруша. Эта модель считается одноисходной и образует только имена прилагательные [см.: 251, 142], однако изучение поэтических сочинений поэта показывает, что данная модель лексических единиц субстантивируется и выступает в роли существительного:

*Ба табъи санг фусурдан шарор мебандад,
Ҳавои олами осудагӣ чунунхез аст.* [т.1 (п.ч.), 306]
Застывшая природа камня содержит искру,
Желание мирной жизни содержит безумие.

Исходная единица композитов для данной модели представляет собой глагольные словосочетания, образованные по типу примыкания. Анализ исследуемого материала показывает, что в образовании этой модели слов типа татпуруша активное участие принимают: из прилагательных – лексемы *чунун* (14 композитов) и *сиҳат* (в трех композитах); из глаголов – лексемы *намудан* (в четырех композитах), *сохтан* (в четырех композитах) и *хестан*, *тохтан*. Например: *касифнамо* (уродливый), *касофатнамо* (несчастный), *сиҳҳатнамо* (имеющий здоровый вид), *мухолифнамо*

(враждебный), *музтарибсоз* (объятый горем), *мунқалибсоз* (притворщик) и др.

В поэзии Бедиля из слов этой модели высокой частотностью характеризуются композиты *чунунтоз* (стремящийся к сумашествию), *чунунхез* (возбудитель безумия), *чунунчӯи* (бурление безумства), *чунунтаймо* (находящийся в состоянии безумства) и *чунунсоз* (создающий безумство), встречающиеся от пяти до одиннадцати раз. Следует отметить, что Абульмаони с применением ряда композитов в сочетании с другими словами образовал поэтические выражения, значение которых невозможно интерпретировать вне контекста. Так, в приведенном ниже бейте аллегорическое значение композита *чунунтоз*, используемое для обозначения человека, можно проследить только в составе этого бейта:

Ба гурури ману мо кулфати дилҳо матисанд,

Эй чунунтози нафас, оиназор аст ин чо. [т.1 (п.ч.), 57]

В угоду нашему высокомерию не одобряй утруждения сердец,

О человек, этот мир – мир зеркал.

Таким образом, анализ показывает, что модель «имя прилагательное + основа настоящего времени глагола» относится к одной из распространенных словообразовательных моделей типа татпуруша, образующих имена прилагательные и существительные. Некоторые лексемы этой группы вступают в синонимичные отношения.

Сложные слова этой модели в имеющихся у нас словарях не зафиксированы и, по всей вероятности, являются творениями самого Абульмаони.

9. Модель «местоимение + основа глагола настоящего времени» считается малопродуктивной [см.: 251, 142], и по этой модели обнаружен только один композит – *чумлабин* (ясный). Данная лексема встречается лишь один раз в месневи «Ирфан»:

Гар бидонад манам, чунин накунад,

Баъз ташивиши чумлабин накунад. [т.3, 393]

Если узнает, что это я, не поступит таким образом,
Не будет совершать всем ясные поступки.

Данная модель считается одноисходной и производит прилагательные.

10. Модель «наречие + основа глагола настоящего времени» используется в образовании татпуруша типа кармадхарая [251, 164]. Данная модель непродуктивна и образовала только один композит - *баидандеш* (предусмотрительный, дальновидный).

Данный композит относится к архаичным словам, поскольку первый компонент этого композита выражен арабизмом *баид* (далекий; антоним – близкий) [см.: 295, 1, 132; 303, 1, 445], характеризующимся малоупотребительностью. Композит *баидандеш* в значении «дальновидный» использован поэтом один раз в месневи «Ирфан»:

Гар қарибему гар баидандеш,
Дархури ақл мерасем ба хеш. [т.3, 393]
Дальновидные мы или недальновидные,
Соответственно уму знаем себя.

В таджикском языке известен синоним этой лексемы – *дурандеш* [см.: 295, 1, 402; 303, 1, 1372], в большом количестве используемый поэтом в месневи «Ирфан»:

Шавқ аз он нагмаҳои дурандеш
Буд дар пардаи тахайюли хеш. [т.3, 91]
Влечение от этих дальновидных напевов (проделок)
Находится в оболочке своего воображения.

Таким образом, композиты типа «**арабское слово + таджикское слово**» являются распространенной формой сложения сложных слов. Эта группа композитов образована по типу управления, и второй компонент главенствует над первым. В композитах, образованных посредством выпадения изафета, главным является первый компонент.

Классификация этой группы слов с точки зрения происхождения компонентов позволила определить, что большинство таджикских лексем,

подчинив себе арабские заимствования, образовало новые лексемы, что свидетельствует о словообразовательном потенциале таджикского языка. Классификация этого типа слов по частеречной принадлежности убеждает в том, что модель «имя существительное + основа настоящего времени глагола» является одной из наиболее продуктивных моделей словообразования.

Исследуемые композиты находятся в разных смысловых отношениях, как в синонимичных, так и антонимичных, и употребляются в поэзии Абульмаони в различных вариациях.

По степени употребления данные композиты можно разделить на две группы: распространенные и устаревшие. Анализ компонентов сложного слова показывает, что в некоторых из них один из компонентов, а в указанной модели по большей части первый компонент (арабское слово), считается архаичным.

Таким образом, можно прийти к заключению, что Бедиль в своей поэзии продуктивно использовал распространенные словообразовательные модели, по которым он создал множество композитов.

3.1.2. Татпуруша типа «индийское слово + таджикское слово»

Язык как общественное явление всегда находится в состоянии эволюции и совершенствования, и представить его развитие, без взаимовлияния и преобразований невозможно, в частности таджикский язык за время его более чем трехтысячелетнего развития взаимодействовал, а иногда и соперничал, с различными языками. Результатом этого взаимовлияния стало обогащение таджикского языка за счет заимствований из других языков и проникновение таджикских лексических единиц в словарный состав других языков [см.: 90, 1, 425-445; 260, 1, 251-282; 265, 1, 95-106; 221, 30-32; 132, 26-33]. В связи с этим Эмомали Рахмон пишет: «Если разорвать эту связь и поместить язык в тесную среду, то он обязательно со временем превратится в ограниченный и слабый язык и будет испорчен как стоячая вода в реке» [90, 1, 425].

Взаимодействие таджикского языка с хинди продолжалось столетиями, поскольку эти языки еще в далеком прошлом были насыщены из одного источника [219, 41; 90, 2, 154]. Вторжение султана Махмуда Газневи в Индию (XI в.) явилось новым этапом о взаимном обогащении таджикского и хинди, результатом которого стало формирование индо-мусульманской и, по мнению В.А. Капранова, «индо-среднеазиатской» культуры [195, 22].

В результате этого взаимодействия в таджикский язык вошло множество индийских слов: *коло* (утварь), *чатр* (зонт), *карбос*, *нил* (индигонос), *нилуфар* (лотос), *қаранфул* (гвоздика, пряность), *шакар* (сахарый песок). Исследователями установлено, что ряд индийских заимствований встречается и в «В словаре персидского языка» Асади Туси, например *кӯтвол*, *лок*, *шагол*, *шаман*, *чандан* [193, 88]. Исследователь В.А. Капранов делит проникновение индийских слов в таджикский язык на три этапа или периода, к которым относятся:

1. Историческое вхождение индийских слов в начале формирования таджикского литературного языка (VIII век и ранее).

2. XI век, после повторного нападения султана Махмуда Газневи на Индию. Этот период продолжался до XVI века.

3. С XVI века, после завоевания Бабура, и до XIX века [см.: 193, 95-96].

Одним из факторов проникновения этой группы слов в таджикский язык можно считать стихи персоязычных поэтов Индии, которые благодаря своему таланту не только применяли их в своих выражениях, но и использовали для образования новых сложных слов.

Материалы исследования убеждают в том, что ряд индийских заимствованных слов принимает участие в создании новых композитов. Несмотря на малочисленность этой группы сложных слов, их можно подразделить на две группы:

- 1) композиты типа «**индийское слово + таджикское слово**»;
- 2) композиты типа «**таджикское слово + индийское слово**».

На основе первой модели образовано большое количество сложных слов, а вторая модель является малопродуктивной.

По модели композитов типа **«индийское слово + таджикское слово»** в нашем распоряжении имеются одиннадцать сложных слов, в которых главным членом является таджикское слово, а индийские слова, в том числе *бира* (индийское растение), *нил* (индигонос), *пон* (индийское растение), *шакар* (сахарный песок), *шатранч* (шахматы – арабизированная форма индийского слова *шатранг*) находятся в подчинении.

Анализ композитов показывает, что сложные слова модели **«имя существительное + основа глагола настоящего времени»** встречаются чаще.

По модели **«имя существительное + основа глагола настоящего времени»** образованы сложные слова типа *шакарзо* (плантация сахарного тростника, пер. «губы возлюбленной»), *шакаррез* (сладкозвучный), *шакарханд* (ласковая улыбка), *шатранчбоз* (играющий в шахматы) и *комдегӯ* (говорящий о Комде).

Деххудо интерпретирует композит *шакаррез* двояко: в прямом значении: «тот, кто рассыпает сахар; то, из чего сылется сахар, как из сахарного тростника» [303, 2, 1818], и в переносном значении: «иносказательно о сладком и самом сахаристом; очень сладкий и сытный; все милое, например смех и улыбки и т.д.» [303, 2, 1818]. В «Словаре таджикского языка» представлено третье значение композита «сладости, которыми осыпают головы жениха и невесты в брачную ночь с благими намерениями» [295, 2, 561]. В поэзии Бедиля указанное сложное слово употребляется в переносном значении, и для выражения этого же значения поэтом создан другой композит – *шакарзо*.

Композит *шакарханд* означает сладкий смех, милую и нежную улыбку [см.: 303, 2, 1818; 295, 2, 561]:

Нушханди лаби шакарзояш

Мавҷи сам рехт бар сарояш. [т.3, 383]

Нежная улыбка сладких губ

Окатила его с ног до головы, будто ядом.

Ки аз нанги вазъи кудураткамин

Нашуд остинаи шакаррези чин. [т.3, 709]

От стыда состояния, после которого появляется вражда,

В его сущности не появилось ничего, даже морщины –

знака гнева.

Гаҳе аз шакарханди дурчи даҳан

Шудӣ гулфурӯши баҳори сухан. [т.3, 719]

Иногда от ласковой улыбки ее уст

Становился продавцом роз весны слова.

Модель «имя существительное + основа глагола настоящего времени» двуисходна: производит существительные и прилагательные.

Композит этой группы *нилпарвард* [т.3, 792] образован по модели «имя существительное + основа прошедшего времени глагола».

Некоторые композиты типа «индийское слово + таджикское слово» образованы по модели «имя существительное + имя существительное», к примеру *комдеоҳанг* (думающий о Комде) [т.3, 311].

В поэзии Бедиля обнаружен один композит, соответствующий модели «имя существительное + имя прилагательное» – *шостарогоҳ* (знаток древнеиндийской книги) [т.3, 271]), и одно сложное слово по модели «имя существительное + причастие» – *понхӯрда* (употребивший растение пон) [т.3, 788]).

3.1.3. Татпуруша типа «греческое слово + таджикское слово»

Греция как одна из колыбелей мировой культуры оказала влияние на культуру и духовность разных народов и дала толчок к формированию научных взглядов разных народов. Благодаря этой связи многие греческие слова заимствовались языками напрямую или посредством других языков

[221, 32-35]. Греческие слова вошли в таджикский язык опосредованно – через арабский язык (в арабизированной форме, например: *кимийё*, *қафас*, *санда*, *номус*, *дафтар*) и позднее – посредством русского языка. Вхождение этой группы слов обусловлено научными и литературными факторами [90, 1, 430]. По мнению ученых, «эти слова в основном обозначают имена, в частности названия городов и имена людей, названия лекарств и инструментов и т.д.». [260, 1, 278]. Например, слово *қафас* (клетка) греческого происхождения, а в арабский язык оно было внесено через арамейский язык (*qafasa*). В греческом языке анализируемое слово использовалось в форме *κᾰφα*, *κᾰμφα* в значении «корзина, сундук». Это греческое слово происходит от латинского слова *capsa* — сосуд. Некоторые исследователи считают, что оно произошло от арабского *қафс* в значении «собирать» [см.: 302, 3, 2062-2063].

Ряд греческих лексем: *қафас* (клетка), *кимийё* (химия), *номус* (честь), *санда* (сандаловое дерево, почетное кресло), *зумуррад* (изумруд), *калид* (ключ) и др., также принимает участие в образовании композитов типа татпуруша, к примеру *зумурраднигин* (кольцо из изумруда), *қафасбез* (освободившийся из клетки), *қафасбардор* (поднимающий клетку), *қафаспарвар* (воспитанный в клетке), *кимийёсоз* (химик), *номускаш* (порядочный), *қафасфарсуд* (истощенный), *қафасфарсуда* (истощенный) и др. Данные композиты по морфологическому составу можно подразделить следующим образом:

1. Модель «имя существительное + имя существительное» относится к малопродуктивным моделям, поскольку по этой модели образован только один композит – *зумурраднигин*:

Мағӯ барг, лавҳе зумурраднигин,

Хати мавчи ёқут, нақши чабин. [т.3, 788]

Не лист, а доска, украшенная жемчугом,

Узор чела – линия сверкания яхонта.

2. Модель «имя существительное + основа глагола настоящего времени». Большинство сложных слов образовано по данной модели, например *кимийёсоз*, *қафасбез*, *қафасбардор*, *қафаспарвар*, *қафасфарсо* (утомленный в клетке) и др. Исходной единицей для данных композитов являются глагольные словосочетания.

Из толкований словарей явствует, что сложное слово *кимийёсоз* является синонимом композита *кимийёгар*. В частности, в «Лугат-наме» Деххудо, в статье *кимийёгар* приводится: «тот, кто создает эликсир жизни; превращает неблагородный металл в более совершенный металл; алхимик» [303, 2, 2385]. Анализируемое сложное слово употребляется и в переносном значении – хитрец, интриган и любовник [см.: 303, 2, 2385]. В «Персидском словаре» Муина *кимийёсоз* определяется как алхимик [307, 3, 3158]. В «Словаре таджикского языка» композит *кимийёсоз* не встречается, однако зафиксирован его синоним — *кимийёгар* в значении «человек, занимающийся химией, зельевар» [295, 1, 552]. В поэзии Бедиля композит *кимийёсоз* встречается однократно в месневи «Тилисми хайрат» в следующем значении:

*Дар он маҳфил, ки Ишқи кимийёсоз,
Гудози чавҳари ман кард оғоз. [т.3, 450]*
На том собрании, где любовь - алхимик,
Начало плавления моей сущности.

3. Модель «имя существительное + основа глагола прошедшего времени». По этой модели образованы два композита – *қафаспарвар* [т.1 (п.ч.), 475] и *қафасфарсуд*.

*Нагардад ҳиммати мавҷам қафасфарсуди гавҳарҳо,
Ба ранги дуд дар туфони отаи мезанам парҳо. [т.1 (п.ч.), 140]*
Не станет усердие моей волны утомляться
выращиванием жемчуга,
Наподобие дыма, лечу в буре огня.

4. Модель «имя существительное + причастие прошедшего времени».

По этой модели образованы два композита – *қафасфарсуда*, *қафаспарварда*.

Исходной единицей для обеих лексических единиц является словосочетание. Частотность названных слов невысокая, и они употреблены поэтом лишь в двух случаях, в основном в газели и один раз в месневи «Тилисми хайрат»:

Қафасфарсудаи гарди ҳавасҳоям, хушо рӯзе,

Ки парвозам чу бӯи гул зи болу пар бурун орад. [Т.1 (п.ч.), 734]

Я как осевшая пыль в клетке желаний, о, в счастливый день

Полечу, как запах цветка, обрета крылья.

Анализ поэтических текстов Бедиля показывает, что по модели «греческое слово + таджикское слово» производятся существительные и прилагательные.

3.1.4. Татпуруша типа «тюркское слово + таджикское слово»

Таджикский язык более тысячи лет взаимодействует с тюркскими языками, и за этот период множество лексических единиц взаимопроникает в лексический состав этих языков [см.: 219, 43-44; 221, 46-51; 56, 114-121]. Усвоившись таджикским языком, тюркские заимствования активно участвуют в словообразовании.

В поэтических образах Бедиля нами обнаружены два композита, структурный состав которых образован по модели «тюркское слово + таджикское слово», это *сурогфурӯш* и *сурогандеша*. Слово *сурог* (осведомленность, след) в «Персидском словаре» Муина приводится в двух значениях, без указания его происхождения [см.: 307, 2, 1851]. Так как Муин обычно приводит этимологическое указание, что слово заимствовано, то можно предположить, что он считает слово *сурог* исконно персидским (таджикским). Композиты данной группы образованы согласно следующим моделям:

1. Модель «имя существительное + имя существительное». По этой модели образован композит *сурогандеша* (тот, кто ищет след):

Вале з-он чо, ки барқи кинахоҳӣ

Сурогандеша аст аз ҳар сиёҳӣ. [т.3, 472]

Однако вследствие того, что молния жажды мщения

В каждой черноте ищет след.

2. Модель «имя существительное + основа настоящего времени глагола» образует композит *сурогфурӯш* (продающий след), исходной единицей которого является глагольное словосочетание *сурог фурӯхтан*:

Ҳайрат аз ҳастияш гувоҳи хамӯш,

Оина аз нафас сурогфурӯш. [т.3, 153]

Удивление – молчаливый свидетель его бытия,

Зеркало через дыхание указывает местопребывание.

По поводу малочисленности тюркских слов в стихах поэтов индийского стиля, в особенности об их малопродуктивности в образовании композитов, известный иранский ученый С.Шамисо справедливо отмечает: «В результате проникновения поэтического слова из Ирана в Индию поэзия осталась за пределами влияния тюркского языка, в то время как проза этого периода наполнена тюркскими словами» [270, 189].

3.1.5. Татпуруша типа «таджикское слово + арабское слово»

По сравнению с указанной выше моделью данная модель характеризуется большей продуктивностью, доказательством чему являются более 150 композитов, образованных по этой модели.

Композиты этой модели по морфологическим признакам можно разделить на следующие группы:

1. Модель «имя существительное + имя существительное» считается наиболее продуктивной моделью этой группы, на основе которой образовано более 100 (112) композитов. Ряд композитов этой модели: *сарвақт*, *сарманзил* (основное место), *сармаишқ* (пример, образец) и *сарҳисоб*

(осведомленный; отсчёт), образованных от именных словосочетаний посредством выпадения изафета, характеризуется общеупотребительностью. Другие композиты этой модели: *баҳонамуштоқ* (жаждущий предлога), *бӯсамуштоқ* (жаждущий поцелуя), *озормуштоқ* (жаждущий боли), *зиндагиҳавас* (жизнелюб), *орзубисмил* (убивший мечту) и др., в известных нам словарях не зафиксированы. Анализ собранного материала показывает, что:

1) некоторые композиты этой модели, в отличие от исходной единицы, характеризуются благозвучностью. К примеру, *баҳонамуштоқ*, *бӯсамуштоқ*:

Гул ба дасту по кӣ баст имшаб, ки чун барги ҳино

Бӯсамуштоқон чаманҳо зери лаб хун кардаанд. [т.1 (п.ч.), 721]

Кто сегодня ночью привязал к рукам и ногам цветы, как

листья хны,

Жаждающие поцелуев кровью своих губ окропили цветник.

Изучение особенностей литературного языка показывает, что эта модель достаточно распространена и литераторы широко пользуются ею для образования новых слов. К примеру, писатель С. Улугзаде по аналогии с указанными лексемами создал композит *силамуштоқ* [см.: 79, 94].

2) Некоторые композиты этой модели образованы лексико-синтаксическим методом [см.: 24, 130-131], к примеру *забонишамъ* (язык как свеча):

Дӯш парвонае забонишамъ

Дошт пайгоми ибрате, к-эй чамъ... [т.3, 128]

Вчера мотылёк, обладающий приятной речью,

Изрёк назидательную весть: «О собравшиеся...».

3) Абульмаони использует в образовании композитов также производные существительные таджикского языка: *вожгунисабак* (бесперспективный), *бартариэҷод* (предпочтительный), *содагиварақ*

(простой), *талхиизхор* (стенающий), *тирагиёт* (мутный), *фурӯтаниарса* (скромный), *хомӯшиманзил* (избравший молчание) и др.:

Бедил, аз баҳси вожгунисабақат

Зангат зи сафо дамиду қир аз арақат. [т.2, 278]

Бедиль, в результате бесперспективных диспутов

У чистоты появилась ржавчина, у пота – чернота.

1.1. Классификация композитов с точки зрения степени их использования. В данной модели чаще всего является архаичным второй компонент сложного слова (арабского): *габришям* (с характером огнепоклонника), *зиндагирахн* (имеющий жизнь в залоге), *нуриктисоб* (приобретающий свет), *хандамақрун* (соседствующий со смехом) и др.:

Ҳафт сол он ҷухуди габришям

Шир медоду чизи дигар ҳам. [т.3, 386]

Семь лет тот еврей с характером огнепоклонника

Давал молоко и еще много чего.

2. Модель «имя существительное + имя прилагательное» относится к непродуктивным моделям сложения группы композитов «**таджикское слово + арабское слово**». Из слов этой группы нами был обнаружен только один композит – *занчалаб* [т.2, 632-633]. Следует отметить, что в поэзии Бедиля некоторые композиты относятся к просторечной лексике, примером чему является указанное сложное слово.

Данная модель двuisходна: производит существительные и прилагательные.

3. Модель «имя существительное + основа настоящего времени глагола». В группе композитов «**таджикское слово + арабское слово**» эта модель считается малопродуктивной, поскольку по ней обнаружено всего 10 сложных слов: *дармонталаб* (просящий исцеления), *зеварталаб* (жаждущий украшения), *шишаталаб* (просящий сосуд с вином), *нонталаб* (алчущий хлеба), *хочаталаб* (нуждающийся в благодеянии), *нолафаҳм* (испытывавший сострадание), *ошнофаҳм* (понимающий друга) и др. Анализ

этого ряда композитов свидетельствует, что в их образовании принимают активное участие глаголы *талабидан* (образовал восемь композитов), *фаҳмидан* (образовал два сложных слова).

Из этой группы слов в «Лугат-наме» зафиксированы только композиты *дармонталаб* и *нонталаб*, остальные же нами не выявлены. Лексему *дармонталаб* Деххудо комментирует в своем словаре как «ищущий средство для излечения болезни; требующий излечения; кто хочет лечиться лекарством» [303, 1, 1272]. В этом же значении это сложное слово употреблено в одном из бейтов месневи «Мухити а'зам»:

Ба бемориш чӯ дармонталаб,
Ба дарюза аз хору хас нонталаб. [т.3, 731]
 Ищет лекарство от болезни голода,
 Просит подаяния – хлеба у хвороста.

В приведенном бейте встречается также композит *нонталаб*, комментируемый Деххудо как «нищий, тот, кто требует силы и пищи от других; тот, кто трудится ради пропитания» [303, 2, 2951-2952]. В поэзии Абульмаони это сложное слово употреблено в первом значении в одном из бейтов меснави «Мухити а'зам».

Хотя некоторые композиты этой группы не встречаются в толковых словарях, в разговорной речи они известны. К примеру, композит *обталаб* (просящий воды) употребляется в значении «земля, нуждающаяся в воде, в орошении посевов» [см.: 296, 2, 12]. В поэзии Бедиля оно употребляется именно в таком значении:

Ёфт бӯзина з-он ҷунунтааб,
К-ин ҷигарташина аст обталаб. [т.3, 286]
 Поняла обезьяна из действий того безумного,
 Что этот измученный просит воды.

Таким образом, анализ языкового материала удостоверяет в том, что данная модель непродуктивна, однако, несмотря на это, с участием определенных глаголов (*талабидан*, *фаҳмидан*) образует композиты,

исходной единицей для которых являются глагольные словосочетания. Лексические единицы выражают сложные понятия ёмко выразительно и часть их до сих пор находится в обращении в таджикском языке.

4. Модель «имя прилагательное + имя существительное». По сравнению с указанной выше моделью она является продуктивной, поскольку образовала более двадцати новых композитов: *гармтаъсир* (активный), *куҳнадайр* (старый монастырь), *куҳнамашқ* (мир), *сияҳварақ* (черная бумага), *ноумедшуур* (отчаявшийся) и др. В образовании композитов по данной модели активное участие принимают прилагательные: *куҳна*, *танг* с помощью которых образовано большое количество сложных слов: *куҳнабисот* (бережливый, хозяйственный), *куҳнадайр* (старый монастырь), *куҳнамашқ* (давно тренирующийся), *куҳнаридо* (старая накидка), *тангфурсат* (торопливый), *тангфазо* (с ограниченным пространством) и др.

Композит *навдавлат*, комментируемый в «Словаре таджикского языка» как «человек, недавно обретший состояние, только что приобретший положение и имущество» [295, 1, 819], а в «Лугат-наме» – как «выскачка; недавно достигший состояния; тот, кто только что приобрел собственность; впервые ставший обладателем больших денег; только что взошедший» [303, 2, 3058], использован Бедилем в рубаи в его прямом значении:

*Он навдавлат барги гано пайдо кард,
Ҳангомаи нози кибриё пайдо кард. [т.2, 368]*
Тот выскачка стал богатым,
Приобрел надменность и гордыню.

Данная модель образует прилагательные, однако анализируемое сложное слово в этом стихе подверглось субстантивации.

Композит *тангфазо* имеет относительно высокую частотность и трактуется в «Лугат-наме» следующим образом: «ничтожный, презренный, презираемый; невместительный; место, где кто-то или что-то с трудом

находит себе место» [303, 1, 793]. В газели и рубаи Бедиля это сложное слово используется в следующих значениях:

а) ничтожный, презренный, презираемый; ограниченное пространство:

Талаб афсурда шавад, ҳиммат агар тангфазост,

Тапиши мавҷ ба андозаи дарё бошад. [т.1 (п.ч.), 499]

Если усердие имеет ограниченное пространство, спрос увядает,

Высота волны соответствует объему реки.

б) иносказательно – мир:

Сар то сари офоқ як оғӯши адам дошт,

Ҷуз ҳеч нагунҷид дар ин тангфазо ҳеч. [т.1 (п.ч.), 418]

С этого края до того края мир имел одно объятие небытия,

В этом мире ничего, кроме ничего, не вмещается.

В образовании композитов данной модели большую валентность проявляют прилагательные *куҳна*, *танг*, *тиҳӣ*, посредством которых образуются композиты: *куҳнабисот* (бережливый, хозяйственный), *куҳнадайр* (старый монастырь), *куҳнамашиқ* (давно тренирующийся), *куҳнаридо* (старая накидка), *тангфурсат* (торопливый), *тангфазо* (с ограниченным пространством), *тиҳизарф* (малая ёмкость) и др.:

То дар ин куҳнадайри ҳечмадор

Асаре вогузорад аз осор. [т.3, 330]

Для того, чтобы в этом безорбитном старом мире

Оставить о себе какой-либо след.

В этой связи следует отметить, что большинство композитов этой модели в толковых словарях не встречается, однако находится в обращении в говорах таджикского языка (хотя и в другом значении). Например, сложное слово *куҳнабисот* в авторитетных толковых словарях не встречается, однако в северном говоре таджикского языка употребляется в значении «бережливый, хозяйственный» [289, 135]. Изучение поэтических текстов Бедиля показывает, что поэт употребляет эту лексическую единицу в значении «вселенная, мир»:

Сомони камоли мо дар ин куҳнабисот

Гардест чу субҳ поймоли нафасе. [т.2, 580]

Богатство нашего совершенства в этом старом мире –

Пыль, которая исчезнет, как утро, от дыхания.

В поэзии Бедиля композит *тиҳизарф* встречается в двух значениях:

а) в значении «лишённый»:

Ҳарчанд ба сози наҳв ё сарф оӣ,

*Ҳайф аст, ки маҷҳулу **тиҳизарф** оӣ.* [т.2, 593]

Сколько бы не соответствовал синтаксису или морфологии,

Будет жалко, если пройдешь неизвестным и лишенным.

б) в значении «убогий»:

К-аз афсонапардозии ҳарфе чанд

*Ба шӯранд ин чо **тиҳизарфе** чанд.* [т.3, 782]

От небылиц нескольких людей

Здесь волнуются некоторые убогие.

Таким образом, модель «имя прилагательное + имя существительное» относительно продуктивна и образовала более двадцати сложных слов. Большинство композитов, по всей видимости, принадлежат перу Абульмаони, поскольку в имеющихся словарях они не встречаются.

5. Модель «основа глагола прошедшего времени + имя существительное». Эта модель принадлежит к непродуктивной группе моделей, поскольку согласно ей нами были обнаружены всего шесть композитов: *ҷустсабақ* (проворный человек), *шикастосор* (разбитый), *шикастэйтибор* (потерявший авторитет) и др.

Указанные композиты не зафиксированы в имеющихся словарях, и не исключено, что они являются творениями самого поэта. В этих композитах, исходной единицей для которых являются глагольные словосочетания, является «главенствующим» не второй, а первый компонент:

*Яке аз ҳозирони **ҷустсабақ***

Навбареро намуд зеби табақ. [т.3, 356]

Один из присутствующих – проворный человек

Украсил поднос ранним плодом.

Монда з-он ибрати шикастосор

Дастам аз кору поям аз рафтор. [т.3, 356]

От назидательного урока того разбитого

Перестали работать мои руки и двигаться мои ноги.

В образовании этой группы сложных слов принимают активное участие два глагола – *шикастан* и *чустан*. Данная модель одноисходна: производит прилагательные. В этой группе композитов некоторые композиты, такие как *шикастиктисоб* (обретающий крах) являются архаичными.

6. Модель «наречие + имя существительное» считается непродуктивной моделью группы композитов типа «таджикское слово + арабское слово», поскольку по ней нами обнаружен только один композит – *зермаиқ* (начало), первоначальным значением которого Деххудо считает «нечто из кожи и бумаги, на котором пишут» [303, 1, 1605]. Из толкования ученого следует, что это сложное слово употребляется и в значении «подчиненный» или «основа» [303, 1, 1605]. Названный композит встречается в месневи «Мухити а’зам» и «Ирфан» шесть раз как в прямом, так и в переносном значении:

Дилеро, ки аз дард хоҳад амон,

Хамӯшӣ бувад зермаиқи фиғон. [т.3, 649]

Сердце, которое просит снисхождения к боли,

Молчание является попитром крика.

Данная модель является одноисходной и производит только существительные.

Таким образом, ряд композитов типа татпуруша образован посредством соединения таджикского слова с арабским словом,

результатом чего является образование более ста сложных слов. Анализ принадлежности компонентов сложного слова показывает, что названные композиты создаются в результате соединения слов различных лексико-грамматических групп. Продуктивной моделью, несомненно, является модель «имя существительное + имя существительное». Названная модель активна в производстве прилагательных и существительных.

3.1.6. Татпуруша типа «таджикское слово + индийское слово»

По этой модели в поэзии Бедиля зафиксирован только один композит – *найшакар* (сахарный тростник) [т.1 (п.ч.), 771], который в словарях изъясняется как «разновидность тростника, из которого производят сахар» [295, 1, 828; 303, 2, 3084] и в этом значении он встречается в стихотворении поэта:

Бедил, чу банди найшакар аз фикри он даҳан

Маънӣ фишори қофияи танг мекашад. [т.1 (п.ч.), 663]

Бедиль, как междоузлие сахарного тростника, думая
об устах (возлюбленной),

Смысл находится под давлением трудной рифмы.

Таким образом, в образовании новых лексических единиц были задействованы и индийские заимствования. Бедиль, вышедший из индийской земли и достигший здесь совершеннолетия, не мог не использовать индийские слова и выражения. Анализ языкового материала показывает, что в большинстве случаев (в 11-ти композитах) индийские слова подчинены таджикской лексеме, примером чему являются композиты *шакарзо*, *шакаррез*, *шатранчбоз* и др., однако в одном случае (*найшакар*) таджикское слово подчинено индийскому слову. Другими словами, модель «индийское слово + таджикское слово», в отличие от модели «таджикское слово + индийское слово», проявляет большую активность в образовании композитов и более продуктивна.

Из этой группы слов сложное слово *найшакар* относится к наиболее употребляемым композитам в поэзии Бедиля.

3.1.7. Татпуруша типа «таджикское слово + греческое слово»

В поэзии Бедиля обнаружены всего три композита: *дарвозакалид* (ключи от ворот) [т.2, 588], *тиҳиқолаб* (пустая форма) и *куҳандафтар* (мир) [т.3, 203], образованные путем соединения таджикского и греческого слов.

В поэзии Бедиля *куҳандафтар* является синонимом словосочетания *китоби қадим* (древняя книга), но может встречаться и в значении «мир»:

*Пире аз мубадони он иқлим,
Чун фалак нусхаи китоби қадим...
Вонамуда рагу паяи яксар
Хатти тақвими ин куҳандафтар.* [т.3, 203]
Старец из мобедов той страны,
Как небосвод – копия старинной книги...
У него кровеносные сосуды и сухожилия,
Как линии календаря этой старой книги.

Таким образом, в этой группе татпуруша Абульмаони использовал как таджикские слова, так и заимствованные. Материалы исследования убеждают в том, что в образовании композитов значительна роль таджикских слов, поскольку, подчинив себе большое количество зависимых слов, они способствуют образованию композитов. Вместе с тем с исконными словами относительно редко используются заимствования для образования сложных слов.

Абульмаони удалось достичь синонимии и антонимии указанных сложных слов, а в ряде случаев использовать различные варианты лексических единиц.

3.2. Татпуруша с двумя заимствованными компонентами

Заимствованные слова, в особенности из арабского языка, приспособившись к природе и фонетико-грамматической структуре таджикского языка, участвуют в образовании новых сложных слов посредством подчинительной связи. Эту группу композитов можно подразделить следующим образом:

3.2.1. Татпуруша типа «арабское слово + арабское слово»

Словарный фонд языка развивается за счет внутренних факторов, в том числе через обогащение словарного фонда заимствованиями слов из других языков, расширения семантики словарных единиц. Ученые и сегодня продолжают споры относительно наиболее эффективных факторов обогащения словарного запаса, так как «на всех этапах ... развития изменялся удельный вес ведущих процессов пополнения словарного состава, однако главными и наиболее интенсивными процессами развития лексики на всех этапах истории персидского языка были внутреннее модельное словообразование, заимствование иноязычной лексики и изменение семантической структуры слов» [221, 15-16]. При этом очевидно, что словообразование является одним из наиболее распространенных способов развития лексического состава языка. Имея в виду те же возможности и словообразовательный потенциал таджикского языка, в начале прошлого века профессор Е.Э. Бертельс отмечал, что «его возможности (персидско-таджикского языка – О.М.) безграничны, и при разнообразии словообразовательных моделей, ни один европейский язык не может сравниться с этим языком» [156, 83].

В результате арабского нашествия [см.: 218, 44] и еще ранее [см.: 174, 446], ряд арабских слов, проникнув в таджикский язык, подвергся активному усвоению. Исследователи считают, что «из всех языков Ближнего и Среднего Востока, подвергшихся арабскому влиянию, персидский (таджикский – О.М.) язык по количеству арабских лексических

заимствований стоит на первом месте» [221, 35]. Поэтому сегодня в лексическом составе таджикского (персидского) языка находится в обращении более 50 %, а в отдельных текстах – до 80 % арабских заимствований [см.: 231, 220]. Таким образом, «арабские заимствования, отдалившись от своей исконной формы, претерпели серьезные языковые изменения» [56, 106] и адаптировались к фонетическим законам таджикского языка [см.: 231, 805], в результате чего стали активно вовлекаться в словообразовательный процесс [см.: 55, 112].

В поэзии Бедиля обнаружено более 300 композитов типа татпуруша, образованных от двух арабских слов: *абадинтизор* (ожидающий бессмертия), *адаммуштоқ* (жаждущий небытия), *аламтаъмир* (созданный из страданий), *бақоҳавас* (желавший вечности), *вахмэҷод* (вызывающий ужас), *ифшомуштоқ* (раскрывающий тайны), *илмфиреб* (искуситель науки) и др.

Композиты этой модели по принадлежности их компонентов к лексико-грамматическим группам можно разделить на две подгруппы:

- 1) модель «имя существительное + имя существительное»;
- 2) модель «имя прилагательное + имя существительное».

Из этих двух групп композитов типа татпуруша первая модель наиболее продуктивна и на ее основе образовано 292 сложных слова. Вторая модель по сравнению с первой является малопродуктивной и образовала всего 12 композитов.

1. Модель «имя существительное + имя существительное» является наиболее продуктивной в образовании сложных слов типа «**арабское слово + арабское слово**». Бедиль в результате соединения двух арабских слов создает новые композиты и тем самым способствует обогащению лексического фонда таджикского языка. Арабская лексема *муштоқ*, подчинив основы *адам* (небытие), *арақ* (пот), *ватан* (родина), *гано* (богатство), *ифшо* (разоблачение), *саҷда* (поклон), *фано* (тленность), *ҳавас* (желание), *чилва* (блеск), создает сложные слова: *адаммуштоқ* (жаждущий небытия), *арақмуштоқ* (жаждущий стыдливости), *ватанмуштоқ*

(жаждущий родины), *ганомуштоқ* (жаждущий богатства), *сачдамуштоқ* (думающий о поклонении), *фаномуштоқ* (думающий о небытии), *чилвамуштоқ* (жаждущий блеска) и др.:

Саркашам, аммо чабини сачдамуштоқам чу шамъ,

Аз нами ашки чакидан моиле оростанд. [т.1 (п.ч.), 621]

В каждом моем молчании скрыт голос,

(В нем) есть полёт и неисчислимы устремления ввысь.

Анализ показывает, что, во-первых, лексема *муштоқ*, подчинив различные существительные, образовала множество композитов, во-вторых, способствовала образованию десяти сложных слов по модели «арабское слово + арабское слово», исходной единицей для которых является изафетное словосочетание «*муштоқи касе ва ё чизе*» (жаждать, стремиться). Модель двуисходна: образует и существительные, и прилагательные. Вышеуказанные композиты не зафиксированы в толковых словарях [285; 295; 296; 301; 303; 305; 306; 307] и, вероятно, являются нововведениями самого поэта. Из этой группы композитов в поэзии Бедиля композит *чилвамуштоқ* характеризуется наибольшей частотностью (встречается пять раз), остальные употреблены поэтом только в одном случае.

Арабская лексема *моил*, комментируемая в толковых словарях как «1. склоняющийся; 2. пер. склонный, расположенный к чему-то; 3. пер. близкий к чему-л.» [295, 1, 698]; «1. стремящийся к чему-либо, намеревающийся, имеющий склонность к чему-либо, страстно желающий, жаждущий; 2. склонный, расположенный; 3. склонный, расположенный» [307, 3, 3746]; «возвращающийся с пути, оставляющий путь, отклоняющийся от пути» [303, 2, 2568], также принимает активное участие в образовании композитов типа татпуруша, таких как *имтиҳонмоил* (испытывающий), *қусурмоил* (склонный к недостатку), *нумумоил* (стремящийся к произрастанию) и *офиятмоил* (стремящийся к благополучию), *фитнамоил* (склонный к интригам), *ҳавасмоил* (склонный к

увлечениям), *чаҳдмоил* (прилагающий усилия). На наш взгляд, именно метафоричное значение слова *моил* обусловило образование указанных сложных слов.

Донае то шавад нумумоил,

Сар бурун мекашад зи сад ман гил. [т.3, 252]

Зерно, чтобы достичь произрастания,

Всходит из сотни пудов глины.

Другой словообразовательной основой является лексема *бисмил*, которая в имеющихся словарях трактуется следующим образом: «заколотый, обезглавленный, убитый» [295, 1, 186]; «все, что закололи, то есть обезглавили» [303, 1, 437]. В «Персидском словаре» Муина приводятся два значения этого слова: «1. забитое животное с перерезанным горлом; 2. обладающий терпением, преуспевающий» [307, 1, 536]. Во всех словарях упоминается, что слово подразумевает понятие *бисмиллоҳ*, поскольку «при забое животного необходимо произносить бисмиллах» [303, 1, 437].

Анализируемое слово в первом значении привело к образованию шести лексических единиц: *роҳатбисмил* (убитый блаженством), *тахайюрбисмил* (убитый воображением), *хаёлбисмил* (убитый фантазией), *ҳавасбисмил* (убитый вожделением), *ҳасратбисмил* (убитый скорбью), *чунунбисмил* (убитый безумием):

Хаёлбисмили найранги ҳайратам, Бедил,

Ба хун тапидани ман болу пар наметобад. [т.1 (п.ч.), 545]

Я являюсь жертвой уловки удивления, Бедиль,

Трепетание в моей крови не требует перьев и крыльев.

Большая группа композитов типа татпуруша образована на основе выпадения изафета. Основой для сложения данных композитов является арабское слово *соҳиб* (владелец, обладающий). К примеру, *соҳибдимог* (проницательный), *соҳибкарам* (великодушный), *соҳибмаънӣ* (многозначительный), *соҳибнафас* (дышащий), *соҳибнашъа* (опьяняющий), *соҳибравнақ* (развитый), *соҳибрамз* (символический), *соҳибҳузур*

(присутствующий), *соҳибхусн* (красивый), *соҳибчалол* (величественный) и др.:

*Кори соҳибнафас фусурдан нест,
Ки фусурдан ба гайри мурдан нест.* [т.3, 138]
Увядание не дело дышащего человека,
Ибо увядание есть смерть.

Анализ композитов типа «**арабское слово + арабское слово**», образованных от двух существительных, показывает, что, соединив арабские слова, Бедиль обогатил словарный фонд таджикского языка, так как большинство выявленных нами слов не встречается в имеющихся толковых словарях. Во-вторых, данная словообразовательная модель двуисходна и создаёт существительные и прилагательные, наконец, исходной единицей для этих слов являются изафетные словосочетания.

2. Модель «имя прилагательное + имя существительное». По этой модели выявлено 12 композитов типа татпуруша: *дақиқфан* (точный предмет), *мураббаъасар* (производящий впечатление; впечатляющий), *мустақилҳол* (самостоятельный), *муфассалҳавас* (усердный), *мухолифасар* (противодействующий) и др. Например, в следующем бейте композит *мураббаъасар* использовано в значении «производящий впечатление; впечатляющий»:

*Каломе, ки аз табъи ӯ кард гул,
Мараббаъасар буд аз чор «кул».* [т.3, 711]
Действенность слов, истекающих из его природы,
Происходила из четырёх «кул¹».

Данная модель является двуисходной и производит существительные и прилагательные. Грузинский исследователь Т.А.Чавчавадзе считает эту модель трехисходной и подчеркивает, что посредством изучаемой модели создаются и наречия [см.: 251, 137], что нам не удалось обнаружить.

¹ кул – намек на четыре суры Корана, начинающиеся словом «кул» - «скажи»

2.1. Классификация композитов по степени использования компонентов. В зависимости от того, какой из компонентов является архаичным, названные композиты можно разделить на две группы:

1. Сложные слова, первый компонент которых является архаичным: *гароматсила* (раскаивающийся), *калафасар* (запятнанный), *маъдалатэчод* (справедливый), *тачаррудбаён* (говорящий об одиночестве), *ташъиячамоат* (пребывающий с людьми) и др.

Как упоминалось выше, большинство проанализированных слов принадлежит к перу Бедиля. Поэт мастерски использовал большое количество арабизмов для образования новых композитов. Следует отметить, что в ряде сложных слов первый компонент является архаичным и сегодня относится к малоупотребительной лексике. Например, в слове *гароматсила* первый компонент архаичен. В толковых словарях приводятся два значения анализируемого композита: «1. возмещение убытков, компенсация, все, что необходимо выполнить; штраф 2. сожаление и раскаяние, сожаление» [295, 2, 649]. В «Лугат-наме» Деххудо оно определяется как «возмещение убытков, то, что нужно уплатить» [303, 2, 2046]. Слово *сила / силат* означает «дар, подарок, прощение» [295, 2, 236], а исходной единицей для сложного слова, является, на наш взгляд, выражение *гаромат зи сила*, которое в результате эллипсиса предлога *зи* преобразилось в композит *гароматсила*:

Ноҳамворӣ зи бас гароматсила аст,

Бар чехраи эътибори халқ обила аст. [т.2, 341]

Так как из-за негладкости требует возмещения,

Она является прыщом на лице репутации народа.

2. Сложные слова, второй компонент которых является архаичным: *адамсаббоҳ* (исчезнувший в плавании), *ваҳмтасвид* (мрачный мир), *ваҳшатмаол* (страшный исход), *таҳайормаол* (исход удивления), *маъниафсод* (испорченный) и др.

В композите *ваҳмтасвид* арабский компонент *тасвид* является архаичным и в словарях интерпретируется как «писать, написать черновик чего-либо, копировать» [295, 2, 336]. Из толкования Деххудо явствует, что это сложное слово использовано в переносном значении [303, 1, 739]. Таким образом, можно сделать вывод, что исходной единицей для композита является словосочетание *ба ваҳм тасвид*, которое в результате усечения предлога «ба» было преобразовано в сложное слово:

Ба девони чаҳони ваҳмтасвид

Чу ирфон маъни бегона гардид. [т.3, 491]

В диване мрачного мира,

Как ирфан, стал необычным (чужим) смыслом.

Из анализа композитов с двумя арабскими компонентами следует, что Бедиль как истинный знаток слова с целью обогащения лексического запаса таджикского (персидского) языка образовал множество лексических единиц, в частности и посредством арабских заимствований, число которых, как уже упоминалось, составляет более 300 композитов. Исследуемые композиты с точки зрения частеречной принадлежности компонентов можно разделить на две группы: композиты модели «имя существительное + имя существительное» и композиты модели «имя прилагательное + имя существительное». Первая модель достаточно продуктивна и по ней образовано более 200 новых композитов. Это обусловлено тем, что в лексическом составе таджикского языка, в отличие от арабского языка, присутствует больше имен существительных. Данная модель двусходна и образует имена существительные и прилагательные. Анализ степени употребления компонентов сложных слов показывает, что в более поздний период развития таджикского языка часть сложных слов приобрела архаичный характер. С этой точки зрения мы разделили сложные слова на две группы — сложные слова, первый компонент которых архаичен, и сложные слова, второй компонент которых состоит из устаревшего элемента. Анализ языкового материала доказывает, что

компози́ты с архаичным компонентом в препозиции превалируют в количественном отношении.

Преобразование словосочетаний в сложные слова считается одним из отличий индийского стиля, в особенности поэзии Бедиля.

3.2.2. Татпуруша типа «греческое слово + арабское слово»

В двух случаях арабские слова, подчинив греческие, способствуют созданию нового композита. Например, *кимийёталаб* (ищущий квинтэссенцию). Исконной единицей для данного композита является изафетное словосочетание *талаби кимийё* и *эчоди қафас*. Оба композита встречаются в месневи «Ирфан»:

Он гурӯҳе, ки кимийёталабанд,

Бе такаллуф, ба оламе аҷабанд. [т.3, 338]

Та группа людей, которые ищут квинтэссенцию,
Непритязательные, находятся в интересном мире.

Қафасэҷодӣ аз пари парвоз,

Кӯҳсорофаринӣ аз овоз. [т.3, 138]

Из перьев крыла ты творишь клетку,
Из эха звука ты создаешь горы.

Таким образом, в поэзии Абульмаони татпуруша типа «греческое слово + арабское слово» составляют небольшую группу композитов и по этой модели образуются существительные.

3.2.3. Татпуруша типа «тюркское слово + арабское слово»

В одном случае тюркское слово *сурог*, вступив в семантические отношения с арабским словом *вучуб* (обязательный), создает композит *сурогвучуб* (думающий об обязательном предписании).

Поскольку арабское слово *вучуб* (обязательный, необходимый) [295, 1, 246] относится к устаревшим словам, композиты, образованные

посредством этого слова, также причисляются к малоупотребительным лексемам и встречаются только в одном бейте месневи поэта «Тилисми хайрат»:

Ҳамчунон ақл шуд сурогвучуб,

Ҳар тулӯест вонамои гуруб. [т.3, 45]

Также для ума поиск стал обязательным,

Каждый восход отражает закат.

Результатом словопроизводства по этой модели является имя существительное.

3.2.4. Татпуруша типа «арабское слово + тюркское слово»

В поэзии Бедиля встречаются композиты *масаллисуроғ* (искать успокоения), *тарабаёғ* (ищущий веселья), созданные посредством соединения арабского и тюркского слова:

Аз қатра то муҳит масаллисуроғ нест,

Осудағӣ зи кишвари мо бор бастааст. [т.1 (п.ч.), 368]

От капли до океана нигде нет спокойствия,

Спокойствие покинуло нашу страну.

Навниҳолон тарабаёғ шуданд,

Рангу бўҳо чамандимог шуданд. [т.3, 253]

Молодые деревья ищут веселья,

Цвета и запахи ищут цветника.

Следует отметить, что в месневи «Ирфан» встречается также слово, которое благодаря присоединению к арабскому слову тюркского суффикса *-тош / -дош* [см.: 303, 1, 680] образует дериват *хочатош*. Рассматриваемое сложное слово в «Лугат-наме» Деххудо комментируется как «два раба, у которых один хозяин; двое слуг одного господина» [303, 1, 1169], и в этом значении используется в поэзии Бедиля:

Хочатошони чавҳарогоҳаиш

Мужда карданд тухфаи шоҳаш. [т.3, 284]

Слуги господина, знающие его натуру,

Подали добрую весть о подарке шаха.

Исследование доказывает, что заимствованные слова не только вошли в лексический состав таджикского языка, но и адаптировались к его фонетическим и грамматическим особенностям. В этой связи представляют интерес слова Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона: «Нет языка, который не был бы подвержен влиянию иностранного языка и не смешался бы отчасти с другими языками. Взаимовлияние языков естественно, но не тождественно» [90, 1, 431-432].

Таким образом, изучение и анализ поэзии Бедиля убеждает в том, что в образовании композитов он широко использует заимствованные слова. При создании сложных слов поэт использует заимствованные лексические единицы из арабского, хинди, греческого, тюркских языков. Поскольку таджикский язык по большей части заимствовал слова из арабского языка, арабские заимствования использованы в образовании композитов в большей мере.

Сложные слова данной группы разделены на две группы: 1) композиты с одним заимствованным и одним исконным компонентом; 2) сложные слова с двумя заимствованными частями. Изучение собранного материала показывает, что первая группа составляет наибольшее количество новых лексических единиц. Так, на основе первой модели были образованы 1600 композитов, в то время как по модели второй группы - всего 309 сложных слов. В более чем 1600 лексических единиц первой группы, образованных посредством соединения исконного слова и заимствованного, в 1434 композитах главным членом является таджикская лексема.

В этой группе композитов Абульмаони также достигает антонимии и синонимии лексических единиц, а ряд сложных слов использует в различных вариантах. Одновременно композиты этой группы классифицируются на архаичные и общеупотребительные. Анализ языка

поэзии Бедиля свидетельствует о том, что большая часть проанализированных композитов принадлежит перу Абульмаони.

Статистический анализ композитов типа «таджикское слово + заимствованное слово» приведен в таблице 2.

Таблица 2

№	заимствованное слово + таджикское слово	Число продуктов модели	таджикское слово + заимствованное слово	Число продуктов модели	заимствованное слово + заимствованное слово	Число продуктов модели
1	арабское слово + таджикское слово	1434	таджикское слово + арабское слово	153	арабское слово + арабское слово	304
2	индийское слово + таджикское слово	11	таджикское слово + индийское слово	1	греческое слово + арабское слово	2
3	греческое слово + таджикское слово	13	таджикское слово + греческое слово	3	тюркское слово + арабское слово	1
4	тюркское слово + таджикское слово	1			арабское слово + тюркское слово	2
	Итого:	1459		157		309

ЧЕТВЕРТАЯ ГЛАВА

СПЕЦИФИЧЕСКИЙ СТИЛЬ БЕДИЛЯ В ОБРАЗОВАНИИ КОМПОЗИТОВ

4.1. Собственно татпуруша в поэзии Бедиля

Благодаря многочисленным исследованиям, осуществленным в течение последних ста лет, наука о словообразовании вступила в новый период развития и была признана самостоятельной наукой.

Исследование Т.А. Чавчавадзе [см.: 251] является одной из ценных работ подобного рода, в которой учёный характеризует двадцать шесть моделей словообразования типа татпуруша. Изучение материалов литературного языка, в особенности языка таджикской классической литературы, доказывает, что не все модели образования этого типа слов установлены учеными. По мнению исследователей, «в процессе словосложения в каждом отдельном языке проявляются общие черты, обусловленные генетическим родством с другими языками, и черты национального своеобразия того или иного языка» [163, 38-39].

Исследование фактологического материала показывает, что, наряду с моделями, указанными в научной работе Т.А. Чавчавадзе, в частности татпуруша, существуют и другие модели, по которым не проведены исследования. Необходимо также отметить, что исследование Т.А. Чавчавадзе не может охватить все модели образования сложных слов таджикского (персидского) языка, поскольку основным объектом для рассуждений исследователя послужил материал, «который выбран из двухтомного персидско-русского словаря, изданного под редакцией Ю.А. Рубинчика» [251, 13], вобравший всего 60 тысяч словарных единиц [см.: 299, 8], в то время как, согласно исследованиям ученых, «количество слов в таджикском литературном языке составляет более ста тысяч» [145, 147]. Так, по сведениям известного ученого Л.С. Пейсикова, осуществившего исследование на материале «Словаря Нафиси» Алиакбара Нафиси, словарный состав персидского языка включает 158 431 лексическую

единицу [см.: 221, 31]. Из чего следует, что словарь Ю.А. Рубинчика, как и другие словари, не в полной мере отразил все богатство таджикского (персидского) языка.

Изучение поэзии Бедиля убеждает, что возможности и потенциал таджикского языка в образовании сложных слов обширны. В частности, в поэтическом наследии поэта встречается множество сложных слов, модели образования которых в проведенных исследованиях не указаны. В ходе исследования нами выявлено около ста новых слов, образованных по уникальным моделям, в которых инфинитивы участвуют как в качестве первого, так и второго компонента. В целом анализ языкового материала позволяет нам классифицировать композиты поэзии Бедиля с точки зрения частеречной принадлежности на следующие лексико-грамматические группы:

4.1.1. Татпуруша типа «таджикское слово + таджикское слово». Эта группа композитов составляет более 40 языковых единиц. Сложные слова этой группы с точки зрения принадлежности компонентов к лексико-грамматическим группам можно разделить на следующие подгруппы.

1. Модель «имя существительное + инфинитив». По этой модели выявлено 18 лексических единиц, среди которых наиболее продуктивными являются существительные *гирех* (узел), *гунча* (бутон), *гул* (цветок), *доман* (подол), *лаб* (губы), *пар* (перо) и др., образующие композиты *гиреххӯрдан* (испытывать трудности), *гунчакхустидан* (спать в бутоне), *доманафишурдан* (выжимать подол), *парзадан* (взмахивать крыльями), *доманишикастан* (поднявший подол), *настиофаридан* (скромность) и др. Анализ показывает, что:

1.1. Ряд композитов образован согласно этой модели без участия других элементов: *доманафишурдан*, *иқболфузудан*, *гунчакхустидан* и др.:

Баҳор омад, аз шавқ гул чидан аст,

На ҳангомаи гунчакхустидан аст. [т.3, 663]

Пришла весна – пора воодушевленного сбора цветов,

Это не время для спячки в бутоне.

1.2. В другой группе сложных слов для образования композитов от составных именных инфинитивов привлекается суффикс *-ҳо*: *доманкашиданҳо* (уклоняться, распространяться), *қадкашиданҳо* (вытягиваться), *сарбуриданҳо* (отсекать голову), *лабкушуданҳо* (открывать рот), *гумишуданҳо* (потеряться) и др.

Несмотря на то, что инфинитив является одной из форм глагола, в нем сочетаются признаки и глагола, и существительного, и поэтому, в силу его «двойственной природы», инфинитив можно выполнять номинативную функцию, которая ярко проявляется в некоторых стихотворениях Бедиль [см.: 113, 257]. В особенности такое свойство инфинитива отчетливо прослеживается, когда к инфинитиву присоединяется суффикс множественного числа *-ҳо*. К примеру:

Саропо маҳв шав, то чумла огоҳӣ шавӣ, Бедил,

Ба қадри гумишуданҳо ҳар ки ин чо раҳнамо дорад. [т.1 (п.ч.), 524]

Нужно полностью уничтожиться, чтобы стать

полностью осведомлённым,

Бедиль, здесь каждый имеет путеводитель

на уровне потерянности.

Гиреҳкушои суханвар сухан бувад, Бедил,

Ба нохуне нафитад кори лабкушуданҳо. [т.1 (п.ч.), 57]

Слово устраняет трудности мастера слова, Бедиль,

Никогда трудности, решаемые словом, ноготь не решает.

Так, в слове *орамиданҳо* инфинитив, соединяясь с суффикс *-ҳо*, проявляет свою номинативную функцию [см.: 113, 261]. Присоединение суффикса *-ҳо* к составным инфинитивам *гум шудан*, *доман кашидан*, *доман шикастан*, *қад кашидан*, *лаб кушудан* также способствовало образованию композитов с номинативным значением. В своей поэзии Бедиль расширил

грамматические возможности вспомогательных элементов, таких как суффикс *-ҳо*, посредством которых создал новые композиты.

2. Модель «инфинитив + имя существительное» относится к наиболее употребительным моделям типа татпуруша, в которых чаще всего используются инфинитивы *фусурдан* (блекнуть), *шукуфтан* (расцветать). Например, *тапиданбаҳор* (трепетание весны), *тапиданнаво* (мотив трепетания), *фусурданкеш* (увядший), *фусурдансаро* (мир, одаривающий болью), *тапиданмоя* (трепещущий) и др.:

Маям чу накҳати гул чавҳари ҳаво гардид,

*Ҳанӯзам шишаи рангам **шикастаногоз аст.*** [т.1 (п.ч.), 286]

Моё вино, как аромат цветка, стало сутью воздуха,

Сосуд моего цвета только что открыли.

3. Модель «имя прилагательное + инфинитив». По этой модели сложения слов в поэзии Бедиля выявлены два сложных слова: *баландчиданҳо* (заносится), *хушквомондан* (умолкнуть), встречающиеся в месневи поэта:

Ба ҳар хушквомондан сози ман

Бинозад ба сад абр парвози ман. [т.3, 801]

На каждое умолчание моего инструмента

Мой полет будет краше, чем полет облака.

Ҳайф бошад зи мағзи хурдаҳаво

*Бар заифон **баландчиданҳо.*** [т.3, 303]

Очень жаль, если недалекий человек

Будет заноситься перед слабыми.

Анализ второго бейта показывает, что, как и по модели «имя существительное + инфинитив», в некоторых лексемах этого типа суффикс *-ҳо*, соединяясь с составным инфинитивом, именная часть которого выражена прилагательным, образует новые композиты.

4. Модель «инфинитив + основа настоящего времени глагола». В поэзии Бедиля обнаружено пять композитов типа татпуруша: *болиданандеш* (ликующий), *орамиданомӯз* (успокаиваться), *сӯхтансоз* (горюющий), *гусастангусил* (освободившийся от чужого) и *чакиданандоз* (расстилающаяся (слеза)):

Чу гардад бӯи гул болиданандеш,

Шавад пирохани пирохани хеш. [т.3, 429]

Как только аромат цветка будет усиливаться,

Он станет сорочкой своей сорочки

(имеются в виду лепестки розы).

5. Модель «местоимение + инфинитив» по сравнению со всеми указанными выше моделями является менее продуктивной, и в поэзии Бедиля по этой модели обнаружен только один композит – *ҳечбуданҳо* (никем бытье):

Суроги чайби саломат наметавон дарёфт,

Магар зи кисвати беранги ҳечбуданҳо. [т.1 (п.ч.), 57]

Невозможно разыскать карман здоровья,

Кроме как в бесцветной одежде ничем бытье (никем бытье).

4.1.2. Татпуруша типа «арабское слово + таджикское слово». В исследуемом материале выявлены пять композитов, составными компонентами которых являются арабское слово и таджикская лексическая единица: *варақгардондан* (перелистывание), *иқболфузудан* (увеличение успеха) и др.

1. Модель «инфинитив + имя существительное». По этой модели найдено одно сложное слово: *иқболфузудан*:

Ба хаёлот маболид, ки чун партави шамъ,

Костан тавъами иқболфузудан будааст. [т.1 (п.ч.), 403]

Не гордитесь воображением, ибо, как сияние свечи,

Уменьшение (угасание) равно увеличению успеха.

По модели собственно татпуруша, образованного при участии инфинитива, производятся в основном существительные и прилагательные.

4.1.3. Татпуруша типа «таджикское слово + арабское слово». В этом виде композитов употребляются инфинитивы *тапидан* (трепетать), *фусурдан* (увядать), *мурдан* (умереть), *шукуфтан* (расцветать) и арабские слова в качестве второго компонента: *хавас* (желание), *бисмил* (зарезанный), *моил* (склоняющийся) и др. Примерами такого композита являются *тапиданхавас* (склонный к трепетанию), *мурданхавас* (желающий смерти), *шукуфтанхавас* (склонный к расцветанию), *омаданишио* (думающий о рождении) и др.:

Зи машқи хаёли тапиданхавас

Ба роҳат хате мекашам чун нафас. [т.3, 765]

От упражнения воображения, склонного к трепетанию,

Начерчу на твоей дороге линию, как вздох.

1. Модель «инфинитив + имя существительное». Композиты этой модели по морфологической принадлежности относятся к одной группе: «инфинитив + имя существительное»: *давиданимо* (подающий знак для бега), *рамиданмоил* (склонный к испугу), *фусурданиқтизо* (требующий страдания) и др.:

Агар обем, агар оташ, агар санг,

Рамиданмоилему ваҳшатоҳанг. [т.3, 543]

Если мы – вода, если мы – огонь, если мы – камень,

Мы склонны к испугу, склонны к дикости.

В связи с этим видом композитов представляют интерес два обстоятельства: во-первых, примеры композитов свидетельствуют о том, что некоторые из них находятся в антонимичных отношениях, например *шукуфтанхавас* [т.3, 609] и *мурданхавас* [т.2, 618]. Во-вторых, некоторые композиты ввиду малоупотребительности одного из компонентов становятся архаичными: *фусурданиқтизо* [т.2, 534] и др.

Изучение поэзии Бедиля, которого Кадкани считал «символической фигурой в истории персидской поэзии» [276, 67], показывает, что таджикский язык обладает большими возможностями в словообразовании. Исследователь А. Хумаюнфаррух также считал обилие и разнообразие словообразовательных моделей персидского языка «одной из особенностей и доказательством простоты и благозвучности персидского языка» [281, 24]. Бедиль, который, по словам С. Айни, «действительно обладал очень большими способностями к наукам, литературе и языку» [15, 107], мастерством в комбинировании различных основ, таких как инфинитив, и в расширении функций вспомогательных элементов, таких как суффикс *-xo* и артикль *-e*, смог продемонстрировать безграничные возможности таджикского языка в образовании композитов.

4.2. Многокомпонентные композиты поэзии Бедиля

В первой главе работы мы говорили о том, что одной из особенностей композитов поэзии Бедиля является их многокомпонентность, привлекающая внимание многих исследователей. В этой связи С. Кадкани именует Бедиля «основателем теории вознесения слов» [276, 67].

Материалы исследования позволяют разделить названные композиты из поэзии Абульмаони на следующие группы:

- 1) трехкомпонентные композиты;
- 2) четырехкомпонентные композиты;
- 3) пятикомпонентные композиты.

4.2.1. Трехкомпонентные сложные слова.

В таджикском литературном языке трехкомпонентные слова в некоторой степени были сформированы [см.: 96, 163; 24, 125, 148], однако Бедиль в своих поэтических сочинениях расширил возможности их образования и употребления. В книгах по таджикскому языкознанию трехкомпонентные существительные современного таджикского

литературного языка отчасти рассмотрены, в связи с чем упоминаются два способа их образования:

а) в форме двухкомпонентных существительных, один компонент которых выражен простым (преимущественно второй), а другой – сложным существительным, например *шаимақомхон* (певец, исполняющий шесть макомов);

б) словосочетание также может выступать в качестве зависимого компонента сложного существительного, например *намадисийёхпӯшон* (расстилающий черный войлок) [см.: 96, 163; 24, 125].

Бедиль не ограничился только двумя способами образования трехкомпонентных слов и создал новые способы образования этой группы лексических единиц.

Трехкомпонентные сложные слова в поэзии Бедилья образованы следующими способами:

1. Ряд трехкомпонентных сложных слов, созданных Бедилем, образован посредством приложения основ, одна из которых является простой (первый компонент), а другая – сложной (второй компонент): *арақгулбарг* (пот стыда), *арақсарчаима* (источник стыдливости), *абдазиндагибахи* (нашедший вечную жизнь), *ачаллабрез* (наполненный смертью), *ибратсарукур* (получивший урок), *сифроинадор* (выражающий небытие), *тунуксармоя* (бессильный), *туфонсарангушт* (источник бури), *ҳаёсарнавишт* (стыдливый) и др.:

То арақгулбарги ҳуснат як-ду шабнам об дод,

Хонаи хуршед рахти ноз бар селоб дод. [т.1 (п.ч.), 518]

Когда одна-две капли пота упали на твоё нежное лицо,

Селевой поток унес поклажу неги из дома Солнца.

Решаи улфат надорад донани озодиат,

Эй шарарнашъунамо, з-ин кишти беҳосил баро. [т.1 (п.ч.), 109]

Зерно твоей свободы не имеет корня привязанности.

О злодей, выходи из этой бесплодной нивы.

2. Трехкомпонентные слова, модель образования которых противоположна первой группе, а именно: первый компонент является сложным словом, второй – простым, например *биёбонмаргном* (принудительная смерть), *қадрдонназар* (ценитель), *қулқуландеша* (думающий о пьянстве), *навбаҳоранҷом* (хорошее завершение), *навбаҳороина* (возлюбленная, красивая) и др.:

Раҳе, к-аз барқи ҳиммат нимгом аст,

Хирад он чо биёбонмаргном аст. [т.3, 476]

Дорога, которая считается для молнии усердия полушагом,

Для ума считается смертью в пустыне.

Субҳдам, Бедил, хаёли навбаҳороинае

Аз табассум бар гули захмам намак пошиду рафт. [т.1 (п.ч.), 296]

Утром, Бедиль, моя возлюбленная

Своей улыбкой сыпнула соль на мою рану и ушла.

3. В другой группе трехкомпонентных композитов первый компонент является составным, а второй выражен простым словом, например: *аклушурбмоил* (разум, склонный к еде и питью), *аришукурсином* (охватывающий мир, известный), *бадунекмагрупп* (ставший надменным от зла и добра), *зарусиманбор* (копящий золото и серебро; богатый), *фақруганоандеша* (думающий о нищете и богатстве), *шамъушарарбаҳона* (придирчивый) и др.:

Ҳушҳо аклушурбмоилу бас,

Хӯру хоб ояти фазоилу бас. [т.3, 260]

Помыслы направлены только на еду и питье,

Здесь достоинством считаются только сон и еда.

Бедил, гар хочаи зарусиманбор,

Беҳавсалагӣ кунад, ту маъзураи дор. [т.2, 445]

Бедиль, если копящий золото и серебро хаджа

Проявляет безразличие, ты прости его.

4. В других композитах первый компонент является словосочетанием, второй – простым словом. С учетом изученного материала эту группу сложных слов в поэзии Бедиля также можно разделить на две подгруппы:

4.1. Трехкомпонентные композиты, первый компонент которых является изафетным словосочетанием: *ақликулрой* (рассуждающий о высшем разуме), *бўйигулиқбол* (удачливый), *дардидилтайкар* (страдающий от боли, тело которого охвачено сердечной болью), *дардисартаълим* (получивший головную боль), *комиорзуҳосил* (достигающий своей мечты) и др.:

К-эй ятимони дардидилтайкар

Дар канори кӣ мебаред ба сар? [т.3, 389]

О сироты, тело которых состоит из сердечной боли,

У кого вы проводите жизнь?

Неку бад комиорзуҳосил,

Ман надоматматои дастбадил. [т.3, 351]

И хорошие и плохие достигают своей мечты,

Я с сожалением успокаиваю сердце своё.

4.2. Трехкомпонентные композиты, первый компонент которых (словосочетание) образован посредством связи типа примыкание: *дуоламчилва* (блеск двух миров), *садбахрасрор* (сокрытие сотни тайн), *садгуссадарбор* (объятый горем) и др.:

Ниҳоли бенишонӣ қомат орош,

Гулафшони дуоламчилва бархост. [т.3, 409]

Поднялся саженец бесследия,

Показался осыпанный цветами блеск двух миров.

Дар ин оинаи садбахрасрор,

Зи софӣ умқаш аз берун намудор. [т.3, 510]

В этом зеркале, где скрыты сотни тайн,

От чистоты глубину можно узреть снаружи.

5. Трехкомпонентные композиты, первый компонент которых является сложным словом, а второй выражен словесной конструкцией. По сравнению с указанными ранее видами, эта группа сложных слов в поэзии Бедиля встречается редко. К примеру, *рангубӯбақафас* (благоухающий цветами):

Чаман аз реша рангубӯбақафас

Баҳрро чашма дастгоҳи нафас. [т.3, 166]

Цветник благоухает цветами благодаря их корням,

Родник является основой бытия моря.

6. Трехкомпонентные композиты, образованные от словосочетаний. Материалы исследования позволяют подразделить их на следующие подгруппы:

6.1 Композиты, образованные от простых словосочетаний, подчиняющим компонентом которых является составной именной глагол: *хонаравшанкун* (озаряющий дом), *ҷодапайдокун* (первооткрыватель), *манзилинишокун* (создающий жилище), *ҳастиинасоз* (извлекающий урок из бытия), *сафомавҷзан* (бурлящая чистота) и др.:

Шабӣ моро чароғи фурсат ку?

Хонаравшанкун аст равзанҳо. [т.1 (п.ч.), 65]

Наши ночи не успеет осветить лампа,

Ибо освещение нашему жилью даёт равзана.

Эй адамзодаи вучудтироз,

Нестӣ нақши ҳастиинасоз. [т.3, 105]

О сын небытия, украшающий тело,

Ты не создание, извлекающее урок из бытия.

6.2. Композиты, в основу которых заложено сложное словосочетание, а подчиненный компонент состоит из двух частей: *кулфатбурунтоз* (стремящийся выйти из затруднения), *таваххумдонарез* (зерно опасения) и др.:

Насимаи аз чаман кулфатбурунтоз

Зи дарё мавчи ӯ хошокпардоз. [т.3, 442]

Его зефир из цветника выводит затруднения,

Его волны очищают от мусора реку.

Тасарруфмои аҳкоми ҳар кас,

Тавоххумдонарези доми ҳар кас. [т.3, 437]

Источник приобретения решения любым человеком,

Зерно опасения западни любого человека.

6.3. Сложные слова, образованные от словосочетаний, подчиненный компонент которых выражен словесной конструкцией: *кибруацзнамо* (выражающий надменность и бессилие), *симузарпарвард* (лелеемый золотом и серебром) и др.:

3-ин ду ҳайъат, ки кибруацзнамост,

Ранги офоту офият пайдост. [т.3, 304]

Эти два состояния, выражающие надменность и бессилие,

Из них вытекают несчастье и благополучие.

3-он доду диҳиш, ки симузарпарвард аст,

Ҳар кас дорад сари тагофул, фард аст. [т.2, 317]

Кто равнодушен к щедрости и одергиванию,

То есть к золоту и серебру, тот истинный человек.

6.4. Сложные слова, образованные от словосочетаний, подчиненный компонент которых – изафетное словосочетание, например: *баргигулоро* (украшающий лепестки розы), *бунёдиандешасӯз* (выжигающий корень мысли), *чомитарабгир* (поднимающий бокал радости), *дарсиадабгир*

(извлекающий урок вежливости), *даримижгонкушо* (открывающий глаза), *думихарфурӯи* (обманщик), *комидилталаб* (достигающий желаемого, мечтающий) и др.:

*Баҳор имрӯз бетобитақозост,
Зи девори чаман баргигулорост.* [т.3, 423]
Весна сегодня требует нетерпеливости,
Она стены цветника украсила лепестками розы.

*Лек ин ҷумла толиби заҳабанд,
Ҳама з-он нашъа комидилталабанд.* [т.3, 323]
Но они все, жаждущие золота,
Все они мечтают овладеть богатством.

6.5. Трехкомпонентные слова, образованные от словосочетаний, подчиненный компонент которых выражен композитом: *ҷустуҷӯсоз* (думающий о поиске), *рангубӯнарвар* (любитель красоты), *зудзудрас* (быстрый) и др.:

*Мақоме ёфт шавқи ҷустуҷӯсоз,
Ки гардаш бо таҳайор буд гулбоз.* [т.3, 545]
Нашёл статус влечения, смешанного с исканием,
Пыль которого вместе с удивлением выращивала цветы.

*Замин то фалак рангубӯнарвар аст,
Ту оғӯи во кун чаман дар бар аст.* [т.3, 667]
От земли до небес все любители красоты,
Ты открой объятия, цветник рядом.

Таким образом, анализ трехкомпонентных сложных слов показывает, что данные языковые единицы образованы посредством сложения различных основ, а именно: «простое слово + сложное слово» и «конструкция + простое слово», «сложное слово + конструкция» и др.

4.2.2. Четырехкомпонентные композиты

В поэзии Абульмаони встречаются композиты, морфемный состав которых состоит из четырех компонентов: *сарихудбигирубигрез* (возьми голову в руки и беги), *рагигулостиниӯх* (имеющий рукава из вен цветка, то есть возлюбленная), *дарёдарираҳбанд* (рассекающий реку и загораживающий дорогу) и др.

Модель образования и её исходная единица представляют собой различные синтаксические единицы. С этой точки зрения их можно разделить на две группы:

1. Композиты, исходной единицей которых является предложение;
2. Композиты, исходной единицей которых являются сложные словосочетания.

Материалы исследования убеждают в том, что большинство четырехкомпонентных композитов в поэзии Абульмаони образовано на основе словосочетаний. Только один композит образован от простого односоставного предложения – *сарихудгирубигрез*. Исходной единицей для данного композита является простое односоставное предложение «сари худ гиру бигрез» (букв. «Возьми голову в свои руки и беги»). Это сложное слово однократно встречается в месневи «Тилисми хайрат»:

Аз он шамшери хуниофиятрез

Саломатҳо сарихудгирубигрез. [т.3, 443]

От меча, проливающего кровь благополучия,

Здоровье находит спасение в бегстве.

Четырехкомпонентные композиты Бедиля в основном образованы от словосочетаний. Данные композиты с точки зрения сложного словосочетания, участвующего в образовании композита, можно разделить на две группы:

- 2.1. Композиты, в которых сложное словосочетание образовано посредством соединительной связи и примыкания: *зулфинозтобзада* (возлюбленная), *субҳитарабобёр* (радующий), *рагигулостиниӯх* (озорница),

дарёдарираҳбанд (рассекающий реку и загораживающий дорогу), *садмавчихундарбор* (жестокий возлюбленный).

Исходной единицей композита *рагигулостинишӯх* является сложное словосочетание *раги гул остинишӯх будан*, состоящее из простых словосочетаний *раг остинишӯх будан* и *раги гул*. В процессе образования сложного слова часть словосочетания редуцируется. Данная лексическая единица встречается в газели Бедиля:

Рагигулостинишӯхе камини сайди мо дорад,

Ки зери санг даст аз сояи ранги ҳино дорад. [т.1 (п.ч.), 609]

Озорница намеревается охотиться на нас из засады,

У нее камень в руке, крашенной хной.

2.2. Композиты, в которых простые словосочетания вступают в грамматические отношения только согласно одному типу связи – примыканию, к примеру *дуоламтасаввургудоз* (расплавляющее представление о двух мирах), исходной единицей для которого являются словосочетания *ду олам* и *тасаввур гудохтан*. Так, Бедиль для выражения мысли образует из сложного словосочетания одно ёмкое сложное слово. Данный композит использован поэтом преимущественно в месневи «Мухити а’зам»:

Шаробе дуоламтасаввургудоз,

Адампарвари наишъаи имтиёз. [т.3, 593]

Вино, расплавляющее представление о двух мирах,

Сводящее на нет опьянение преимуществом.

Из этого явствует, что в большинстве случаев новые композиты выступают в роли прилагательного. Такого рода лексические единицы наблюдаются преимущественно в месневи поэта, в частности в месневи «Ирфан». Многокомпонентные слова в газелях и других стихотворениях Бедиля встречаются редко.

4.2.3. Пятикомпонентные сложные слова.

В отличие от четырехкомпонентных композитов, эта группа сложных слов характеризуется малочисленностью. В поэзии Абульмаони обнаружены следующие пятикомпонентные композиты: *барқдархонумонидилфикан* (молниеметатель в жилище сердца), *шуъладарчайбичустучӯфикан* (зажигаящий огонь в сердце путника), *сангбарсогаричихотафкан* (искореняющий мир) и др. Данные композиты встречаются в основном в месневи «Ирфан».

Основу композита *барқдархонумонидилфикан* составляет сложное словосочетание *барқ дар хонумони дил фикандан*, преобразованное поэтом в сложное слово и выполняющее функцию относительного прилагательного:

Аз хадам баргузид фитнафана,

Барқдархонумонидилфикане. [Т.3, 317]

Выбрал среди слуг самого ловкого интригана,

Молниеметателя в жилище сердца.

Основу композита *шуъладарчайбичустучӯфикан* также составляет сложное словосочетание *шуъла дар чайби чустучӯ фикандан*, которое в ходе словообразования было преобразовано поэтом в композит:

Дӣ ба дайри хаёл бараҳмане,

Шуъладарчайбичустучӯфикане

Бо ҳарифони дард посух дошт,

Қиссаи ибрати таносух дошт. [Т.3, 266]

Вчера в храме воображения один брахман,

Зажигающий огонь в сердцах ищущих путников,

Объяснял соперникам, понимающим боль,

Сказание об уроках метемпсихоза.

Композит *сангбарсогаричихотафкан*, образованный от сложного словосочетания *санг бар согари чихот афкандан*, состоящего из простых словосочетаний *санг афкандан*, *бар согар афкандан* и *согари чихот*, в поэзии Бедиля встречается один раз в месневи «Ирфан»:

Бориш ангехт жола дар доман

Сангбарсогаричихотафкан. [т.3, 206]

Град наполнил мой подол,

Бросающий камень в бокал бытия.

Основу композита *қадаҳиорзубахунзада* (влюблённый, потерявший сердце и ум) составляет сложное словосочетание *қадаҳи орзу ба хун задан*, состоящее из двух словосочетаний, образованных посредством таких грамматических связей как управление и изафет: *қадаҳ ба хун задан*; *қадаҳи орзу*. Данное словосочетание, утратив его грамматические особенности, преобразилось в сложное слово, которое поэт использовал для выражения своих мыслей в месневи «Ирфан»:

Ошиқе, бедиле, чунунзадае,

Қадаҳиорзубахунзадае.

Дошт маъшуқаи ситамкоре,

Худсаре, шӯхи ошиқозоре. [т.3, 176]

Влюблённый, потерявший сердце и ум,

Разбивший о камень бокал мечты.

Была у него жестокосердая возлюбленная,

Упрямая, шаловливая, обжигающая влюблённого.

В процессе образования других сложных слов, таких как *рангинозбурдабакор*, *бурдасарбахилватисанг*, *гаштагумбасозихаво*, компоненты сложных словосочетаний поменялись позициями. Так, исходной единицей сложного слова *рангинозбурдабакор* (использовавшая цвет кокетства) является сложное словосочетание *ранги ноз ба кор бурдан*, в процессе словообразования которого глагольная часть словосочетания, *бурдан*, преобразившись в причастие, переходит в постпозицию и следует за первым компонентом – *ранги ноз*. Анализируемый композит также встречается в месневи «Ирфан»:

Шоҳиди рангинозбурдабаканор

Ин замон шуста дасту по зи нигор. [т.3, 114]

Возлюбленная, использовавшая цвет кокетства,
 Ныне очистила руки и ноги от краски.

В месневи «Ирфан» также встречаются композиты *бурдасарбахилватисанг* (спрятанный в уединении камня), *гаштагумбасозихаво* (исчезнувший в мелодии страсти), в которых по аналогии с вышеуказанным композитом глагол, находящийся в конце сложного словосочетания, переходит в препозицию, в результате чего сложное словосочетание преобразуется в сложное многосоставное прилагательное:

Шарари бурдасарбахилватисанг

Чӣ фурузад чароги шӯхии ранг? [т.3, 99]

Как искра, спрятанная в уединении камня,

Может зажечь фонарь, освещающий внешность?

Нафаси гаштагумбасозихаво

Ранги изҳор резад аз чӣ наво? [т.3, 99]

Дыхание, исчезнувшее в мелодии страсти,

О какой мелодии бытия (своего) может заявлять?

Известный французский ученый Э. Бенвенист в ходе исследования сложных слов отмечал: «Именное сложение – это микросинтаксис» [155, 241] и подчеркивал, что сложные слова всегда состоят из двух компонентов. «Но из двух компонентов сложного имени, – рассуждает Э.Бенвенист, – один сам может быть сложным: нем. *Bleistifhalter*, англ. *cocktailmixer*... Сложное имя, становящееся компонентом сложного имени, считается за один компонент, в новом сложном имени компонентов опять будет только два» [155, 242]. Анализ многокомпонентных композитов Бедиля показывает, что большинство из них делятся на два компонента, которые могут быть представлены **простым словом + сложным словом; сложным словом + простым словом; простым словом + словосочетанием.**

Проанализировав многокомпонентные слова в поэзии Бедиля, мы пришли к выводу, что, с одной стороны, трёхкомпонентные слова, в частности, и многокомпонентные в совокупности одинаково не употребляются. С другой стороны, проанализированные нами лексемы, присущие поэтическому стилю Бедиля, в известных нам словарях не встречаются. Собранный материал свидетельствует, что эти композиты в основном и относительно часто употребляются в месневи поэта. Следует также подчеркнуть, что одним из принципов сложного слова является слияние его частей под одним ударением. С этой точки зрения большинство многокомпонентных слов, используемых Абульмаони, может вне контекста утратить свою спаянность, однако в контексте под одним ударением они создают целостную лексическую единицу.

Анализ многокомпонентных композитов поэзии Бедиля убеждает в том, что, с одной стороны, в его поэзии трехкомпонентные композиты в особенности, и многокомпонентные в целом, по степени употребления нетождественны; с другой стороны, анализируемые композиты характерны только для поэзии Бедиля и не встречаются в имеющихся словарях [285; 295; 296; 301; 303; 305; 306; 307]. Эти лексические единицы в основном и сравнительно часто употреблены поэтом в месневи. По этой причине таджикские составители «Сочинений» Бедиля, в частности пятого и шестого томов, состоящих из месневи поэта, констатируют, что «при чтении произведений Бедиля читатель сталкивается с языковыми явлениями, которые в произведениях других поэтов наблюдаются реже». Употребление трехкомпонентных сложных слов, а также слов, состоящих из трех-четырех простых слов, относится к числу таких явлений» [3, 10; 4, 14]. Затем составители правильно подмечают, что «эти виды слов в большинстве случаев встречаются в месневи поэта» [3, 10].

Согласно научным изысканиям, таджикский язык не был для Бедиля родным [см.: 84, 205-215], однако, по словам Волы Дагестанской (в тезкире «Сарви озод»), поэт, «создавая удивительные конструкции на персидском языке...» [см.: 266, 108], способствует обогащению лексического состава

этого языка и использовав его словообразовательный потенциал передаёт сложные понятия и словосочетания в виде сложных слов.

О многокомпонентных сложных словах известный таджикский ученый, академик М. Шакури справедливо отмечает: «Сложных многокомпонентных слов в нашем языке множество, и их нужно считать одним из достояний языка. Развитие словосложения, возникновение сложных многокомпонентных слов и их постоянное количественное развитие является одним из высших показателей развития языка, придающих ему могущество. Изучение и приумножение этого могущества является одной из важнейших задач поэтов и писателей» [140, 120].

4.3. Роль отдельных лексических единиц в образовании композитов

Бедиль – один из величайших словотворцев XVII века, который своей изящной и плавной речью внес значительный вклад в укрепление основ таджикского литературного языка. Апогея индийский стиль достиг в стихах Абульмаони, где «были обобщены лучшие традиции индийского стиля, основу которых составляли тонкий смысл и расширение красочного воображения» [63, 268]. В своих стихах Бедиль неоднократно упоминает, что стиль его слов тонок и его трудно познать без терпения и глубоких размышлений, примером чему является следующий поэтический отрывок:

Ғунча шав, бӯйи гули тарзи каломам нозук аст,

Бе тааммул нест мумкин, кас ба ин ишио расад. [т.1 (п.ч.), 756]

Стань бутоном, аромат цвета моих слов изыскан,

Без раздумий невозможно достичь такой манеры.

Как подчеркивалось в первой главе работы, Абульмаони уделял особое внимание отдельным лексическим единицам, использовал их по отдельности, а также многого добивался благодаря им в процессе словообразования.

Данный раздел состоит из двух подразделов, в которых рассматривается роль таджикских *оина* (зеркало), *обила* (водянистая

мозоль), *гавҳар* (жемчуг), *отаиш* (огонь), *сар* (голова) и арабских лексем *нафас* (дыхание), *тараб* (радость), *ҳавас* (желание), *ҳайрат* (удивление), *ҷунун* (безумие) в образовании композитов, которые, по мнению исследователей, являются символами поэзии Бедиля.

4.3.1. Таджикские лексемы и их роль в словосложении

В ходе словосложения Бедиль чаще всего использует таджикские лексемы *оина* (зеркало), *обила* (водянистая мозоль), *гавҳар* (жемчуг), *сар* (голова), *нола* (стон), *отаиш* (огонь), *дил* (сердце), *хун* (кровь), *гул* (цветок), *нав* (новое) и др.

1. Лексема «оина» и её роль в словосложении

Лексема *оина* (зеркало) как одна из многозначных лексем таджикского языка, имеет множество толкований, в частности: «1. стекло; 2. положение, образ, случай; 3. отчетливый, очевидный» [295, 1, 908-909]; «зеркало, стекло». Полированная поверхность из металла и стекла или хрусталя, тыльная сторона которой покрыта ртутью, дающая отражение находящихся перед ней предметов. зеркало...; пер. все, что является блестящим, чистым и ясным» [303, 1, 72]; «1. полированная поверхность из прозрачного стекла или металла, отражающая изображение предмета. Зеркало; 2. обычай, порядок, традиция» [307, 1, 113-114]. Толкования словарей во многом совпадают, однако в словаре Муина, в дополнение к сказанному, приводится и этимология слова, по которой оно относится к языку пехлеви [307, 1, 113]. Более того, следует отметить, что это слово относится к древнейшим лексическим элементам, которое в древнеперсидском языке употреблялось в форме *adoйна*, а позднее, в результате языковых модификаций, приобрело форму *оуёна* > *оуина* [см.: 302, 1, 144]. Более того, переносное значение слова, обозначающее чистоту, ясность, свойственные зеркалу, обусловило возникновение целого ряда уникальных словосочетаний, композитов и дериватов. Так, в «Словаре таджикского языка» со словом «*оина*» зафиксировано 15 дериватов, а в

«Лугат-наме» Деххудо – 24 лексические единицы с этим компонентом. В «Персидском словаре» Муина со словом «оина» обнаружено 16 новых сложных слов (во всех трех словарях конструкции и словосочетания с лексемой «оина» не были учтены, т. к. исследование этого вопроса во взаимосвязи с поэзией Бедиля является темой последующих исследований).

Исследователи считают, что в поэзии Бедиля «зеркало подобно глазу, который всегда открыт и никогда не закрывается, это напоминание о чуде... Зеркало не имеет своей воли и не различает добро и зло... и это также дает ощущение простоты» [276, 323]. Исследователь Ю. Салимов придерживается мнения: «Зеркало – прозрачная вещь, в которой скрыта сущность человека; то, что объясняет, кто такой человек; в нем укрывается возлюбленный, когда влюбленный соединяется с возлюбленной и человек приходит к своей истине, не нужно никакого зеркала...; зеркало – душа человека» [106, 260]. Таджикские ученые Б. Рахими и М. Одина в ходе комментирования газелей Бедиля приходят к выводу, что зеркало в его поэзии олицетворяет душу и причиной тому является его чистота [83, 233; 77, 44]. В другом месте М. Одина, придерживаясь мнения Ш. Кадкани, утверждает, что зеркало также является символом изумления [см.: 77, 30].

Абульмаони, разлив словообразовательные возможности лексемы *оина*, создаёт 53 деривационных слов. Из этого числа в 42 лексических единицах слово *оина* выступает в качестве первого компонента, а в 11 примерах – в качестве второго. Это количество деривационных слов в поэзии Бедиля можно разделить на несколько подгрупп: а) производные; б) сложные

Изучение поэтических текстов Бедиля убеждает в том, что, по сравнению с другими производными словами, сложных слов с компонентом *оина* в них в два раза больше. В исследуемом нами материале встречается 43 примера из этой группы слов, которые можно разделить на следующие группы:

1. Сложные слова типа двандва.

2. Сложные слова типа татпуруша.

3. Сложные слова типа бахуврихи.

Сложных слов типа татпуруша в языке поэзии Бедиля встречается большое количество, часть их образована с помощью компонента *оина*. Данные лексические единицы по позиции лексемы *оина* можно разделить на две группы.

2.1. Сложные слова, в которых компонент *оина* находится в начале сложного слова. Такого рода слов большое количество, которое включает 31 композит. Из этого числа семь лексических единиц (*оинабин* (видящий стекло), *оинадор* (зеркальный), *оинапардоз* (отделанный зеркалом), *оинасоз* (изготавливающий зеркало), *оинахона* (зеркальная комната) функционируют в таджикском языке и отмечены в словарях, остальные 24 композита (в том числе *оинаболин*, *оинадушман*, *оиназо*, *оинаманзил*, *оинамиқдор* и др.) являются неологизмами Бедиля и не встречаются в толковых словарях.

В зависимости от значения, которое приобретает слово *оина* в композите, их можно разделить на две группы:

а) сложные слова, в которых компонент *оина* употребляется в его прямом значении: *оинадушман* (враг зеркала), *оинахона* (зеркальная комната), *оинаманзил* (зеркальный дом), *оинанигин* (кольцо со стеклом), *оинатаъмир* (зеркальщик), *оинаҷӯ* (ищущий зеркало):

Гар чунин дорад нигоҳи бетамизон инфиол

Рафта-рафта ҳусн ҳам оинадушман мешавад. [т.1 (п.ч.), 656]

Если взгляды невежественных лиц вызывают такую реакцию,

То постепенно красота станет врагом зеркала.

Композит *оинаманзил* в поэзии Бедиля встречается лишь в одном бейте месневи «Тилисми хайрат»:

Зи ёдаш синаҳо маҳтобмаҳфил,

Ба сайраш дидаҳо оинаманзил. [т.3, 517]

Воспоминание о ней освещает наши сердца,

Её созерцание наполняет светом наши очи.

Синонимом данной лексики является *оинахона* аст, которая по сравнению с лексемой *оинаманзил* встречается чаще – в 9-ти бейтах:

Кам нест суҳбати дил, гар мард зан намонад,

Оинахонае ҳаст, гӯ: анчуман намонад. [т.1 (п.ч.), 683]

Если даже не останутся мужчины и женщины, достаточно
беседы сердца,

Если есть зеркальный дом, скажи: пусть не будет собрания.

Композит *оинанигин* также использована поэтом в одной газели:

Шаб ҳасрати дидори туам домкамин шуд,

Ҳар зарра зи аҷзои ман оинанигин шуд. [т.1 (п.ч.), 638]

Ночью печаль о твоём лице стала для меня ловушкой,

Каждая частица моего тела стала кольцом со стеклом вместо
драгоценного камня.

Употребление композитов позволяет Бедию выразить мистические воззрения в лаконичной, но ёмкой форме. Так, в следующем бейте из месневи «Тури ма’рифат» словосочетание *таъмиркунандаи оина* (тот, кто ремонтирует зеркала) преобразовано поэтом в композит *оинатаъмир*:

Нишеманҳо ҳама оинатаъмир,

Зи акси лолаву гул субҳи Кашмир. [т.3, 579]

Степи и склоны гор превратились в зеркала,

Которые благодаря отражению тюльпанов и цветов

напоминают утро Кашмира.

Сложное слово *оинахоҳ*, образованная от конструкции *оина хостан*, в поэзии Бедия употреблена в одном случае:

Ҳисоби сояву хуршед ҳеч рост наёяд,

Матои мунтазирон зангу ҳусн оинахоҳ аст. [т.1 (п.ч.), 348]

Тень и солнце никогда не придут к согласию,

Материя ожидающих – ржавчина, а красоте нужно зеркало.

Композит *оинаҷӯ* также встречается один раз в газели поэта:

Хусни ҳақиқат рӯ ба рӯ, саъйи фузул оинаҷӯ.

Бедил чӣ бардорад, бигӯ, эй ёфтан ноҷустанат. [т.1 (п.ч.), 197]

Напротив красоты истины усердие болтуна ищет зеркало,

Что может получить, Бедиль, скажи, о тот, неискание

которого есть нахождение.

б) композиты, в которых слово *оина* употребляется в иносказательном значении: *оинабистар* (создающий зеркало), *оинаболин* (зеркальный), *оиназо* (образ зеркала), *оинамиқдор* (в числе зеркал), *оинахитоб* (обращение к зеркалу), *оинаҷӯи* (светлый) и др.:

Ёди он ҷилва зи чашмам гиреҳи ашккушост,

Шавқи дидорпарастон чӣ қадар оиназост. [т.1 (п.ч.), 407]

Воспоминание о той грациозной походке в моих глазах

развязывает узел слез,

Влечение желающих лицезрения вызывает образ зеркала.

2.2. Композиты, в которых слово *оина* находится в постпозиции. Эта группа слов насчитывает 11 композитов: *зангоина* (ржавчина на зеркале), *ибратоина* (поучительный; извлекающий урок), *маъниоина* (выражающий мысль), *офиятоина* (благополучный), *талотумоина* (суматошный, находящийся в волнении), *тарабоина* (веселящий), *ҳайратоина* (зеркало изумления) и др.:

Дарё талотумоина, сахро губорхез.

Аз офият чи хушку чи тар даст шустаанд. [т.1 (п.ч.), 602]

Море в волнении, степь покрыта пылью,

Благополучие отсутствует и на суше, и на море.

В целом слово *оина* является ключевым словом в поэзии Бедиля и активно используется им в поэтических сочинениях. Эту лексему словотворец мастерски использует как в прямом значении, так и в аллегорической форме, что, несомненно, способствует обогащению лексического состав таджикского языка деривационными словами с компонентом *оина*.

2. Лексема «обила» и её роль в словосложении

Лексема *обила* (водянистая мозоль) также относится к ключевым лексическим единицам в поэзии Бедиля. Только в газелях поэта это слово использовано в 480 случаях [см.: т. 1 (п.ч.), 1349].

В таджикском и персидском языках морфемы «-ила» / «-й̄» и «-ла» в исследованиях и книгах не относятся к суффиксам [см.: 24, 153; 265; 268; 281], однако, по мнению профессора Ш. Рустамова «в слове *обила* морфема *-ила* представляется суффиксом, образующим от конкретного существительного название болезни» [96, 132; 24, 113]. На наш взгляд, такое предположение обоснованно, так как из толкования этого слова явствует, что *обила* во всех значениях соотносится с водой и словообразовательной основой этого слова должна быть лексема «вода», которая, соединяясь со словообразовательной морфемой – «-ила», приобретает переносное значение.

В произведениях классиков таджикской литературы это слово встречается в виде *офила* / *овила*, которое в среднеперсидский период употреблялось в форме *âbilag*, произошедшей от древнеперсидского *â-brdana* (корень *brd*; *brâd*), означающего «сиять». П. Хорн предполагает, что оно состоит из корня *âp* – «вода» и суффикса *-la* [см.: 302, 1, 14-15].

Слово *обила* также является одной из полисемантических лексических единиц языка и в словарях трактуется как: образование, возвышающееся над поверхностью кожи вследствие ожога или раны и скопление воды под кожей...; ткани молочной железы; пузырь пара, который поднимается со дна сосуда с кипящей жидкостью и образуется на поверхности воды, пузырь [см.: 303, 1, 15]; мозоли, появляющиеся на ногах из-за долгого хождения, сыпь на губах (от лихорадки) [см.: 307, 1, 24]; водяной купол, пузырь; опухоль или отек кожи; оспа, сыпь на губах [см.: 295, 1, 891].

На наш взгляд, именно следующее значение слова *обила*: «вздутие части кожи из-за недуга» и «пузырь, образующийся на поверхности воды», привлекло внимание Абульмаони, поскольку для поэта-мистика Бедиля,

согласно суфийскому учению, в первую очередь «созерцание Божественного света возможно лишь чистотой нравов и *преодолением стадий и макамов*» (курсив наш – О.М.) [136, 38], кроме того, большинство суфиев ходили босиком [34, 208], и, другими словами, чтобы достичь Абсолюта, необходимо вести аскетическую жизнь, пройти семь макамов (стоянок) любви, и на этом пути покрытие тела, в особенности ног, волдырями вполне возможно. Во-вторых, для поэта сладости жизни и удовольствия непостоянны, как пузыри на поверхности воды.

Поэт употребляет слово *обила* как в отдельности, так и в составе сложных слов. В частности, в следующем бейте поэт употребляет данное слово в первоначальном значении:

Баски рози аъзи мо болид пинҳон зери нӯст,

*Як қалам чун **обила** гаишем урён зери нӯст.* [т.1 (п.ч.), 220]

Из-за того, что тайна нашей слабости увеличивается

скрытно под кожей,

Как мозоль, мы стали голыми под кожей.

Слово *обила* в таджикском словосложении не считается продуктивной лексемой. В известных нам словарях с ней встречаются семь деривационных слов [295, 1, 891-892; 303, 1, 15; 307, 1, 24-25], однако в поэзии Бедиля данная лексическая единица, проявляя валентность, участвует в образовании более 15 сложных слов с подчинительной связью, большинство из которых являются неологизмами стихотворца. Данные сложные слова с точки зрения семантики можно разделить на две группы: 1) татпуруша; 2) бахуврихи.

Сложные слова типа татпуруша с компонентом *обила* с точки зрения модели образования различны:

1. Модель «имя существительное + основа глагола настоящего времени». Эта модель относится к продуктивным моделям словосложения с компонентом *обила*. По этой модели образованы композиты *обиладор*,

обилазо (покрытый оспинами; мозолями), *обилапӯш* (покрытый мозолями), *обиларас* (испытывавший лишения) и др.:

Як сачда напаймуд талаб бе арақи шарм,

Пешони мо обиладор аст, бубинед. [т.1 (п.ч.), 684]

Ни одно поклонение желанию не совершил без пота стыда,

Посмотрите, у нас на лбу мозоли.

Композит *обилазо* в имеющихся словарях не встречается. Изучение стихов Бедия показывает, что это слово использовано поэтом в значении «образующий волдырь»:

Мани Бедил аз тариқи адаб нагузидаам раҳи домане,

Ки зи лағзиш обилазо шавад қадами яқин ба гумони қач.

[т.1 (п.ч.), 415]

Я, Бедиль, из-за воспитанности не выбрал пути поклонения,

Ибо из-за заблуждения шага истины возникнет волдырь –

подозрение.

Бе уқдаи дил нест такаллуф ин чо,

Эй роҳравон, тангии кафш обилазост. [т.3, 304]

Здесь хлопоты имеют сердечный узел,

О путники, из-за тесной обуви появляется волдырь.

Композиты *обилапӯш* и *обиларас* принадлежат к перу самого поэта, так как в имеющихся словарях они не встречаются. Указанные композиты со сложным словом *обиладор* находятся в синонимичных отношениях и употреблены поэтом в значении «в волдырях, мозолистый, в мозолях»:

Бедил, андар қадаҳи бода назар кун ба ҳубоб,

То чӣ дорад нафаси обилапӯши мино [т.1, с.138]

Бедиль в чаше вина посмотри на пузыри,

(И станет ясно) что скрывает дыханье графина

закрывающее волдыри

*Дил ба талош хун кунӣ, то бирасӣ ба кӯи ачз,
 Пойи муқими доманат **обиларас** намешавад. [т.1 (п.ч.), 673]*
 Чтобы достичь бессилия (ачз), необходимо терзание сердца,
 Если нога не двигается, то и волдыря не будет.

В «Словаре таджикского языка» композит *обилафарсо* комментируется как «мозолистый, появление волдырей», а в качестве иллюстрации приводится бейт из поэзии Бедиля [295, 1, 892]. Поэтому можно сделать вывод, что это сложное слово до Абульмаони не было известно. Из толкования сложного слова *обилафарсо* можно определить, что по семантике оно тождественно композиту *обиладор*:

*Чун талаб сӯхт нафас, гиря равон мегардад,
 Ашк яксар қадам **обилафарсои** дил аст. [т.1 (п.ч.), 273]*
 Когда искание сжигает дыхание, потекут слезы,
 Из-за шага слезы в сердце появляется волдырь.

2. Модель «имя существительное + основа прошедшего времени глагола». Эта модель характеризуется малопродуктивностью, поскольку в поэтических текстах Бедиля обнаружен только один композит этой модели – *обилабаст* (величиной с мозоль), используемый в значении «количество»:

*Фоли чавлон чӣ занам қатраи гавҳар шудаам,
 Он қадар чаҳд, ки як **обилабастам** доданд. [т.1 (п.ч.), 560]*
 Зачем мне говорить о походке, когда стал жемчугом,
 В соответствии с моим усердием дали мне мозоль

Сличение названных композитов с авторитетными словарями, в том числе с «Лугат-наме» Деххудо и с «Персидским словарем» Муина, убеждает в том, что большинство слов с компонентом *обила* являются изобретением Бедиля. Об этом свидетельствует и факт, что в толковых словарях для комментирования указанных сложных слов в качестве иллюстрации приводятся бейты из поэзии Абульмаони. Анализ исследуемого материала показывает, что названная лексема в составе композита меняет семантику. Так, в поэзии Бедиля слово *обила* в композитах типа татпуруша

используется, по меньшей мере, в пяти значениях, являющихся плодом его вдохновения.

3. Лексема «оташ» и её роль в словосложении

Другим исконно таджикским словом, участвовавшим в создании более двадцати композитов типа татпуруша, является слово *оташ* (огонь), которое в «Словаре таджикского языка» комментируется в пяти значениях [295, 1, 931]. В «Персидском словаре» Муина приводится тринадцать значений этого слова [307, 1, 28], которые упоминаются и в словаре Деххудо [303, 1, 18-19]. На наш взгляд, именно прямое значение этого слова: «то, что возникает при сжигании дров, угля и т.д. и излучает свет и тепло» [295, 1, 931]; символ света и тепла, в понимании древних людей – одна из стихий» [303, 1, 17; 306, 1, 29] заложено в основу композитов Абульмаони.

Большинство композитов с компонентом *оташ* (огонь) являются неологизмами Абульмаони, поскольку во многих толковых словарях они не зафиксированы. Данные композиты по модели словообразования можно разделить на следующие группы:

1. Модель «имя существительное + имя существительное». По этой модели образованы композиты *оташинаво* (пламенная мелодия), *оташинасиб* (пламенный), *оташинафас* (огненное дыхание), *отаихона* (храм огня), *оташэхтиёч* (нуждающийся в огне), которые в большинстве случаев проявляют полисемантическую. Так, отмеченный композит *отаихона* употреблён в следующих значениях:

а) в значении «храм огня»:

Чаими лутф аз сахтрӯён доштан бедонишист,

*Санг дар ҳар чо намоён гаит, **отаихона** буд.* [т.1 (п.ч.), 643]

Ожидать от жестоких милосердия – признак глупости,

Там, где виднеется камень, там храм огня.

б) в значении «место для разжигания огня»:

Аввалин чӯши баҳори шиқ мебошад ҳавас,

*Бе хасу хошок натвон ранги **отаишона** рехт.* [т.1 (п.ч.), 333]

Влечение – первое бурление весны любви,

Без валежника и сухой травы невозможно разжечь огонь.

в) в значении «горячее сердце»:

*Дили гарми ман **отаишонаи** кист?*

Нигоҳи ҳасратам парвонаи кист? [т.1 (п.ч.), 292]

Чей храм огня мое горячее сердце?

Вокруг кого мотыльком вращается мой печальный взгляд?

Композиты *отаишаво*, *отаишасиб* ва *отаишэҳтиёч* в толковых словарях [285; 295; 296; 301; 303; 305; 306; 307] не встречаются и, по всей видимости, являются творениями поэта. Указанные лексемы в поэзии Бедиля имеют одинаковую частотность.

Исходной единицей для композита *отаишаво* является словосочетание со связью управления, лексема использовано поэтом в «Тилисми хайрат» в значении «тростник, разжигающий огонь»:

*Найи **отаишавои** хомаи шиқ,*

Сарире кард сарфи номаи шиқ. [т.3, 490]

Разжигающий огонь тростник пера любви

Изложил подробно любовное послание.

Композит *отаишасиб* в месневи «Тилисми хайрат» употреблен поэтом в значении «суждено сгорание»:

Ба ҳайрат сӯхт ин доғи фиребам,

*Ки ӯ шамъ асту ман **отаишасибам**.* [т.3, 458]

Это пятно обмана ожгло меня удивлением,

Ибо она свеча, а мне суждено сгорание.

Сложные слова модели «имя существительное + имя существительное», принадлежащие перу Абульмаони, в основном встречаются в месневи «Тилисми хайрат» и образуют существительные, а иногда – прилагательные.

2. Модель «имя существительное + основа настоящего времени глагола». Данная модель с компонентом *отаи* образует множество композитов: *отаишафкан* / *отаишфикан* (огнедышащий), *отаишафрӯз* / *отаишфурӯз* (зажигающий), *отаишбез* (зажигающий), *отаишбоз* (фокусник), *отаишгир* (горючий), *отаишзан* (разводящий огонь), *отаишкуш* (тушащий пламя), *отаишишин* (тушащий пожар) и др. Композит *отаишафкан* в приведенном бейте употреблена для описания скромности, стыдливости:

Нафас то парфишон аст, аз туву ман барнамеояд,

*Касе з-ин хичлати дар **отаишафкан** барнамеояд.* [т.1 (п.ч.), 729]

Пока дыхание машет крыльями и не выходит из тебя и из меня,

Никто не выходит из стыда, достойного сжигания.

Вариантом композита *отаишфурӯз* является *отаишафрӯз*, характеризующийся большей частотностью. В «Словаре таджикского языка» приводятся три значения лексемы *отаишафрӯз*: «1. зажигающий, поджигающий; 2. работник, занимающийся топкой, истопник (в восточной бане), кочегар; 3. мех кузнечный» [295, 1, 933], а в «Персидском словаре» Муина это сложное слово интерпретируется в четырех значениях, из которых последние два в «Словаре таджикского языка» не встречаются: «...2. тот, кто, наряжаясь в праздники (в особенности в Навруз), зажигает огонь и жонглирует, за что берет деньги с людей; 3. интриган, смутьян, подстрекатель...» [307, 1, 28]. Из толкования Деххудо явствует, что указанное сложное слово употреблялось и в переносном значении [303, 1, 18]. В стихотворении Абульмаони композит используется в значении «источник мечты, фитиль, разжигатель»:

Зикри тегат дар миён омад, дили мо дог шуд,

*Ташнагонро ёди об **отаишафрӯзи** орзуст.* [т.1 (п.ч.), 190]

Речь зашла о твоём клинке, наше сердце наполнилось печалью,

Источник мечты для жаждущих – это воспоминание о воде.

*Чист **отаишафрӯзи** савдоят?*

Ки ниғаҳ сӯхт аз тамошоят. [т.3, 153]

Что является фитилем страсти?

От любования тобой взгляд мой сгорел.

Ҳиддат ин чо иродаи азалист,

Оташафрӯзи кимиёамалист. [т.3, 337]

Страстность здесь – извечная воля,

Разжигатель алхимических действий.

Одним из часто употребляемых композитов анализируемой модели является композит *отаишан*, используемый в месневи Абульмаони в восьми случаях. В «Словаре таджикского языка» это сложное слово имеет два значения: «1. растопливающий, разжигающий, разводящий огонь; 2. кремень, огниво, камень или железо, посредством которого разжигают огонь» [295, 1, 934]. В «Лугат-наме» Деххудо зафиксировано два значения композита: «1. поджигатель, зажигательный; 2. то, что в результате трения производит искру для разжигания огня, запальник, кремень, лучина (для растопки)» [303, 1, 19]. Анализируемое сложное слово в поэзии Бедиля встречается в двух значениях:

а) в значении «камень»:

*Шарори дили сангам **отаишане**,*

Фисурд оташи ҳастиям домане. [т.3, 646]

Искра моего каменного сердца – кремень,

Потушил огонь моего бытия подол.

б) в значении «разжигатель огня»:

*Назар мекунам, рангам **отаишан** аст,*

Нафас мекашам, бӯи гул душман аст. [т.3, 671]

Смотрю, цвет мой - разжигатель огня,

Дышу, запах цветов - мой враг.

Композит *оташпараст* в газелях поэта встречается трижды. В «Словаре таджикского языка» это сложное слово зафиксировано в одном

значении: «тот, кто поклоняется огню; последователь зороастрийской религии» [295, 1, 936]. Это же толкование можно проследить и в «Лугатнаме» Деххудо и в «Персидском словаре» Муина [см.: 303, 1, 18; 307, 1, 29]. В поэзии Бедиля это сложное слово встречается в двух значениях:

а) в значении «огнепоклонник»:

Оташпарасти шуълаи андешаат чигар,

Оинадори доги ҳавои ту синаҳо. [т.1 (п.ч.), 14]

Печень – огнепоклонник пламени твоих мыслей,

Грудь – зеркало страстей твоих.

б) в значении «последователь зороастрийской религии, идолопоклонник»:

Тобу таби кибру ҳасад бар ҳақпарастон кам занад,

Гар нестӣ оташпараст, охир ба ин созӣ чаро? [т.1 (п.ч.), 19]

На благочестивых мало влияют высокомерие и зависть,

Если ты не идолопоклонник, то зачем терпишь все это?

Композит *оташфишон* в поэзии Бедиля встречается дважды: в «Тилисми хайрат» и в «Тури ма'рифат». Составители «Словаря таджикского языка» комментируют это сложное слово как «огнедышащий, извергающий огонь; палящий» [295, 1, 936; 933]. В словаре Муина фиксируются два значения этого сложного слова: «1. то, что извергает огонь; 2. гора, из устья которой выбрасываются горючие материалы, пепел и огонь, вулкан» [307, 1, 30]. Деххудо, помимо этого значения, приводит следующее: «что-то или кого-то, кто зажигает огонь; испепеляющий, губительный» [303, 1, 20]. В поэзии Абульмаони это сложное слово употреблено в значение «сжигающий»:

Бар ин хирман чӣ барқ оташфишон шуд,

Ки ҳосилҳо губори корвон шуд. [т.3, 412]

Какая молния сожгла это гумно так,

Что урожай стал пылью каравана.

*Ба ҳар ҷо барқи шиқ **отаифишон** буд,
 Ҳамин кӯҳсор доғи имтиҳон буд. [т.3, 574]*
 Там, где молния любви зажгла огонь,
 Эта гора была рубцом испытания.

Композит *отаинишин* в поэзии Бедиля встречается дважды: в газели и в месневи «Ирфан». Толкование этого сложного слова мы нашли только в «Словаре таджикского языка»: «сидящий в огне» [295, 1, 936]. В этом значении его употребляет и поэт:

*Чӣ имкон аст, сар аз ҳалқаи доғат баровардан,
 Сипанди базми моро нола ҳам **отаинишин** бошад. [т.1 (п.ч.), 741]*
 Нет возможности вырвать сердце из кольца твоей скорби,
 Стенание руты нашего пира также сидит в огне.

*Гурбат **отаинишини** аҳволат,
 Бекасӣ доғи сурати ҳолат. [т.3, 300]*
 Чужбина сидит в огне твоего состояния,
 Одиночество – пятно твоего внешнего вида.

Композит *отаибоз* (играющий с огнем) встречается только в одном бейте Абульмаони:

*Навниёзи улфати доғи муҳаббат нестам,
 Тифли ашкам чун шарар дар санг **отаибоз** буд. [т.1 (п.ч.), 641]*
 Я не новичок в любовной печали,
 Дитя моей слезы, как искра в камне, играло огнем.

В «Словаре таджикского языка» это сложное слово комментируется как «человек, пускающий петарды, фейерверк, запускающий петарды с бенгальскими огнями» [295, 1, 933]. Деххудо фиксирует это сложное слово в одном значении: «тот, кто играет с огнем» [303, 1, 18]. С другой стороны, Муин приводит три значения этого композита: «1. тот, кто играет с огнем; 2. тот, кто создает средство для игры с огнем; 3. фокусы с огнём,

жонглирование горящими предметами» [307, 1, 28-29]. Приведенный выше бейт доказывает, что композит употреблен поэтом в первом значении.

Композит *оташигир* является усечённой формой сложных слов *оташигира / оташигирак* и означает «щипцы для углей» [295, 1, 934]. Это же значение приводится в «Лугат-наме» Деххудо и в «Персидском словаре» Муина [см.: 303, 1, 20; 307, 1, 30]. В поэзии Бедиля это сложное слово употреблено в указанном значении:

Ҳазар зи замзамаи андалеби мо, Бедил,

Ки ахгар аст ба минқори мо чу оташигир. [т.1 (п.ч.), 776]

Берегись мелодии нашего соловья, Бедиль,

В клюве нашем горящий уголь подобен щипцам.

Таким образом, можно сделать вывод, что анализируемая модель относится к продуктивным моделям словообразования, поскольку на ее основе поэтом созданы более десяти новых композитов с компонентом *отаиш*. Ряд слов этой модели использован Бедилем в различных вариантах, в усечённой или редуцированной форме, а некоторые из них являются изобретением поэта.

3. Модель «имя существительное + основа прошедшего времени глагола». Данная модель не является продуктивной в образовании композита с лексемой *отаиш*, так как образует всего один композит, *оташолуд*, в значении «смешанный с огнем» [см.: 295, 1, 936; 307, 1, 18]:

Эътибори аҳли зулм аз олами иқбол нест,

Оташолуд аст он обе, ки оҳан мекашад. [т.1 (п.ч.), 470]

Авторитет угнетателей не от счастливой судьбы,

Вода, которую всасывает железо, смешана с огнем.

4. Модель «имя существительное + причастие». По этой модели образованы композиты *оташигирифта* (воспламененный), *оташидида* (увидевший огонь), *оташизада* (зажегший), *оташизода* (рождённый в огне).

В «Словаре таджикского языка» композит *оташидида* определяется как «обожжённый, сожжённый, воспламененный огнем» [295, 1, 934], из чего

можно заключить, что сложные композиты *отаидида* и *отаизада* являются синонимами. Указанные композиты в поэзии Бедиля встречаются четырежды и употребляются в сочетании с прилагательными *мӯй* и *коҳ*:

*Мӯйи отаидидаро кӯтоҳ мебошад амал,
Чаими мо умрест бар рӯзи ҷазо афтадааст.* [т.1 (п.ч.), 181]
Волос, воспламененный огнем, живет недолго,
Для наших очей вся жизнь – день наказания.

Частотность композита *оташирифта*, комментируемого Деххудо как «воспламененный, разгневанный, распыляющий», в поэзии Бедиля равняется единице [303, 1, 20]:

*Чу нахли когази оташирифта
Шарар домони ҳар баргаиши гирифта.* [т.3, 581]
В воспламененной бумажной пальме
Искра охватывает подол каждого листа.

Композит *отаизода* зафиксирован нами один раз в следующем бейте:

*Барқҷавлон оҳи Бедил яъспарвард асту бас,
Алҳазар, эй муддаӣ, ин дуд отаизода аст.* [т.1 (п.ч.), 219]
Молниеподобный вздох Бедиля лелеет печаль,
Берегись, о завистник, этот дым восходит из огня.

Анализ названных выше композитов показывает, что многие из них вступают в синонимичные отношения, например: *оташирифта*, *отаидида* и *отаизада*. Среди них сложное слово *отаизада* проявляет большую частотность в поэзии Абульмаони и является одноисходным, поскольку производит только прилагательные.

Слово *отаи* в зависимости от строения сложного слова приобретает более одиннадцати значений. В том числе *отаизод* – рождённый в огне, *оташирифта* – воспламененный (качество бумаги), *оташпараст* – огнепоклонник, элемент мироздания; *оташигир* – кочерга; тот, кто имеет дело с огнём.

4. Лексема «гавҳар» и её роль в словосложении

Слово *гавҳар* (жемчуг), вариантами которого являются *гуҳар* и арабизированная форма – *чавҳар*, относится к ключевым словам в поэзии Абульмаони, с которым создано большое количество композитов. Согласно сведениям составителей «Куллията» Бедиля, указанное слово в газелях поэта в варианте *гавҳар* встречается более 490 раз, в форме *гуҳар* – более 460 раз, и в арабизированной форме *чавҳар* – более 500 раз [см.: т. 1 (в.ч.), 1411, 1549-1551].

Лексическая единица *гуҳар* употребляется в различных значениях. В «Словаре таджикского языка» указано одно прямое значение этого слова и шесть переносных значений. Так, «жемчуг; драгоценный камень» является прямым значением сложного слова [295, 1, 248], его переносными значениями можно назвать: 1) сущность, квинтэссенция (философское значение термина); 2) род, происхождение; 3) чадо; 4) слеза; 5) зубы; 6) красноречие [см.: 295, 1, 248]. Эти значения в несколько сокращенном варианте приведены в «Толковом словаре таджикского языка» [296, 1, 291].

В «Персидском словаре» указанное слово трактуется в четырех значениях: 1. каждый из минералов; руда; 2. минерал, растения и животные; 3. каждый из драгоценных камней; 4. жемчуг [307, 3, 3477].

В «Лугат-наме» Деххудо приводятся следующие толкования этого сложного слова: «самоцвет/драгоценный камень — драгоценный камень, подобный алмазу, лазуриту, жемчугу и тому подобному; жемчуг; металл, добыча полезных ископаемых; руда для клинков и мечей, железа и стали; птица, чадо; зубная эмаль или слизистая оболочка; внутренность зуба; первоисточник, истина, основа, корень, натура; природа, суть, разум (философский термин); порода, истинная природа, та, которая верна своей породе; ант. к слову «суть»; минерал, растения и животные; четыре элемента: земля, вода, воздух и огонь; семя, раса, семья, род, дом, клан; пер. слезы» [303, 2, 2467-2468].

Исследователь А. Хабиб считает, что это сложное слово в поэзии Бедиля употреблено в двух значениях: «квинтэссенция: арабизированная форма слова *гавхар* – жемчуг, любой драгоценный камень, например алмаз, рубин, изумруд и др.»:

Шабнам ба ним чаим задан чавҳари ҳавост,

Озода Бедиле, ки ҳамон ашки оҳи ўст.

Роса после полувзгляда – квинтэссенция вожделения,

Бедный Бедиль, который является слезой ее печали.

Слово *чавхар* обозначает «благородное происхождение, благородство, мужество и деловитость; храбрый, умный, знающий, антоним к словам «трусливый, малодушный». В следующем бейте оно употреблено в значении «обладатель фарфоровой сути»:

Зи талоши нозукӣ сухани гуҳарсафо ба замин мазан

Хиҷил аст чавҳарчиние, ки ба мӯ расиду сафол шуд.

Ратуя за изысканность, не надо отвергать слова,

подобно жемчугу,

В конфузе обладатель фарфоровой сути, где обнаружена

невидимая трещина.

Ба таҳсини хасисон ҳеч нафрине намебошад,

Ба рӯи тег бигзар бар лаби бечавҳарон магзар». [301, 69-70]

Никакое поношение не сравнится с восхвалением скупцов,

Проходи по лезвию, но не проходи по устам малодушных.

Соотношение вариантов указанной лексической единицы в образовании композитов таково: *гавхар* – 8; *гуҳар* – 13; *чавҳар* – 9 композитов. Композиты, образованные со словом *гуҳар* с точки зрения модели образования можно разделить следующим образом:

1. Модель «имя существительное + имя существительное». По этой модели образованы композиты *гуҳармоя* (драгоценная основа), *чавҳарогоҳ*

(сведущий в истине), *соҳибчавҳар* (обладающий сутью), *тапишчавҳар* (трепещущая суть, деятельный) и др.

Лексическую единицу *гуҳармоя*, обнаруженную нами в «Персидском словаре», Муин приводит в двух вариантах – *гуҳармоя* / *гавҳармоя* и комментирует как «источник, один из четырёх первоэлементов» [307, 3, 3485; 3495]. В следующем бейте композит *гуҳармоя* использован в значении «основа, источник»:

*Кафи хокам аз май агар гил шавад,
Гуҳармояи як чаҳон дил шавад.* [т.3, 646]
Если мой прах замесят с вином,
Он станет основой для целого мира сердец.

Исходной единицей для композита *соҳибчавҳар* является изафетное словосочетание, преобразованное в результате выпадения изафета в сложное слово, которое в поэзии Бедиля употреблено в значении «суфий, образованный, просвещённый, талантливый»:

*Фақри соҳибчавҳар осори камоли иззат аст,
Тег дар ҳар чо тунук шуд, беитар медорад об.* [т.1 (п.ч.), 153]
Нищета талантливых людей - признак наивысшего уважения,
Лезвие становится более острым, когда истончается.

2. Модель «имя существительное + имя прилагательное». Данная модель с компонентами *гавҳар* / *чавҳар*, в отличие от указанной выше модели, малопродуктивна. По этой модели обнаружен только один композит – *гуҳарташина*, означающий человека, находящегося в постоянном поиске истины:

*К-эй гуҳарташина, тухми яъс макор,
Чанд рӯзе тапиш ганимат дор.* [т.3, 186]
О, жаждущий жемчуга, не сей семена отчаяния,
Используй биение несколько дней, пока есть возможность.

3. Модель «имя существительное + основа настоящего времени глагола» относится к продуктивным моделям словосложения, поскольку

больше половины татпуруша, образованных со словом *гуҳар*, созданы по этой модели: *гавҳароро* / *гуҳароро* (украшенный драгоценными камнями), *чавҳарфурӯш* / *чавоҳирфурӯш* (продающий драгоценные камни), *гуҳарбор* (рассыпающий жемчуг, красноречивый), *гуҳархез* (рассыпающий жемчуг), *чавоҳирафишон* (рассыпающий жемчуг) и др.

В поэзии Бедиля композиты *гавҳархез* и *гуҳархез* обладают одинаковой частотностью и встречаются в двух сочинениях поэта. Толкование указанных слов встречается и в «Лугат-наме», и в «Персидском словаре». Деххудо приводит следующее толкование слова: «из него выходит драгоценный камень; получить из него драгоценный камень» [303, 2, 2469]. Согласно толкованию Муина, это сложное слово встречается в двух значениях: «1. то, из чего можно получить драгоценный минерал; 2. пер. облако» [307, 3, 3482].

Композит *гавҳархез* в следующем бейте использован в значении «место, где появляется жемчуг»:

Қадрдони баҳри гавҳархез гаввос асту бас,

Дард медонад, ки дар ҳар қатраи хунам дилест. [1 (п.ч.), 234]

Цену морю, дающему жемчуг, знает только ныряльщик,

Боль знает, что в каждой капле моей крови скрывается сердце.

Композиты *гавҳархез* и *гуҳархез*, толкование которых встречается во многих словарях, имеют древние корни. В частности, в «Словаре таджикского языка» отмечается: «1. рассыпающий жемчуг, осыпаящий драгоценными камнями; 2. пер. красноречивый, сладкоречивый» [295, 1, 248]. Из толкования Деххудо явствует, что это сложное слово употребляется и в метафорическом значении: «щедрый, великодушный; дарующий дождь» [303, 2, 2469]. Муин также придерживается этого толкования [307, 3, 3484]. Указанные лексемы используются в месневи Бедиля, в том числе в приведенном ниже бейте:

Ба сад гӯшу ҳар гӯш соҳибзабон,

Ба сад тору ҳар тор гавҳарфишон. [т.3, 479]

Имеет сто ушей, и каждое ухо имеет язык,

Имеет сто нитей, и каждая нить с жемчугами.

Частотность лексем *гавҳарфурӯш* / *гуҳарфурӯш* / *чавҳарфурӯш*, являющихся вариантами одного сложного слова, в поэзии Бедиля определяется следующим образом: *гавҳарфурӯш* – 3; *гуҳарфурӯш* – 1; *чавҳарфурӯш* – 1. В «Словаре таджикского языка» композит *гавҳарфурӯш* имеет два значения: «1. человек, который занимается куплей-продажей ювелирных изделий; ювелир; 2. иносказательно – тонкий поэт» [295, 1, 249]. Эти толкования встречаются и в других словарях [см.: 303, 2, 2469; 307, 3, 3484]. В приведенных ниже бейтах это сложное слово используется в значении «продавец жемчуга»:

Бедил, зи ҷӯши обилаам дар раҳи талаб,

Гавҳарфурӯш шуд чу садаф гӯши нақши но. [т.1 (п.ч.), 73]

Бедиль, от бурления волдыря на пути поиска,

Как раковина, стало продавцом жемчуга ухо нашего следа.

Дарё гуҳарфурӯш аст аз орамидани мавч,

Гар орзу бимирад, фарзонро арӯсист. [т.1 (п.ч.), 73]

От спокойствия волны море становится продавцом жемчуга,

Погибель мечты – свадьба для мудреца.

В следующем бейте лексема *чавҳарфурӯш* характеризует лезвие продавца жемчуга:

Чунон мавчи ранг аст бетобичӯш,

Ки шуд шохи гул теги чавҳарфурӯш. [т.3, 666]

Волна цвета до того не имеет бурления,

Что ветка цветка стала лезвием продавца жемчугов.

Композиты *гуҳарпош*, *гуҳарбор* и *гуҳарафшон* близки по семантике. В «Словаре таджикского языка» сложное слово *гуҳарпош* приводится в трех значениях: «1. рассыпающий жемчуг, осыпаящий жемчугом; 2. пер. льющий капли пота и т.д.; 3. пер. красноречивый» [295, 1, 302]. Эти

значения сложного слова приводятся и в других словарях [см.: 303, 2, 2469; 307, 3, 3493]. Композит *гуҳарбор* имеет два значения: «1. рассыпающий драгоценные камни, осыпаящий драгоценными камнями, ловец драгоценных камней, огранщик драгоценных камней; 2. пер. сладкоречивый, говорящий приятные и содержательные мысли» [295, 1, 302]. В следующем стихе исследуемое сложное слово характеризует перо:

Хат нест, ки гул кард аз он килки гуҳарбор,
Бархоста аз шавқи ту мӯ бар тани когаз. [т.1 (п.ч.), 769]
 Это не письмо, которое написало перо сладкоречивого,
 От страсти к тебе на теле бумаги волосы встали дыбом.

Зи дастгоҳи чунун рози ҳимматам фош аст,
Ки чӯши обилаам ҳар қадам гуҳарпош аст. [т.1 (п.ч.), 307]
 Из-за сумасшествия везде разглашена тайна моего сердца,
 Ибо от бурления волдыря на каждом шагу сыплется
 жемчужина.

Барги ороши забон гардид,
Ба саломам гуҳарфишон гардид. [т.3, 140]
 Стала листом украшения языка,
 На мое приветствие начала говорить красивые,
 как жемчуг, слова.

По этой модели в поэзии Абульмаони встречаются также композиты *гавҳарчӯш*, *гуҳарпардоз*, *гуҳаррабо*, толкования которых мы не смогли обнаружить. По всей вероятности, эти слова образованы самим поэтом и основаны на аналогии. Первое сложное слово встречается один раз в месневи «Ирфан»:

Кӯху дашт аз таҷаллият зарпӯш,
Баҳр то қатра аз ту гавҳарчӯш. [т.3, 99]
 От твоего сияния покрыты золотом горы и стены,

Море до капли полно от тебя жемчугом.

Композит *гуҳаррабо* образован по аналогии с лексемой *оҳанрабо* и в поэзии Бедиля употреблен только в одном случае в значении «притягивающий жемчуг»:

То оина рӯ ба рӯи мо буд,

Гулчини баҳор гуҳаррабо буд. [т.1 (п.ч.), 510]

Пока зеркало находилось напротив нас,

Весна притягивала жемчуг.

4. Модель «имя существительное + причастие». По этой модели образованы композиты *гавҳарбаста* (обладающий жемчугом, капля, ставшая жемчугом) и *гавҳаршуда* (превратившийся в жемчуг).

В следующем бейте композит *гавҳаршуда* означает каплю, превратившуюся в жемчуг:

Фарра манишин ба камоле, ки кунад мумтозат,

Бештар қатраи гавҳаршуда нанги дарёст. [т.1 (п.ч.), 363]

Не возгордись совершенством, отличившим тебя,

Предмет позора моря в большинстве случаев – это капля,

превратившаяся в жемчуг.

5. Модель «имя существительное + наречие» является малопродуктивной моделью словосложения с компонентом *гавҳар*, так как по этой модели обнаружен только один композит – *гуҳарканор* в значении «плод вдохновения»:

Кӯишии мо гуҳарканор шавад,

Шояд он чашма ошкор шавад. [3, 195]

Если наше вдохновение даст результат,

Может быть, тот источник обнаружится.

Таким образом, слово *гавҳар*, также используемое в таджикском языке в редуцированном варианте *гуҳар* и арабизированной форме *чавҳар*, активно участвует в образовании композитов типа татпуруша. Анализ показывает, что с данной лексемой образовано более 20 новых композитов.

Изучение поэтических текстов Бедиля с точки зрения использования композитов этого ряда показывает, что в составе сложных слов данная лексема способствует выражению более двенадцати значений, о которых в толковых словарях не упоминается, в частности для описания и характеристики слова, пера, капли, превратившейся в жемчуг, источника цели, волны, порождающей жемчуг и др.

Указанная лексическая единица образует по модели «**имя существительное + основа глагола настоящего времени**» большое количество композитов.

5. Лексема «сар» и её место в словосложении

Лексическая единица *sar* (голова) принимает активное участие в образовании сложных слов типа татпуруша. Так, с участием этой лексемой образовано более 40 таких композитов.

Лексема *sar* относится к многозначным лексическим единицам таджикского языка. Так, в «Словаре таджикского языка» приводится восемь значений этого сложного слова с иллюстрациями [295, 2, 193-200], а также множество слов и словосочетаний, образованные с участием этого компонента. В «Персидском словаре» Муина это слово разъясняется в девяти значениях [307, 2, 1847], которые можно обнаружить и в «Лугатнаме» Деххудо [303, 2, 1663-1666].

Композиты с компонентом *sar* с точки зрения модели образования можно разделить на следующие группы:

1. Модель «имя существительное + имя существительное» относится к продуктивным моделям словосложения. В отличие от других моделей, лексическая единица *sar* на основе этой модели создаёт большое количество композитов: *saradab* (начало приличия), *saranguшт* (большой палец), *sarvaқт* (свидание), *sarvaraқ* (титульный лист, начало страницы), *sarзамин* (край), *sarзаниш* (упрек), *sarманзил* (основное место), *sармашқ*

(пример, образец), *сармоя* (капитал), *сарҳисоб* (осведомленный), *сарчаишма* (источник), *сариостин* (начало рукава) и др.

Из этой группы слов композиты *сармоя*, *сарманзил*, *сарангушт*, *сароб*, *сарришта*, *сарчаишма*, *сархат*, *сармаишқ* относятся к употребительным лексическим единицам, образованным от изафетных словосочетаний в результате выпадения изафета. Композиты *сармаишқ* и *сархат* проявляют синонимичность в значении «пропись, образец для упражнения в чистописании» [295, 2, 208], «пример, образец» [303, 2, 1685]. В персидском языке лексема *сархат* употреблялась также в значении «пропись, красная строка; заглавие; лакейство» [см.: 303, 2, 1674].

Композиты *сармаишқ* и *сархат* использованы в поэзии Бедиля в следующих значениях:

а) композит *сармаишқ* – в значении «основа и источник»:

*Бувад сармаишқи дарси хомӯишӣ борикбиниҳо,
Зи мӯ ангушти ҳайронӣ ба лаб доранд чиниҳо.* [т.1 (п.ч.), 43]
Проницательность есть образец для урока молчания,
Из-за волосинки фарфор имеет палец удивления во рту.

б) композит *сархат* в значении «предопределение»:

*Рӯзе, ки қазо сархати офоқ рақам зад,
Гуфтам: «Ба ҷабинам чӣ навиштанд? Қалам зад»* [т.1 (п.ч.), 614]
В тот день, когда предопределение решило создать мир,
Я сказал: «Что написано на моем челе?». Начертали.

в) или в значении «предначертание»:

*Гузаит умр ба ларзиданам зи биму умед,
Қазо навишт магар сархатам ба сояи бед.* [т.1 (п.ч.), 684]
Прошла жизнь от болезни и надежды в трепете,
Неужели предопределение написало мое предначертание
в тени ивы?

Сложное слово *сарнома* комментируется в словарях как «вступление, эпиграф к письму» [295, 2, 208; 303, 2, 1686], однако в поэзии Бедиля оно

употреблено в значение «судьба, предназначение», и в этом значении композиты *сархат* и *сарнома* являются синонимами:

*Дар мактаби офариниши устоди қидам,
Сарномаи аҳли ҳусн мекард рақам,
Чун навбати тавсифи ҷамоли ту расид,
Аз найзаи хуришед тарошид қалам.* [т.2, 512]

В школе творения извечный Устад
Предначертал судьбу обладателей красоты.
Когда подошла очередь описания твоей красоты,
Калам изготовили из тростника Солнца.

г) композит *сархат* употреблен поэтом в значении «введение»:

*Сархати дарси камолат мунтахаб донӣ, бас аст,
Аз китоби мову ман сатри адам хонӣ, бас аст.* [т.1 (п.ч.), 321]

Достаточно, если из введения к уроку совершенства будешь
знать только избранное,

Достаточно из книги «Я и мы», если прочтешь строку небытия.

Композит *сарманзил* встречается в словарях в одном значении – «основное местопребывание, обиталище» [см.: 295, 2, 207; 303, 2, 1685; 307, 2, 1874]. Бедиль в своих стихотворениях использовал этот композит в следующих значениях:

а) в значении «основная цель»:

*Ба ҷурми мову ман дурем аз сарманзили мақсад,
Ҷарас ин ҷо биёбонмарг дорад корвонҳоро.* [т.1 (п.ч.), 98]

По вине я и мы далеки от основной цели,
Колокольчик здесь направляет караваны в пустыню смерти.

б) в значении «жилище, цель»:

*Каъбаву бутхона нақши маркази таҳқиқ нест,
Ҳар кучо гум гашит раҳ, сарманзиле оростанд.* [т.1 (п.ч.), 708]

Кааба и капище не центр исследования истины,
Там, где потеряли дорогу, устроили жилище.

*Гоми чанде дигар ба чаҳд гумор,
То ба сарманзилат кунанд дучор. [т.3, 307]*
Пройди с усердием еще несколько шагов,
Чтобы достичь конечной цели.

Композит *сарангушт* в таджикском языке употребляется в одном значении: «кончик пальца» [295, 2, 201], однако в персидском языке он имеет два значения: «1. кончик пальца; первый сустав пальца, на котором находится ноготь; 2. сорт винограда» [303, 2, 1669; 307, 2, 1853]. Этот композит используется в поэзии Бедиля двадцать раз в прямом значении:

*Эй ҳирспараст, хуш ба ваҳм афсурдӣ,
Болидиву ранҷҳои коҳиш бурдӣ.
Чун шамъ ба завқи ангубине, ки набуд,
Худро ба сарангушт макидан хурдӣ. [т.2, 575]*

Эй, корыстолюбец, ты очень хорошо из-за
воображения пал духом,

Возгордился и перенес мучение обид.

Как свеча в надежде на мёд, которого не было,

Обсосал большой палец бесполезно.

С участием этого сложного слова в поэзии Абульмаони встречается множество поэтических выражений: *сарангушти ҳиноӣ* [9, 1 (п.ч.), 150]; *ба сарангушт ҷигар бастан* [9, 1 (п.ч.), 760]; *чаманеро ба сарангушт печидан*; *шамъи сарангушт* [9, 1 (п.ч.), 376]; *сарангушти нафас* [9, 3, 532]; *сарангушти сарв* [9, 3, 658]; *сарангушти қудратнигор* [9, 3, 792] и др.

Другие композиты с компонентом *сар*, такие как *сарчанг*, *сарпанча*, *сарвақт*, *сарзамин*, *сарзаниш*, *сарҳисоб* не характеризуются употребительностью. Композиты *сарчанг* и *сарпанча* являются синонимами.

Композит *сарчанг*, комментируемый в персидских словарях как «1. кисть руки; 2. удар рукой, направленный с полной силой в голову и лицо, пощёчина, оплеуха» [303, 2, 1673; 307, 2, 1859], в поэзии Бедиля встречается семь раз:

а) в значении «кисть руки»:

*Ин амалфарсудагон магрури ороманд, лек,
Зери сарчанги ҳавас як ришу чандин шонаанд.* [т.1 (п.ч.), 508]
Эти опознанные властью надменные люди,
Под пятерной вожделения (являются) бородой
с несколькими расчёсками.

б) в значении «пощёчина»:

*Саъйи сарчанги маломат чораи савдо накард,
Муӣ аз Маҷнун ба чандин шона нашкасту нарехт.* [т.1 (п.ч.), 191]
Усердие пощечины осуждения не остановило страсть,
Несмотря на многократное расчесывание, волосы Меджнуна
остались в беспорядке.

Таким образом, лексема *сар* образовало по модели «имя существительное + имя существительное» множество лексических единиц, большая часть которых пользуется широкой употребительностью. Материалы исследования свидетельствуют о том, что названные композиты проявляют полисемантическую.

2. Модель «имя существительное + имя прилагательное». По этой модели образованы следующие композиты: *сарбараҳна* (с непокрытой головой), *сарбаланд* (горделивый), *сармаст* (пьяный), *сарнаст* (с поникшей головой), *сарфурӯ* (с поникшей головой), *сарнагун / сарнигун* (опрокинутый).

Из этого ряда композитов сложные слова *сарнагун / сарнигун* проявляют высокую частотность в поэзии Бедия и употребляются в различных значениях:

а) в значении «опрокинуть»:

*Пирию лофи ҷавонӣ, Бедил, охир, шарм дор,
Шииа чун шуд сарнагун, ҷуз бар арақ қулқул мабанд.*
[т.1 (п.ч.), 459]

Старости и бахвальства юности, Бедиль, стыдись,

Когда графин опрокинут, не надейся на бульканье.

б) для выражения понятия о скоротечности жизни:

Қомати хам хичлати умри талафгардида аст,

Ҳар қадар мино тихӣ шуд, сарнагунтар мешавад. [т.1 (п.ч.), 750]

Согбенный стан – признак сконфуженности из-за зря

потраченной жизни,

Чем больше опустошается мех для вина, тем больше

он опрокидывается.

в) в переносном значении – «пристыженный»:

Бедил, аз бедастгоҳӣ сарнагуни хичлатем,

Дасти мо азбас тихӣ шуд, остин гардидааст. [т.1 (п.ч.), 392]

Бедиль, из-за несостоятельности мы оконфузились,

Так как наша пустая рука напоминает рукав.

Другие композиты этой модели, такие как *сарбараҳна*, *сарбаланд*, *сармаст*, *сарнаст* и *сарфурӯ*, в отличие от *сарнигун*, не характеризуются широкой употребительностью, однако проявляют различные семантические отношения. Например, композиты *сарнаст* и *сарфурӯ* являются синонимами, а с композитом *сарбаланд* проявляют антонимичность.

В «Толковом словаре таджикского языка» только композит *сарнаст* имеет два значения: «1. понурый, с поникшей головой; 2. пер. чувствующий себя виноватым; низвергнутый, покорный» [296, 2, 220]. В поэзии Бедилы композит *сарнаст* встречается в одном рубаи, а композит *сарфурӯ* – дважды: в месневи «Мухити а’зам» и в рубаи поэта:

Коре накунӣ, ки чуръати бадмастат

Дар ранчи надомат фиканад сарнастат... [т.2, 335]

Не делай так, чтобы смелость твоего пьянства

Низвергла тебя в мучения раскаяния и позора.

Умрест зи шарм сарфурӯ меболам,

Бе ҳосили мазраи нумӯ меболам... [т.2, 522]

Всю жизнь растем, от стыда опутив голову,
На ниве без урожая произрастаю.

Композит *сарбаланд* противоположен по значению композиту *сарнаст* и комментируется в словарях как «высший, высокий, величественный; пер. горделивый, возвышенный, высокопоставленный» [295, 2, 202]. Это же толкование приводится и в других словарях [303, 2, 1670; 307, 2, 1855]. В поэзии Бедиля указанная лексема употреблена в метафоричном значении – гордый:

Бунёди ачзу даъвии иззат чунуни кист?

Мӯ сарбаланд нест, шавад то кучо баланд? [т.1 (п.ч.), 692]

Беспомощность и претензия на уважение – что

за сумасшествие?

Сколько бы ни росли волосы, они гордыми не станут.

То дар ин ҳалқа арҷманд шавам,

Ба хами ачз сарбаланд шавам. [т.3, 397]

Чтобы в этом кругу мне стать уважаемым,

Стал гордым на изгибе беспомощности.

Композит *сарбараҳна* зафиксирован в «Персидском словаре» и в «Лугат-наме». Деххудо определяет значение этого сложного слова следующим образом: «тот, чья голова непокрыта; без головного убора, простоволосый» [303, 2, 1670]. Это же толкование приводит Муин [307, 2, 1855]. Анализируемый композит в поэзии Абульмаони употреблен один раз в значении «с непокрытой головой»:

Ба таъни Бедили девона сарбараҳна наёӣ,

Мабод кафш зи по баркунад, ба даст бинӯшад. [т.1 (п.ч.), 697]

Не приходи с непокрытой головой упрекать

сумасшедшего Бедиля,

Не дай Бог, снимет обувь и наденет на руки.

Таким образом, слово *sar* образовало ряд композитов по модели «имя существительное + имя прилагательное», среди которых композит *sarnaгун* / *sarnигун* является наиболее употребительным, а другие лексические единицы употребляются сравнительно редко. Композиты этой модели отличаются от сложных слов других моделей вариативностью и различными семантическими отношениями.

3. Модель «имя существительное + основа настоящего времени глагола». В поэзии Абульмаони по этой модели образованы композиты *sarkaиш* (упрямый), *sarчӯиш* (накипь), *sarnӯиш* (головной убор), *sarkӯб* (подавление), *sарафроз* / *sарфароз* (удостоенный признания), *sарфикан* (с поникшей головой), *sаршикан* (разбивающий голову).

В поэзии Бедиля композит *sarkaиш* встречается чаще других сложных слов и, согласно исследованию, употребляется более пятидесяти раз. В «Словаре таджикского языка» это сложное слово имеет пять значений: «1. непослушный, упрямый, строптивый, своевольный; 2. заносчивый, гордый, высокомерный; 3. сильный, могучий, борец; 4. прямой и высокий, благородный, гордый; 5. имя известного композитора и придуманная им мелодия» [295, 2, 207]. Это же толкование приводится и в словаре Деххудо [303, 2, 1682]. В «Персидском словаре» Муина это сложное слово приводится только в одном значении: «смутьян, мятежник, бунтовщик, бунтарь, непослушный» [см.: 307, 2, 1870]. Из комментариев Деххудо и Муина становится очевидно, что данная лексема является омонимом, так как во втором значении подразумевает «мелодию древности» [303, 2, 1682; 307, 2, 1870].

Композит *sarkaиш* в поэзии Бедиля использован в следующих значениях:

а) в значении «гордый, надменный, непокорный»:

Хасми sаркаишро фано соз аз мулоимтинатӣ,

Оташи сӯзон надорад чора ҷуз мурдан дар об. [т.1 (п.ч.), 158]

Убей непокорного врага мягкостью,

Обжигающее пламя гасят водой.

б) в значении «упрямый»:

Чуз коҳиши ҷон нест зи ҷамсуҳбати саркаи,

Гирён бувад он мум, ки бо шуъла надим аст. [т.1 (п.ч.), 194]

От беседы с упрямым собеседником изнуряется душа,

В слезах всегда свеча, находящаяся рядом с пламенем.

в) в значении «заносчивый»:

Ранги ҳоли сарву қумрӣ бин, ки дар гулзори даҳр,

Хоксорон зери тавқу саркаишон озодаанд. [т.1 (п.ч.), 433]

Посмотри на внешность кипариса и горлинки: в цветнике мира

Скромные под ободом (ожерельем), заносчивые – на свободе.

В поэзии Бедиля лексема *сарҷӯш* стоит на втором месте по степени употребления и используется поэтом более двадцати раз. В таджикском языке анализируемая лексическая единица употребляется в двух значениях: «1. проба пищи из котла; накипь 2. пер. сливки, пенка (на молоке), заключение; начало всего; чистый от всего, лучшая часть чего-либо» [295, 2, 215]. В «Персидском словаре» это сложное слово встречается и в значении «шум, бурление» [307, 2, 1858]. Толкования в словаре Деххудо совпадают только с переносным значением слова, а первоначальным значением этого сложного слова лексикограф считает «пробу супа» [303, 2, 1672]. По мнению А. Хабиба, в поэзии Абульмаони это сложное слово употреблено в значении: «маслянистая вкусная часть пищи, которая образуется в результате варки; пер. есть начало или рассвет счастья, ровный слой и введение, прелюдия к кульминационному состоянию духа, настроения и ситуации» [301, 140]. В стихотворениях Бедиля названный композит используется в метафорическом значении:

а) в значении «брожение винограда»:

Қивоми об аз вай ранги гул шуд,

Гудози раз аз ӯ сарҷӯши мул шуд. [т.3, 441]

Основа воды от него стала розовой,

Брожение винограда от него стало чистым вином.

б) в значении «накипь»:

Дар ёди ту ҳуе заду бар соғари дил рехт,

Дурди нафаси сӯхта сарҷӯши фигонҳо. [т.1 (п.ч.), 18]

Вспомнив о тебе, прокричал «Ё-ху!» и налил в бокал сердца

Осадок сожжённого дыхания накипи рыданий.

Композит *сарҷӯш* в «Словаре таджикского языка» имеет одно значение: «крышка, покрывало» [295, 2, 211], однако в персидском языке он употребляется в двух значениях, его вторым значением является «женское головное покрывало» [303, 2, 1611; 307, 2, 1857]. В поэзии Абульмаони указанный композит используется в следующих значениях:

а) в значении «крышка»:

Чандон ки кушудем сари деги тасаллӣ,

Сарҷӯши дигар аз таҳи сарҷӯш баромад. [т.1 (п.ч.), 660]

Сколько бы мы не открывали крышку котла утешения,

Открывается за крышкой другая крышка.

б) в значении «небосвод»:

Муҳити беканоре ҷӯш бардошт,

Ки аз хони фалак сарҷӯш бардошт. [т.3, 469]

Бескрайний океан забурлил,

На скатерти небосвода открыл крышку.

Из композитов *сарафроз* / *сарфароз* в поэзии Бедиля большей частотностью характеризуется сложное слово *сарфароз*, встречающееся в словарях в значении «удостоенный признания, поднимающий голову; пер. гордый, избранный» [295, 2, 213]; «уважаемый, почитаемый, гордый; причина гордости, почета и уважения; строптивый; высокомерный, заносчивый» [303, 2, 1668, 1681]. В следующих бейтах названный композит употреблен поэтом для обозначения таких понятий как:

а) в значении «избранный»:

Заифон дастгири сарфарозон мешаванд охир,

Ба рӯзи нотавониҳо асои шуъла хас бошад. [т.1 (п.ч.), 711]

Слабые в конце станут поддержкой избранных,

В дни немощи солома станет помощником пламени.

б) в значении «гордец»:

Ҳавои пухтагӣ дорӣ, кулоҳи фақр сомон кун,

Ки аз тоҷи сарафрозон хаёли хом мехезад. [т.1 (п.ч.), 494]

Если есть желание стать зрелым, подготовь шапку бедности,

Ибо от короны гордецов появляются незрелые думы.

Таким образом, по модели «имя существительного + основа настоящего времени глагола» со словом *сар* образовано большое количество композитов, большинство из которых в поэзии Бедиля приобрело многозначность.

4. Модель «имя существительное + основа прошедшего времени глагола». По этой модели были образованы композиты *саргузаит* и *сарнавишт*.

Частотность композита *саргузаит* в поэзии Бедиля достигает 14 и встречается в основном в месневи «Ирфан» (семь раз). Оба композита относятся к общеупотребительной лексике таджикского языка. Например, в «Словаре таджикского языка» композит *сарнавишт* интерпретируется в одном значении: «судьба, предопределение, рок» [295, 2, 208]. В «Персидском словаре» помимо этого значения, приводится и другое толкование: «то, что предначертано человеку» [307, 2, 1876]. В «Лугатнаме» для изъяснения этого сложного слова использовано выражение «предначертание, рок, то, что предназначено человеку в день смерти» [303, 2, 1686]. Также в словаре Деххудо приводится толкование, не встречающееся в других словарях: «то, что написано на углу лука, и это чаще всего имя лучника» [303, 2, 1686].

Когда Бедиль использовал этот композит, то имел в виду значение «предопределение, то, что предначертано судьбой, доля»:

Сарнавиштам натвон хонд, магар дар таслим,

Тавъами ҷабҳаи худ сохтаам зонуро. [т.1 (п.ч.), 11]

Мою долю можно узнать по смирению,
Близнецом своему лбу я сделал чашу колен.

*Маҷӯ, Бедил, илоҷи сарнавишт аз гиряи ҳасрат,
Ба мавҷи бода душвор аст шустан хатти соғарҳо.*
[т.1 (п.ч.), 141]

Не ищи, Бедиль, в плаче печали освобождения
от ударов судьбы,
Волною вина очень тяжело смыть узоры бокала.

Композит *саргузаит* в словарях истолкован следующим образом: «1. то, что случилось с кем-то, событие; 2. рассказ о себе, жизнеописание» [295, 2, 204; 303, 2, 1683; 307, 2, 1871], в поэзии Абульмаони он употреблен в следующих значениях:

а) в значении «судьба»:

*Меравам бедаступо чун шамъу аз ҳар узви ман
Обила гул мекунад, то арза дорад саргузаит.* [т.1 (п.ч.), 355]
Без рук и ног иду я, как свеча, и на каждом моем члене
Расцветает волдырь, чтобы рассказать о своей судьбе.

б) в значении «приключение»:

*Саргузаити ибрати Маҷнун ҳанӯз афсона нест,
Маҳшар осудаст, бар занҷири мо гулгул мабанд.* [т.1 (п.ч.), 459]
Поучительные приключения Меджнуна – еще не сказки,
Место Страшного суда спокойно, не греми нашими цепями.

в) в значении «приключение»:

*Рӯзе аз иқтизои гардиши ҳол
Саргузаите намуд вақфи мақол.* [т.3, 350]
Как-то по потребности состояния
Изложил свои приключения.

г) в значении «жизнь»:

*Чодаре бар сараи зи шарм кашид,
Саргузаити гарибияи нурсид. [т.3, 385]*
Из-за стыдливости набросил на голову чадру,
Спросил его о жизни на чужбине.

Таким образом, по модели «имя существительное + основа прошедшего времени глагола» со словом *sar* образовано не очень много лексических единиц, однако два композита по этой модели, обнаруженные в поэзии Бедиля, получили широкое и частое употребление, в особенности композит *sarгузаит*, обладающий многозначностью.

5. Модель «имя существительное + причастие» относится к распространенным моделям словосложения, на её основе образованы композиты с компонентом *sar* (голова): *sarбаста* (скрытый), *sarkūфта* (посрамленный), *sarшикаста* (с разбитой головой), *sарафканда* / *sарфканда* / *sаруфканда* (с поникшей головой).

В следующем бейте композит *sarшикаста* употреблен в значении «непокорный»:

*Бенаво рӯ ба хоки ачз ниҳод,
Гардани саршикастаро хам дод. [т.3, 208]*
Бедняк склонил голову смирения к земле,
Склонил непокорную голову.

6. Модель «имя существительное + наречие». По этой малопродуктивной модели образован один композит – *sаранҷом*, широко используемый поэтом в творениях всех поэтических жанров. Композит *sаранҷом* имеет два значения: «1. конец; завершение работы; итог; 2. наконец, в конце, в конце концов, в заключение» [295, 2, 201]. Это же значение приводится и в других словарях [303, 2, 1668; 307, 2, 1853].

В поэзии Бедиля названное слово употреблено в следующих значениях:

а) в значении «конец какого-нибудь дела»:

*Зиндагонист, ки чуз марг саранҷом надоишт,
Гар намебуд нафас, субҳи касе шом надоишт. [т.1 (п.ч.), 311]*

Нет другого конца у жизни, кроме смерти,
 Не было бы дыхания, утро всех людей было бы без вечера.

б) в значении «итог»:

Ба тақлид мебурд ваҳме ба кор,
Саранҷом расвой овард бор. [Т.3, 776]
 Подражая, использовал воображение,
 В итоге оно привело к позору.

Таким образом, модель «имя существительное + наречие» образует только один композит – *саранҷом*, который в поэзии Бедиля приобретает полисемантическую.

7. Модель «имя прилагательное + имя существительное» малопродуктивна и образует два композита; *пиронасар*, *кӯчаксар*. Следует отметить, что, согласно рассуждениям Муина, компонент *сар* в указанных выше лексемах является к суффиксам: «это суффикс, который может употребляться в следующих двух случаях: алиф — прошедшее время: *пиронасар*; с – [=сор] суффикс места: *чоҳсар*; *кӯҳсар*» [307, 2, 1847]. На наш взгляд, анализируемое сложное слово сохранило свое лексическое значение в перечисленных выше сложных словах и не подверглось смысловой абстракции. С другой стороны, Муин в ходе толкования значения лексической единицы в скобках ставит знак «к. мур.» – «сложное наречие» (такое же примечание делает и Деххудо). Поэтому правильнее будет отнести эту лексему к композитам.

Композит *пиронасар* достаточно известен в таджикской классической литературе. В качестве примера можно привести газель Хафиза:

Пиронасарам, шиқи чавонӣ ба сар уфтод
В-он роз, ки дар дил бинҳуфтам, бадар уфтод. [12, 93]
 На старости лет я влюбился в молодую,
 Тайна, которую я скрывал в сердце, вышла наружу.

В «Словаре таджикского языка» это сложное слово означает «старость, период старости» [295, 2, 64]. Такое же толкование приводится в

словарях Деххудо и Муина [303, 1, 637; 307, 1, 889]. Сличение толкований двух последних словарей показывает, что другим вариантом этого композита является *пиронсар* [303, 1, 637; 307, 1, 888]. Анализируемое сложное слово встречается только один раз – в месневи «Мухити а’зам»:

В следующем бейте композит *пиронасар* употреблен в значении «старость, преклонный возраст» [303, 2, 64]:

*Ба софи тараб баски дорад назар,
Шукуфа кашад бода **пиронасар**.* [т.3, 655]

Так как перед ним чистое вино радости,
Цветок наливает вино в старости.

Исследование словарей показывает, что в таджикском языке с компонентом *кӯчак* встречаются композиты *кӯчакпо* – «размер башмака, который меньше обычного размера...» [см.: 303, 2, 2355]), *кӯчакдил* – «добродушный, добрый; нежный и здоровый» [295, 1, 583; 303, 2, 2355], *кӯчакшикам* – «человек с маленьким животом» [303, 2, 2355], однако композит *кӯчаксар* нами не обнаружен. На наш взгляд, Бедиль образовал анализируемую лексическую единицу на основе аналогии с вышеприведенными композитами. Данная лексическая единица в поэзии Бедилья встречается один раз в метафорическом значении – «глупый, неразумный»:

*Аз таҷрибаҳои ин дабистони куҳан
То илми қиёфа шуд далели туву ман.
Дидем мунофиқу ҳасуду гаммоз,
Кӯчаксару зардрангу кӯтаҳгардан. [т.2, 537]*

Из опытов этого древнего мира
Наука физиогномики стала аргументом для меня и тебя.
Увидели мы двуличных, завистников, сплетников,
Неразумных, желторотых и коротковьюных.

8. Модель «местоимение + имя существительное». Эта модель также является непродуктивной. В поэтических текстах Бедилья выявлен только

один композит по этой модели – *худсар* частотность его использования составляет 20 раз.

Названный композит в «Словаре таджикского языка» приводится в одном значении: «человек, который действует, не обращая внимания на мнение других, самодовольный, самовластный» [295, 2, 501]. Деххудо приводит следующее толкование этого сложного слова: «бесстрашный; дерзкий; храбрый; упрямый; цивилизованный; тот, кто никому не подчиняется; работает на себя» [303, 1, 1178]. Такое же толкование в своем словаре дает и Муин [см.: 307, 1, 1452].

В следующем бейте композит использован в значении «своенравный, самовластный» [см.: 295, 2, 501]:

Худсар ба марг гардани даъвӣ фуруд кард,

Чун сар намонд, шамъ қабули сучуд кард. [т.1 (п.ч.), 567]

Своенравный склоняет голову перед смертью,

Как только не станет головы,

Свеча склоняется в молитвенном поклоне.

Из приведенных примеров явствует, что лексема *сар* в созданных Бедилем композитах употреблена более чем в тридцати значениях.

Таким образом, большое количество таджикских слов в поэзии Бедилия находит применение в образовании композитов, в частности татпуруша. Из них поэт отдаёт предпочтение лексическим единицам *оина* (зеркало), *обила* (водянистая мозоль), *гавҳар* (жемчуг), *дил* (сердце), *отаи* (огонь) и др. С указанными лексемами образовано от десяти до сорока и более композитов типа татпуруша, большая часть которых являются неологизмами Абульмаони, поскольку не встречаются в имеющихся толковых словарях. С одной стороны, композиты употреблены в различных значениях, с другой – находятся в различных смысловых отношениях.

4.3.2. Арабские лексемы и их роль в словосложении

В образовании сложных слов активное участие принимают арабские заимствования, в чем можно убедиться на примере слов, проанализированных в предыдущих главах. В то же время наблюдения показывают, что Бедиль проявляет особый интерес к более чем сорока арабским лексемам, таким как *адаб*, *адам*, *алам*, *арақ*, *ачз*, *вахм*, *вахшат*, *гам*, *гафлат*, *горат*, *ибрат*, *нафас*, *соҳиб*, *тараб*, *ҳавас*, *ҳайрат*, *ҷунун*, *шуъла* и др., благодаря которым образованы композиты типа татпуруша, позволяющие познать всю красоту поэтического мира Абульмаони. Так как анализ словообразовательного потенциала более чем сорока арабизмов в составе одной научной работы не представляется возможным, мы решили остановиться на анализе пяти арабизмов.

1. Слово «нафас» и ее роль в словосложении

Слово *нафас* (дыхание) является одним из ключевых слов в поэзии Бедилья. Составителями «Куллията» Абульмаони было определено, что указанное слово в газелях поэта встречается более 600 раз [см.: т.1 (в.ч.), 1579-1580], что, несомненно, связано с его мировоззрением и поэтическим воображением.

Анализируемая лексическая единица в «Словаре таджикского языка» приводится в трех значениях: «1. воздух, который человек или животное вдыхает и выдыхает через рот или нос; 2. пер. момент, секунда; 3. стон» [295, 1, 838]. Более того, в этом словаре нами выявлено более 10 композитов с компонентом *нафас*. В «Персидском словаре» Муина приводится семь значений этого сложного слова: «1. воздушный бриз; 2. воздух, поступающий в легкие через нос или рот при вдыхании и выдыхании воздуха; 3. мгновенье; 4. глоток, момент; 5. время, необходимое для вдоха; миг, момент; 6. период, время; 7. состоит в развитии сердца для мелодии любви» [307, 3, 2772-2773]. В словаре Деххудо также подробно рассмотрены толкования лексемы *нафас*: «Дыхание – вдох, выдох; воздух, который

входит и выходит изо рта или пасти живого существа во время дыхания; жизнь; последний вдох, энергия деятельности и движения; смерть; выдох, воздух, выходящий изо рта о сжатыми губами; заклинание, воля; дервишество или старость; пер. очень дорогое и почетное бытие; сказанное, обещанное; интервью, собеседование; запах, аромат; голос, звук, песня; мгновение, малое и очень короткое время, вздох, миг, момент» [303, 2, 3017]. В указанных словарях комментируется также большое количество словосочетаний с компонентом *нафас*.

А. Хабиб приводит слово *нафас* в двух значениях: «1. воздух, который вдыхают и выдыхают легкие человека и животных; 2. чтение заклинаний, повторение молитвы для исцеления больного или решения проблемы» [301, 234-235]. На наш взгляд, в ходе образования композитов Бедиль был вдохновлен именно таким значением слова *нафас*: миг, момент; короткое время, которое требуется, чтобы сделать один вдох.

Значение слова *нафас* в поэзии Бедилья стало предметом исследования Н. Нурова [см.: 74; 73; 217], в ходе которого ученый уделяет внимание двум вопросам: 1) значение слова *нафас* в поэзии Абульмаони; 2) анализ конструкций с компонентом *нафас* в поэзии Бедилья. О значении слова *нафас* в поэзии Абульмаони ученый отмечает: «В поэзии Бедилья слово *нафас* чаще всего употребляется в значении «жизнь», поскольку согласно философии Бедилья, человеческая жизнь состоит из дыхания» [74, 14, 73, 109], а в результате исследования более двадцати конструкций, образованных Бедилем, он приходит к выводу, что «Бедилью удалось с участием этого слова (*нафас* — О.М.) образовать большое количество словосочетаний, большинство из которых являются оригинальными творениями Бедилья, и даже их земные или мистические значения являются новаторскими изобретениями самого поэта» [74, 27; 73, 131]. Вместе с тем в исследовании Н. Нурова роль лексемы *нафас* в образовании композитов осталось за рамками исследования. Ввиду этого в настоящей работе

предпринята попытка для определения роли анализируемого слова в образовании сложных слов.

С указанным композитом в поэзии Бедиля обнаружено более сорока сложных слов, среди которых 23 композита являются сложными словами типа татпуруша. Указанные композиты в зависимости от позиции слова *нафас* можно разделить на две группы:

1) композиты, в которых лексическая единица *нафас* выступает первым компонентом;

2) композиты, в которых слово *нафас* находится в постпозиции. В этой группе нами зафиксированы три композита.

Исследование поэтических текстов Бедиля показывает, что участие лексемы *нафас* в данных моделях способствует созданию новых композитов.

1. Модель «имя существительное + имя существительное» не относится к продуктивным моделям. По этой модели выявлены всего пять композитов: *нафасқосид* (человек), *нафасмоя* (человек), *арақнафас* (человек), *оташнафас* (огненное дыхание), *соҳибнафас* (обладающий дыханием).

По модели «имя существительное + имя существительное» с компонентом *нафас* Бедилем образован композит *нафасмоя*, используемый поэтом практически в творениях всех поэтических жанров, который, однако, в имеющихся словарях [285; 295; 296; 301; 303; 305; 306; 307] не обнаружен. Данная лексема использована поэтом для обозначения «человека, суть жизни которого заключается в одном дыхании, мгновении»:

Мо нафасмоему кори нафас

Нест будан муқими дому қафас. [Т.3, 186]

Сущность – наше дыхание,

Дыхание не может жить в силках и в клетке.

Лексическая единица *соҳибнафас* относится к числу композитов, которые, во-первых, в отличие от других сложных слов характеризуются широкой употребительностью, и, во-вторых, он зафиксирован в словарях. Это сложное слово используется Абульмаони во всех поэтических жанрах и встречается в пяти случаях. Исходной единицей для композита является изафетное словосочетание, образованное методом сложения. Деххудо дает следующее толкование композита *соҳибнафас*: «мустаджаб-уд-да'ват; человек, чьи молитвы могут оказать воздействие» [303, 2, 1884]. В поэзии Бедиля это сложное слово использовано в значении человека, молитвы которого приняты Богом:

*Кори соҳибнафас фусурдан нест,
Ки фусурдан ба гайри мурдан нест. [т.3, 138]*
Увядание не занятие человека, молитвы
которого приняты Богом,
Ибо увядание есть смерть.

Композит *нафасқосид* в имеющихся словарях не зафиксирован [285; 295; 296; 301; 303; 305; 306; 307], и можно предположить, что он принадлежит к перу самого Абульмаони. Исходной единицей для этого композита является изафетное словосочетание, которое способом перевёртыша было преобразовано в композит. По нашему мнению, *нафасқосид* в следующем бейте использован поэтом в значении «вестник дыхания, жизни»:

*Ба ҳар чо барад шавқ, мерафта бош,
Нафасқосидонем, пайгом нест. [т.1 (п.ч.), 254]*
Куда бы тебя не вела страсть, иди.
Мы вестники дыхания, других вестей нет.

Композит *арақнафас* употреблен поэтом только в следующем бейте в значении «пристыженный, сконфуженный»:

*Зи инфиоли гунаҳ нолаам арақнафас аст,
Чу мавҷ сустпарӣ мекунад хаданг дар об. [т.1 (п.ч.), 175]*

От стыда за свои грехи мои стоны конфузятся

Наподобие палки, которая в воде движется медленно.

2. Модель «имя существительное + основа настоящего времени глагола» в словосложении считается продуктивной моделью образования композитов. На основе этой модели с компонентом *нафас* образовано 14 композитов: *нафасбахш* (дарующий дыхание), *нафасгир* (удушливый), *нафаспарвар* (взлелеянный дыханием), *нафассӯз* (горячее дыхание), *нафасшумор* (считающий дыхание).

В поэзии Бедиля композит *нафаспарвар* встречается чаще по сравнению с другими сложными словами. Деххудо комментирует названный композит: «тот, кто может усмирить свои страсти, чувственные желания» [см.: 303, 2, 3018]. В этом же значении он встречается в поэзии Бедиля:

*Ачзои мо чу субҳ **нафаспарвар** асту бас,*

Шероза кардаанд ба бод ин китобро. [т.1 (п.ч.), 108]

Наши частицы (органы), как утро, покорны своим страстям,

Воздухом связаны листья этой книги.

Деххудо определяет сложное слово *нафасгир* как «тот, кто страдает одышкой; то, что доводит человека до изнурения, выводит из терпения» [303, 2, 3019]. Названный композит встречается один раз в следующем бейте:

Маро аз заъфи парвоз аст қайди оиён, в-арна

***Нафасгир**ам чу бўи гунча аз хилватгузиниҳо.* [т.1 (п.ч.), 43]

Я пленник гнезда из-за слабости в полете, ибо

Мне душно, как аромату бутона, от уединения.

Композит *нафасшумор* имеет относительно высокую частотность (встречается девять раз). Деххудо трактует это сложное слово: «на последнем издыхании» [303, 2, 30–19]. В поэзии Бедиля оно использовано в двух значениях:

а) в значении «считать дыхание»:

Сахар чӣ кард дар ин боғ, то ту хоҳӣ кард?

*Бахуш бош, ки фурсат **нафасшумори** ту нест.* [т.1 (п.ч.), 260]

Что делало утро в этом саду, и что ты делаешь?

Будь бдительным, ибо момент не считает твое дыхание.

б) в месневи «Ирфан» названный композит использован в значении «количество дыхания»:

Он қадар сайд дар шиқор омад,

*Ки шумораи **нафасшумор** омад.* [т.3, 363]

Сколько дичи на охоте они добыли,

Количество можно сравнить с количеством дыхания.

Композит *нафассӯз* в поэзии Бедиля встречается один раз в значении «комментировать смысл бесцельно прожитой жизни»:

***Нафассӯзи** димоги шарҳу басти зиндагӣ то кай?*

Ба ин хобе, ки дорам, по задан таъбир мечӯшад. [т.1 (п.ч.), 607]

Сколько можно комментировать и толковать смысл

бесцельно прожитой жизни?

Сон, который я увидел, имеет много толкований.

Композит *нафасбез*, употребленный поэтом один раз в месневи «Ирфан» в значении «просеянное дыхание», на наш взгляд, является антонимом сложного слова *нафассӯз*:

...К-он губор аз улум лабрес аст,

*Дар ҳаво нолаи **нафасбез** аст.* [т.3, 273]

...Та пыль наполнена науками,

В воздухе стоны просеянного дыхания.

Композиты *нафасоро* и *нафасбахш*, наоборот, являются антонимами сложного слова *нафассӯз* и встречаются в месневи «Ирфан» и «Мухити а'зам» в значении «украшать дыхание, давать дыхание»:

Марг осоиши тапиданҳост,

*Қудрат ин чо даме **нафасорост.*** [т.3, 69]

Смерть – это спокойствие трепетания,

Мощь здесь чуточку украшает дыхание.

*Зи қулқул **нафасбахии** тимсоли ранг,
Ҳамин ҷо садо мекашад боли ранг. [т.3, 709]*
Бульканье дает цвету вина дыхание,
Здесь же крик испускает крыло цвета.

Известно, что для определения признаков жизни к губам человека прикладывают зеркало. Для обозначения этого понятия в поэзии Абульмаони использован композит *нафаснамо*:

*Ёди дами ширате, ки чун субҳ
Оинаи мо **нафаснамо** буд. [т.1 (п.ч.), 510]*
Вспомни о моменте пиршества, когда, как утро,
Наше зеркало показывало, что мы живы.

3. Модель «имя существительное + основа прошедшего времени глагола» также относится к продуктивным моделям словообразования, однако в поэзии Бедиля с этой лексемой выявлен только один композит – *нафаспарвард*, который использован в значении «задерживать дыхание, проявлять молчаливость»:

*Мочарои хомӯшон нашинида мебояд шунид,
Безабониرو **нафаспарвард** пайдо кардаанд. [т.1 (п.ч.), 375]*
Ссору молчаливых нужно слышать, не слушая,
Безъязыкость (молчаливость) – баловень дыхания.

4. Модель «имя существительное + причастие» не относится к продуктивным моделям словосложения. На основе этой модели нами зафиксированы всего три композита: *нафасгудохта* (горячее дыхание), *нафасдуздид* (без звука), *нафасфарсуда* (изнуренный жизнью, пожилой).

Лексическую единицу *нафасгудохта* А.Г.Маони считает синонимом композита *нафассӯхта* [306, 2, 733].

Лексема *нафасгудохта* в поэзии Бедиля встречается два раза:

*Ҳастӣ **нафасгудохтаи** номи чуръат аст,*

Безахраҳо ҳама зи чигар даст шустаанд. [т.1 (п.ч.), 602]

Бытие – это смелость с горячим дыханием,

Все трусы страдают отсутствием печени.

Композит *нафасдуздида* А.Хабиб комментирует как «молча, без звука» [301, 235]. В следующих бейтах данная лексема употреблена поэтом в значении «умерший»:

Қадам фаҳмида неҳ, то аз диле гарде наянгезӣ,

Кафи ҳар хоки ин водӣ нафасдуздидае дорад. [т.1 (п.ч.), 496]

Ставь ногу осторожно, чтобы не поднять пыли

в чьем-либо сердце,

Каждая горсть земли этой долины принадлежит умершему.

Поси номуси сухан дар безабонӣ равиан аст,

Ҳеч мазмуне дар ин сурат нафасфарсуда нест. [т.1 (п.ч.), 375]

Уважение к достоинству слова ясно проявляется

в безъязыкости,

В этой форме ни одно содержание не умолкает.

Таким образом, лексема *нафас* относится к ключевым лексическим единицам поэзии Абульмаони и используется им как сама по себе, так и для образования композитов. В поэтических текстах Бедиля обнаружено более сорока сложных слов, образованных с использованием этой лексемы. Большинство этих слов не встречается даже в авторитетных толковых словарях, и, по всей видимости, они являются нововведениями Бедиля.

По мнению Н. Нурова, «и хотя слово *нафас* благодаря смысловому развитию в стихотворениях Бедиля приобретает своего рода философское значение и отображает одну из сторон мистических взглядов поэта, однако поэтическое виденье и его природный дар способствовали тому, что эти суфийские и философские значения слова *нафас* нашли воплощение в составе нескольких сотен новых поэтических конструкций и выражений» [74, 27; 73, 131].

2. Лексема «*тараб*» и её роль в словосложении

Композит *тараб* (радость), по нашим наблюдениям, также относится к ключевым лексическим единицам поэзии Бедиля. С данной лексемой нами обнаружено более тридцати композитов типа татпуруша.

В «Словаре таджикского языка» это сложное слово комментируется следующим образом: «радость, счастье, довольство, удовольствие» [см.: 295, 2, 327]. Развернутое толкование этого композита можно найти в «Лугат-наме» и в «Персидском словаре». В частности, Деххудо отмечает: «1. веселье, радость, веселое настроение, быть радостным. 2. радоваться, ликовать, обрадоваться; 3. получить облегчение в результате радости; 4. движение, перемещение; 5. суфийское понятие, например «унс бо Ҳак таоло» (букв. «дружба с Аллахом») [303, 2, 1937]. Такую же интерпретацию этого композита можно найти и в словаре Муина [см.: 307, 2, 2218].

В отдельности слово *тараб* в газелях поэта использовано в более чем 180 случаях [см.: т.1 (в.ч.), 1506]. Композиты типа татпуруша, созданные присоединением компонента *тараб*, по принадлежности композитов к лексико-грамматическим группам таковы:

1. Модель «имя существительное + имя существительное» относится к особо продуктивным моделям словосложения, и по этой модели образованы следующие композиты: *тарабнагма* (создающий радость), *тарабоҳанг* (радостная мелодия), *тарабошён* (тот, кто (пребывает) в доме радости), *тарабпаймона* (чаша радости), *тарабсаро* (дом радости) и др.

Названные композиты вступают в различные смысловые отношения. Так, композиты *тарабпаймона* [т.1 (п.ч.), 287] – *тарабсогар* [т.3, 677] – *тарабҷом* (чаша радости) [т.3, 289] вступают в синонимичные отношения. Такие отношения наблюдаются и между композитами *тарабнагма* [т.3, 675] и *тарабоҳанг* [т.3, 289], *тарабошён* [т.3, 790] и *тарабсаро* [т.3, 339].

Композит *тарабсаро* означает «увеселительное заведение» [293, 2, 327] и место веселья, досуга [см.: 303, 2, 1938; 307, 2, 2218]. Такое же значение имеет композит *тарабошён*: «место для пения и танцев» [303, 2, 1938; 307, 2,

2218]. В поэзии Бедиля *тарабсаро*, в отличие от *тарaboиён*, употребляется чаще (преимущественно в «Ирфане»). Композит *тарaboиён* в поэзии Бедиля обнаружен один раз – в месневи «Мухити а’зам», в значении «гнездо веселья»:

Аз қазо дар тарабсарои фарог
Ҳаваси кимиёи зад ба димог. [т.3, 339]
 Волею судьбы в увеселительном заведении досуга
 Ударил ему в голову страсть к алхимии.

Ҳар нақш, к-аз ин тарабсаро чилвагар аст,
Гулзори тасаввуру биҳишти назар аст. [т.2, 348]
 Каждый узор, появляющийся в этом увеселительном доме, –
 Цветник воображения и рай взгляда.

Тарaboиён гунчаи инбисот,
Муаммои исми ду олам нишот. [т.3, 790]
 Бутон радости, расположенный в гнезде веселья, –
 Загадка названия ликования двух миров.

Композиты *тарабдӯст* (любитель веселья) и *тарабдушман* (враг радости, завистник) противоположны по значению, что обусловлено заменой второго компонента сложного слова. Указанные лексические единицы не обнаружены в имеющихся толковых словарях. Композиты *тарабдӯст* (в месневи «Ирфан») и *тарабдушман* (в рубаи) используются поэтом с одинаковой частотностью с целью выражения качеств человека:

Бар тарабдӯстон чу файзи баҳор,
Гар ҳама ранг дошт, кард исор. [т.3, 124]
 Как щедрость весны, любителям веселья
 Преподнес все цвета, которые имел.

Май нӯш, ки ҳосиди тарабдушмани ту

Аз дидаи халқ рафт ҳамчун рамазон. [т.2, 160]

Пей вино, ибо враг веселья – завистник твой

Ушел с глаз народа, как месяц рамазан.

Лексические единицы модели «имя существительное + имя существительное» относятся к числу наиболее продуктивных единиц словообразования, по данной модели Бедилем образовано множество композитов, находящихся в различных семантических отношениях. Более того, большинство композитов по этой модели, встречающиеся в поэтических сочинениях Бедиля, принадлежит перу самого поэта, поскольку в имеющихся словарях указанные композиты нами не выявлены.

2. Модель «имя существительное + основа настоящего времени глагола». Данная модель, в отличие от указанной выше, участвует в образовании меньшего количества композитов, таких как *тарабфазо* (атмосфера радости), *тарабхез* (место, приносящее радость), *тарабҷӯи* (быть радостным) и др.

Из этой группы слов в словарях нами выявлено только два композита - *тарабхез* и *тарабфазо*. В «Словаре таджикского языка» *тарабхез* изъясняется следующим образом: «приносящий радость, радующий, веселящий» [295, 2, 327]. В «Лугат-наме» это сложное слово изъясняется как «волнующий; приносящий процветание» [303, 2, 1938], а словаре Муина – как «то, что (место) приносит радость» [307, 2, 2218]. В следующем бейте композит *тарабхез* использован в значении «веселящий»:

Нахли яъсем, ки дар боги тарабхези ҳавас,

Самари мо ба таманнои расидан нарасад. [т.1 (п.ч.), 516]

Мы дерева отчаяния в саду, веселящем страсти,

Наш плод не достигнет желания созреть.

На наш взгляд, композиты *тарабҷӯи* с частотностью – 5 и *тарабрез* с частотностью – 1 использованы в поэзии Бедиля в значении «бурлящий, громкий звон»:

Ғам тарабҷӯи кардааст маро,

Дог гулпӯи кардааст маро. [т.1 (п.ч.), 107]

Печаль сделала меня источником бурлящей радости,
Скорбь полностью покрыла меня розами.

Ин боғ тарабҷӯи баҳори хеш аст,

Ҳангомаи нози гулу хори хеш аст. [т.2, 272]

Этот сад бурлит радостью своей весны,
Сборище неги для своего цветка и шипов.

Зи ҷӯи ҷалочил ба арзи нишот

Тарабрези сад барги гул инбисот. [т.3, 748]

От громкого звона колокольчиков, изъявления ликования
Веселье вызывает радость у сотни лепестков розы.

Композит *тарабафзо*, встречающийся в одном из рубаи поэта, Деххудо относит к усечённому варианту композита *тарабафзой* и делает отсылку к словарной иллюстрации этого композита: «приносящий радость, веселье, увеличивающий радость» [см.: 303, 2, 1938]. Муин также делает отсылку к лексеме *тарабафзо* и толкует упомянутое сложное слово как «то, что увеличивает счастье» [см.: 307, 2, 22-18]. Бедиль употребляет это сложное слово в значении «радующий»:

Таърихи тарабфазои ин манзили хос

Фармуд: «оинахонаи осоиш». [т.2, 165]

Радующая дата этого жилья

Включается в «оинахонаи осоиш».

Композиты *тарабсоз* и *тарабзо* также употреблены поэтом в значении «приносящий веселье». К примеру:

Роҳати шиша дар оғӯи шикаст аст ин ҷо,

Садафи гавҳари мо захми тарабзои дил аст. [т.1 (п.ч.), 273]

Покой стекла здесь кроется в поломке,

Раковина нашей жемчужины – это рана,

приносящая веселье сердцу.

Примеры употребления композита *тарабсоз* в месневи и рубайи Бедиля:

Шукуфтан бо ҳаво сад гул тарабсоз,

Замин бо осмон сад ранг гулбоз. [т.3, 575]

Расцветание создаёт в воздухе радость и ликование,

Благодаря этому и небо и земля уподобляются

расцветшему цветку.

Дар анчумане, ки он тарабсоз омад,

Шамъаи ба сад офтоб гулбоз омад. [т.2, 405]

Свеча собрания светится в сотни раз ярче,

Если туда пришла возлюбленная.

Таким образом, лексема *тараб* является одним из стержневых слов в поэзии Бедиля и употребляется поэтом для передачи более чем восьми значений.

По моделям «имя существительное + имя существительное» и «имя существительное + основа настоящего времени глагола» с компонентом *тараб* поэтом образовано сравнительно много композитов.

3. Лексема «хавас» и ее роль в словосложении

Лексема *хавас* (желание) также обладает в творческой мастерской Бедиля особым статусом и активно участвует в образовании более чем сорока композитов типа татпуруша. Это подтверждается и фактом частотности слова *хавас* в более чем 900 случаях [см.: т. 1 (в.ч.), 1596-1597].

В «Словаре таджикского языка» анализируемое слово приводится в одном значении: «мечта, влечение, интерес, желание, стремление» [см.: 295, 2, 711]. Муин фиксирует два значения этого слова: «1. сумасшествие; 2. желание души, мечта» [307, 4, 5222]. Деххудо приводит следующую словарную иллюстрацию: «1. желание, мечта, томление души, склонность, страсть; 2. всякое неповторимое и преходящее влечение и желание; 3.

похоть, плотское желание; 4. любовь; 5. желание и интерес к чему-либо» [303, 2, 3187]. А. Хабиб интерпретирует рассматриваемое слово как «беспричинное желание, несерьезное и крайнее, плотские желания, половое влечение» [301, 248]. Это толкование не отличается от других словарных иллюстраций. На наш взгляд, интерес Бедиля к слову *ҳавас* и создание им множества новых композитов с участием этой лексемы обусловлено его мировоззренческими тенденциями и приверженности к тарикату кадирия. Композиты с компонентом *ҳавас* образуются по следующим моделям:

1. Модель «имя существительное + имя существительное» достаточно продуктивна в словообразовании, и с компонентом *ҳавас* (интерес, желание) образовано большое количество композитов: *ҳавасинтизор* (ожигающий желание), *ҳавасмоил* (склонный к привязанности), *ҳавасмуштоқ* (жаждущий привязанности), *ҳаваскеиш* (заинтересованный), *ҳавасбисмил* (желающий быть жертвой привязанности) и др. Лексема *ҳавас* вступает в смысловые отношения с двумя группами существительных: с простыми: *интизор* (ожидание), *моя* (основа), *муштоқ* (страстно желающий), *нагма* (мелодия) и др. и производными: *огоҳӣ* (извещение), *зиндагӣ* (жизнь), *ороиш* (украшение), и на этой основе создает новые композиты.

Исходной единицей для анализируемых композитов являются изафетные словосочетания, из которых они образованы в результате выпадения изафета (*ошёнҳавас*, *талоишҳавас*) или способом перевёртыша (*ҳавасинтизор*, *ҳавасмоил*, *ҳавасмоя*, *ҳавасмуштоқ*), из которых только композит *ҳаваскеиш* трижды употреблен поэтом, в частности в газели, в месневи «Ирфана» и в рубаи. В «Лугат-наме» это сложное слово имеет следующее толкование: «(тот), кто ведет себя по велению сердца и в угоду своим желаниям» [303, 2, 3187]:

Гар ҳасрати ҳаваскеиш бозояд аз фузулӣ,

Кулфат кирост, ҳарчанд гул дар чаман намонад. [т. 1 (п.ч.), 683]

Если тоска, подверженная страсти, отвернется от своеволия,

Кому трудности, если на лужайке не останется цветов?

Другие лексические единицы отсутствуют в имеющихся словарях [285; 295; 296; 301; 303; 305; 306; 307], и наиболее убедительное предположение состоит в том, что они являются творениями воображения Абульмаони. Исходной единицей композитов *ҳавасинтизор*, *ҳавасмоя*, *ҳавасмоил*, *ҳавасмуштоқ*, *ҳаваснагма*, *ҳаваспаём*, *ҳавастақдим*, *ҳавастасхир*, *ҳавасхона*, *ҳавасшефта*, *офатҳавас*, *тамошоҳавас*, *зиндагиҳавас*, *огоҳиҳавас*, *ҳавасбисмил* являются изафетные словосочетания. Композит *ҳавасинтизор* обнаружен нами в газели поэта:

*Нигаҳе, ки дар чамани адаб ҲАВАСИНТИЗОРИ ЧӢ ИБРАТӢ
Чу саҳар зи чоки дил об деҳ ба гуле, ки ханда занад ба сар.*

[т. 1 (п.ч.), 781]

Подумай в цветнике образованности, какой урок
ты хочешь извлечь,
Как утро, из глубины сердца окропи цветок, украшающий
висок возлюбленной.

Композит *ҳавасмоил* употреблен поэтом дважды: в месневи «Ирфан» и в рубаи:

*Гар ҲАВАСМОИЛИ ТАМОШОӢ,
Мижа бар ҳам ниҳӣ, ки бикшоӣ. [т.3, 306]*

Если ты имеешь большую склонность к зрелищам,
Нужно закрыть глаза (сомкнуть ресницы) и открыть их.

*Завқи караме агар ҲАВАСМОИЛИ ТУСТ,
Сад боғу баҳор фарши обу гили туст. [т.2, 314]*

Если у тебя есть склонность к щедрости,
Сто садов и весен – настил для твоей сути.

Бедиль также проявляет особый интерес к слову *муштоқ*, с помощью которого он образовал ряд композитов, в частности *ҳавасмуштоқ*,

обнаруженный нами в первом бейте газели поэта в значении «жажда позора»:

*Ҳавасмуштоқи расвоӣ макун савдои пинҳонро,
Ба рӯи хандаи мардум макаи чоки гиребонро.* [т. 1 (п.ч.), 150]
Не придавай тайной страсти жажды позора,
Не показывай народу вырез платья.

2. Модель «имя существительное + имя прилагательное», в отличие от указанной выше модели, малопродуктивна и образует всего три композита: *ҳавасовора*, *ҳавасташина*, *ҳавасмахмур* (опьяненный интересом).

Композит *ҳавасовора* обнаружен нами в трех газелях Бедиля в значении «живущий в надежде, в страсти»:

*То кай ҳавасовораи парвоз тавон зист,
Ё Раб, кӣ ҷудо кард сари зери пар аз мо.* [т. 1 (п.ч.), 146]
Сколько можно жить в надежде на полет?
О Боже, кто отнял у нас (счастье) быть под
твоими крыльями.

*Эй ҳавасоворагон, чанд тақунӯ кунед,
Сайъи нафас об шуд, сӯйи арақ рӯ кунед.* [т. 1 (п.ч.), 466]
О жаждущие страсти, сколько будете суетиться?
Усердие дыхания закончилось, обращайтесь к испарине.

Композит *ҳавасташина* обнаружен нами в двух случаях: в газели и в месневи «Ирфан» в значении «жаждущий страсти»:

*Дил ҳавасташина аст, варна сипехр
Косаи захри морро монад.* [т. 1 (п.ч.), 655]
Сердце жаждет страсти, а не то
Небосвод похож на чашу со змеиным ядом.

Данная модель является одноисходной и производит только существительные.

3. Модель «имя существительное + основа глагола настоящего времени». По этой модели с участием слова *хавас* образованы следующие композиты: *хаваспаймо* (заинтересованный), *хавасандеш* (думающий об увлечении), *хавасандӯз* (накапливающий привязанность), *хавасафзо* (увеличивающий привязанность), *хаваскӯш* (стремящийся к привязанности) и др. Эти композиты обладают следующими характеристиками: во-первых, они не встречаются в известных нам словарях, во-вторых, в поэзии Бедиля они не имеют широкого употребления, и, наконец, встречаются только в месневи и рубайи Абульмаони. Анализ поэтических текстов Бедиля показывает, что данная модель проявляет двуисходность и в основном образует существительные, реже прилагательные.

Композит *хаваспаймо* в поэзии Бедиля встречается в двух случаях в следующих значениях:

а) в значении «надеющийся»:

*Гар зи ояндай хаваспаймо,
Шакли мустақбалӣ, ба пеши худ о. [т.3, 135]*
Если ты надеешься на будущее,
Ты, форма будущего, приди к себе.

б) в значении «ветреный»:

*Танзеҳ хароботи хаваспаймо нест,
Ҷуз бар ҳиммат дари ҳузураиш во нест.
Эй хоҷа, макун орзуи давлати фақр,
Сақфу девори зарнигор ин ҷо нест. [т.2, 291]*
Чистота не терпит ветрености,
Дверь чистоты можно открыть только усердием.
Эй, ходжа, не мечтай о счастье нищеты,
Здесь нет золотых потолков и стен.

Композиты *хавасандеш* и *хавасандӯз* употреблены поэтом один раз в следующих рубайи в обнаруженных нами значениях:

а) в значении «склонность»:

*Табъе, ки ба гуфтан ҳавасандеш афтад,
Дар ҳол иттифоқи даъвиш афтад. [т.2, 600]*
Натура, если ее займет склонность к говорению,
Сразу приступает к притязаниям.

б) в значении «мечтающий о золоте»:

*Умре ҳавасандӯзи зару мис рафтем,
Додем ҳама ба боду муфлис рафтем. [т.2, 521]*
Целую жизнь мечтали собирать золото и серебро,
Пустили все по ветру и нищими отошли.

4. Модель «имя существительное + основа прошедшего времени глагола». Со словом *ҳавас* по этой модели образованы всего три композита: *ҳавасолуд* (погрязший в желании), *ҳаваспарвард* (взлелеянный любовью), *ҳавасфарсуд* (уставший от привязанности) и др., из которых в «Персидском словаре» обнаружен только композит *ҳавасолуд* с отсылкой к словарной статье *ҳавасолуда* со значением «то, что осквернено страстью и плотскими желаниями» [307, 4, 52–23]. В поэзии Абульмаони это сложное слово встречается один раз в значении «страстная слеза»:

*Аз ҳасрати дидори ту ашки ҳавасолуд
Имшаб нигаҳи чаими ҳаё шуд, чӣ бачо шуд. [т. 1 (п.ч.), 589]*
От тоски твоего лика слеза страстная
В этот вечер превратилась во взгляд стыдливости, как
хорошо получилось.

Композиты *ҳаваспарвард* и *ҳавасфарсуд* в имеющихся словарях [285; 295; 296; 301; 303; 305; 306; 307] нами не обнаружены, однако они нашли употребление в рубаи и газели поэта:

*Ин хонагиёне, ки ҳаваспарварданд,
Бо ҷуфти бурут дар заниҳо фарданд... [т.2, 623]*
Эти обитатели дома, подверженные страстям,
С двумя усами бесподобны в женственности.

Чанд бояд шуд ҳавасфарсуди касби эътибор?

Марҳам, эй гофил, намеарзад ба чандин дарди сар.

[т. 1 (п.ч.), 771]

Сколько можно мечтать о приобретении влиятельности?

Бальзам, о невежда, не стоит стольких головных болей.

5. Модель «имя существительное + причастие». Данная модель непродуктивна, и в исследуемом материале по ней обнаружены всего два композита: *ҳавасомода*, *ҳаваснаёлуда*, используемые в поэзии Абульмаони в различных значениях.

Композит *ҳавасомода* в поэзии Бедиля встречается в двух случаях: в месневи «Ирфан» и в рубаи:

а) в значении «предмет зависти»:

Мардаке табъи ношикебе дошт,

Ҳавасомода боги себе дошт. [т.3, 134]

Некий мужик имел нетерпеливую натуру,

На зависть всем имел яблоневый сад.

б) в значении «искатель»:

Эй шавқи ту дар касби фунун гармталош,

Чандон ҳавасомодаи ҳар нусха мабош.

Дар сайри рубоиёти Бедил муфт аст:

Дарду ибрату сулуку таҳқиқу маош. [т.2, 466]

У тебя большое влечение к приобретению наук,

Не ищи науки в разных списках.

Можешь обратиться к рубаи Бедиля и получить даром

Боль, назидание, подвижничество, исследование и

проникновение.

Композит *ҳаваснаёлуда* употреблен поэтом одни раз в следующем далее рубаи в значении «любовь без низменных страстей»:

Олам гаразолуди чунуни ману мост,

Ин чо шиқи ҳаваснаёлуда кучост?

*Фарҳодеву Мачнуне, агар мешунавӣ,
Худ ин ҳама нест, ҳарфу савти шуарост. [т.2, 325]*
Мир наполнен корыстью нашего сумасшествия,
Где в мире встретишь любовь без низменных страстей?
Если говорят о Фархаде и Меджнуне,
Нет никакого Фархада и Меджнуна, все это – выдумки поэтов.

6. Модель «имя прилагательное + имя существительное» является непродуктивной и образует всего один композит – *муфассалҳавас*, исходной единицей для которого является глагольное словосочетание, образующее прилагательное. Анализируемое сложное слово употребляется один раз в «Мухити а’зам» в значении «зоркий, остроглазый, тонкий ценитель»:

*Агар шавқ бошад муфассалҳавас,
Зи ҳар навъ асл ошкор асту бас. [т.3, 770]*
Если страсть очень остроглазая,
Проявляется она во всех сущностях.

7. Модель «инфинитив + имя существительное» относится к новым моделям словосложения, на её основе образованы композиты *мурданҳавас*, *тапиданҳавас*, *шукуфтанҳавас*, которые проанализированы в первом разделе этой главы.

Таким образом, арабская лексема *ҳавас* участвует в образовании более сорока лексических единиц типа татпуруша. Большинство из названных композитов являются неологизмами Бедиля, поскольку не имеют прецедента в таджикском языке. Названные композиты малоупотребительны и в его поэзии. Большая часть из них встречается в месневи, в частности в «Ирфан», и в диване рубаи Бедиля. Указанные композиты способствуют передаче более восьми значений.

4. Лексема «хайрат» и её роль в словообразовании

Согласно сведениям составителей «Куллията» Бедиля, лексема *хайрат* (удивление) в диване газелей поэта употребляется в более чем 750 случаях [см.: т. 1 (в.ч.), 1426-1428]. По нашим наблюдениям, слово *хайрат* (удивление) участвует в образовании более шестидесяти композитов. Из них 24 композита относятся к типу татпуруша.

Лексема *хайрат* является арабским заимствованием, известным в таджикском языке в различных значениях. В «Словаре таджикского языка» приводятся следующие толкования этого слова: «удивление, изумление, недоумение; 2. крайне удивлённый, поражённый» [295, 2, 719]. В словаре Муина эта лексема комментируется как: «1. бродяга, скиталец; 2. блуждание, скитание; 3. состояние, охватывающее душу суфия во время восприятия и познания божественных истин, которое отвращает их от мирских мыслей и дум» [307, 1, 1381]. Деххудо также интерпретирует это слово в нескольких значениях, включая его терминологическое (мистическое) значение: «Это степень суфизма и то состояние, в котором находится суфий и которое удерживает его от раздумий и мыслей» [303, 1, 1050].

На наш взгляд, в процессе создания композитов поэт предполагал терминологическое значение этого слова – «степень суфийского сана и состояние, наполняющее душу мистиков и удерживающее их от раздумий» [303, 1, 1050].

Модели образования композитов с блочным элементом *хайрат* следующие:

1. Модель «имя существительное + имя существительное». Особо продуктивная модель, на основе которой образованы следующие композиты: *хайраталомат* (признак удивления), *хайратизхор* (раскрывающий удивление), *хайраткамин* (засада удивления), *хайратнавид* (удивляющая весть), *хайратово* (удивленный), *хайратоина* (зеркало удивления) и др. Из этой группы композитов в поэзии Абульмаони

пользуется употребительностью композит *хайратона*. Другие композиты употребляются в одном или двух случаях.

Композиты *хайратхона* и *хайратсаро* выражают синонимичные значения, однако в толковых словарях нами обнаружен только композит *хайратсаро*. Например, автор «Лугат-наме» приводит следующее толкование этого сложного слова: «дворец удивления; пер. мир» [303, 1, 1050]. Композит *хайратсаро* употреблен поэтом трижды: один раз в газели и дважды – в месневи «Тилисми хайрат»:

*Шарори ваҳшиям, аммо дар ин хайратсаро, Бедил,
Зи навмедӣ ба дӯши санг дорем маҳмили рамро. [т. 1 (п.ч.), 133]*
Я дикая искра, однако в этом мире, Бедиль,
От безнадежности на своем камне имеем паланкин боязни.

*Дар ин хайратсарои печдарпеч
Ниғаҳ бояд ба даст орӣ, дигар ҳеч. [т.3, 519]*
В этом запутанном мире
Ты должен приобрести взгляд, и больше ничего.

Синоним названного композита – *хайратхона* в газели и месневи «Тилисми хайрат» употреблен в двух значениях:

а) в значении «дом удивления»:

*Хилвати андеша хайратхонаи дидори туст,
Эй калиди дил, дари уммеди мо бикишо, биё. [т. 1 (п.ч.), 16]*
Уединение раздумья – дом удивления от твоей встречи,
Эй, ключ от сердца, открой двери нашей надежды, приходи.

б) в значении «мир»:

*Ба хайратхонаи минои афлок
Парӣ мечӯшад аз ҳар зарраи хок. [т. 3, 519]*
В доме мира голубого небосвода,
В каждой частице земли можно встретить пери.

Композиты *хайратхона* [т. 1 (п.ч.), 16] и *хайратсаро* [т. 1 (п.ч.), 133] образуют синонимичные пары.

2. Модель «имя существительное + основа настоящего времени глагола». Основа настоящего времени глагола в сцеплении с компонентом *хайрат* образует следующие композиты: *хайратангез* (вызывающий удивление), *хайратафзо* (все более изумляющий) / *хайратфазой* (все более изумляющий), *хайратнамо* (показывающий удивление), *хайратофарин* (творящий изумление), *хайратпараст* (любящий удивление) и др.

Из этой группы лексических элементов в имеющихся словарях нами обнаружены композиты *хайратангез*, *хайратафзо* / *хайратфазо*.

Композит *хайратангез* трактуется Муином как «вызывающий удивление, изумление, удивительный» [307, 1, 1381], Деххудо истолковывает как «вызывающий удивление и недоумение» [303, 1, 1050]. В поэзии Абульмаони композит *хайратангез* встречается дважды – в месневи «Тилисми хайрат» и «Ирфан»:

Ду чаим аз як нигах шуд хайратангез,
Ду оина зи як тимсол лабрес. [т.3, 429]
 Два ока изумились от одного взгляда,
 Два зеркала наполнились одним образом.

Деххудо комментирует композит *хайратафзоро* как «удивительный; то, что вызывает удивление и трепету человека» [303, 1, 1050]. В поэзии Абульмаони анализируемое сложное слово встречается один раз в следующем бейте:

Хати лаълат губори хайратафзост,
Зумуррад аз раги ин лаъл пайдост. [т. 1 (п.ч.), 267]
 Твой пушок – пыль, вызывающая удивление,
 В жилах этого рубина виднеется изумруд.

Следует отметить, что в месневи «Мухити а'зам» анализируемый композит встречается также в виде *хайратфазой*:

Дар ин роҳи борики хайратфазой

Сарангушти мутриб билагзад чу пой. [т.3, 753]

На этой узкой дороге, вызывающей удивление,

Большой палец музыканта скользнул, как нога.

Из группы композитов *хайратбоз*, *хайратнамо*, *хайратофарин* и *хайратпараст* в поэзии Бедиля в большей степени употреблены два композита – *хайратнамо* и *хайратпараст* (в трех случаях). Лексема *хайратнамо* в приведенном ниже бейте употреблена в значении «проявление удивления»:

Чӣ имкон аст, нақши ину он бандад сафои дил,

Аз ин оина бисёр аст, агар хайратнамо бошад. [т. 1 (п.ч.), 531]

Как возможно, чтобы чистота сердца замутилась

от какого-либо узора?

Таких зеркал очень много, если там проявляется удивление.

В следующем бейте анализируемый композит не употреблен в указанном значении, причиной чему является замена второго композита лексемой *намо*:

Ҳама хайратнамои хомӯишсоз,

Шароби кӯзаи сарбастаи роз. [т.3, 561]

Все покрыто удивлением, заставляющим умолкнуть

Вино закрытого кувшина тайн.

Композит *хайратпараст*, образованный по аналогии с композитом *суратпараст*, в поэзии Бедиля употреблен в следующих значениях:

а) в значении «удивленный»:

Баски шуд хайратпарастии чилваат гулзорҳо,

Гул зи барги хеш дорад пушт бар деворҳо. [т. 1 (п.ч.), 37]

Цветники в удивлении от твоего блистания,

Роза облокотилась лепестками о стену.

б) в значении «путники шариата»:

Ба ҳар сӯ маҷмаи хайратпарастон

Зи чаими бенигаҳ соғарбадастон. [т.3, 513]

Кругом люди удивленные (то есть путники шариата),
В руках чаши из очей без взора.

3. Модель «имя существительное + причастие». Данная модель образует следующие композиты: *хайратзада* (удивленный), *хайратдамида* (возникший от изумления), *хайратзода* (рождённый изумлением), *хайратрафта* (вышедший из удивления), *хайратомода* (готовый к удивлению) и др.

Из этой группы лексических элементов в имеющихся словарях обнаружен композит *хайратзада*, имеющий в поэзии Бедиля, в отличие от других композитов, большую частотность употребления. В «Словаре таджикского языка» указанная лексема имеет следующее толкование: «удивлённый, изумлённый, поражённый» [295, 2, 719], а в «Лугат-наме» – «растерянный, удивленный» [303, 2, 1050]. В этом значении данный композит употребляется в одной из газелей и в рубаи Абульмаони:

Дӯш ин дили хунчакида паҳлуи ту буд

В-ин дидои хайратзада бар рӯйи ту буд. [т.2, 409]

Вчера это сердце, облитое кровью, было рядом с тобой,

Эти удивленные очи смотрели на тебя.

Употребление композитов *хайратдамида*, *хайратзода*, *хайратрафта* наблюдается также в газелях поэта. Так, композит *хайратрафта* в приведенном ниже бейте означает «удивлённый»:

Ба хайратрафтагонат фориғанд аз фикри осудан,

Ки бедорист хоби нози ин оинабистарҳо [т. 1, с.102]

Удивленные тобою не думают о покое,

Ибо бодрствование является сном этих людей,

ложе которых – зеркало.

Композит *хайратзода* в следующем бейте означает «удивляться»:

Зарра то хуршеди имкон ҷумла хайратзодаанд,

Ҷуз ба дидори ту чаими ҳеҷ кас нақиодаанд. [т. 1 (п.ч.), 603]

От частицы до Солнца возможности все в удивлении,

Никто не открывает очи на другого, кроме тебя.

В следующем бейте композит *хайратдамида* употреблен в значении «взволнованный»:

Хайратдамидаам, гули догам баҳонаест,

Товуси чилвазори ту оинахонаест. [т. 1 (п.ч.), 363]

Взволнован я, цветение розы моей печали – это только повод,

Павлин твоего блистанья – зеркальный дом.

Таким образом, компонент *хайрат* участвует в образовании более двадцати сложных слов типа татпуруша, большинство из которых, по всей вероятности, являются изобретением самого Абульмаони, поскольку не встречаются в авторитетных толковых словарях. Названная лексическая единица в составе сложного слова участвует в передаче более одиннадцати значений.

5. Лексема «чунун» и её место в словосложении

Данная лексема (*чунун* – безумие) участвует в образовании более ста композитов, из которых более двадцати являются композитами типа татпуруша. Слово *чунун* (безумие) в поэзии Бедиля достаточно распространено и встречается в более чем 800 примерах [см.: т. 1 (в.ч.), 1409-1410]. Это обусловлено, прежде всего, жизненным опытом и мировоззрением поэта.

Анализируемое слово с точки зрения происхождения относится к арабскому языку, и, основываясь на словарных иллюстрациях, можно утверждать, что оно цитируется поэтом в первоначальном значении: «сумасшествие, безумие, умопомешательство, бешенство, нервное возбуждение, страсть, любовь» [см.: 295, 2, 794; 303, 1, 893; 307, 1, 1247]. По мнению А. Хабиба, в поэзии Бедиля лексема *чунун* и конструкции, образованные с ее помощью, в основном употреблены в значении «освобождение от оков и уз пристрастного разума; освобождение от ума в лоне любви и чистых чувств; предел самоотречения» [см.: 301, 67].

Материалы исследования показывают, что композиты с компонентом *чунун* образуются по следующим моделям:

1. Модель «имя прилагательное + имя существительное» относится к продуктивным моделям словосложения и образует такие компоненты, как *чунунбисмил* (зарезавший безумца), *чунунбозор* (мир) и др.

Композиты *чунунхона* и *чунунсаро* близки по семантике и означают «сумасшедший дом». В этом же значении названные композиты употреблены в следующих бейтах:

Бар маъниши нозук натавон мастӣ кард,

Ё нози расою забардастӣ кард.

Мӯйи чинӣ дар ин чунунхонаи лоф

Чандон ки баланд шуд, садо настӣ кард. [т.2, 382]

Невозможно грубо относиться к тонкому смыслу,

Или быть надменным от совершенства и превосходства.

Волос в фарфоре в этом сумасшедшем доме бахвальства,

Сколько бы ни поднимался, звук от фарфора будет низким.

Халқест дар ин чунунсаройи найранг

Зиндонии ихтирои чандин фарҳанг... [т.2, 489]

Народ в этом сумасшедшем доме коварства –

Заключенный изобретений нескольких культур...

Исходной единицей для композитов анализируемой модели является изафетное словосочетание, из которого способом перевертыша создается композит [см.: 205, 75; 25, 40]. Сложные слова *чунунанчуман* и *чунунбисмил* обладают одинаковой частотностью употребления и встречаются в трех случаях. Композит *чунунанчуман* означает «собрание сумасшедших», а *чунунбисмил* – «убиенный на этом собрании»:

Аз вазъи ин бисоти чунунанчуман мапурс,

Тухматкаш аст субҳу гиребондар – офтоб. [т. 1 (п.ч.), 155]

Не спрашивай о состоянии имущества этого собрания

сумасшедших,

Опороченным является утро, навязчивым – Солнце.

В следующем бейте *чунунбисмил* характеризует суфия:

Дўстон мегудохтанд нафас,

К-эй чунунбисмили талошҳавас. [т.3, 339]

Друзья расплавляют дыхание,

Эй, убитый сумасшествием страсти.

Композиты *чунунбозор* и *чунунолам* также выражают близкие по семантике значения:

Муфлисонро дар ин чунунбозор

Гайри сайру сафар набошад кор. [т.3, 147]

У обанкротившихся на этом базаре сумасшествия,

Кроме гулянья, нет других дел.

Ин дашт чунунолами беповусарист,

Манзур на ибрате, на шарми назарест. [т.2, 262]

Эта степь - сумасшедший мир беспорядка,

Цель неизвлечения урока, не стыд.

Композит *чунуналомат* в следующем бейте употреблен поэтом в значении «свидетельство сумасшествия»:

Бедил, зи кучо сози надомат кардам?

Огоҳиро чунуналомат кардам... [т.2, 507]

Откуда, Бедиль, я выразил сожаление,

Осведомлённость сделалась свидетельством сумасшествия.

2. Модель «имя прилагательное + имя прилагательное»

малопродуктивна и образует с компонентом *чунун* всего один композит: *чунунмагрур* (гордый от безумия). Анализируемая лексическая единица в поэзии Бедия встречается один раз в значении «гордость безумия»:

Ҳеч кас, ё Раб, чунунмагрури худбинӣ мабод,

Ошноуҳои хешам аз ҳаё бегона кард. [т. 1 (п.ч.), 558]

Боже, не дай никому гордости безумия от себялюбия,
Знакомство с самим собой сделало меня чуждым стыдливости.

3. Модель «имя прилагательное + основа настоящего времени глагола».

По этой модели образованы следующие композиты: *чунунангез* (сошедший с ума), *чунунафшон* (раскрывающий безумство), *чунунзо* (вызывающий безумие), *чунунофарин* (творящий безумие), *чунунпаймо* (находящийся в состоянии безумства), *чунунпардоз* (проявление безумства), *чунунсоз* (создающий безумие), *чунунтарош* (уподоблять себя безумцу), *чунунтоз* (стремящийся к безумству), *чунунфурӯш* (проявление безумства) и др. Из этой группы композитов наиболее употребительными являются *чунунхез*, *чунунтоз*, *чунунчӯш*, *чунунсоз*, которые используются поэтом от пяти до одиннадцати раз и среди которых два композита – *чунунхез* [т. 1 (п.ч.), 637] и *чунунчӯш* [т. 1 (п.ч.), 739] – вступают в смысловые отношения и служат для обозначения места, где зарождается безумие. Композит *чунунзо* [т. 3, 637] также стоит в одном ряду с композитами *чунунхез* и *чунунчӯш*.

Композит *чунунхез* в газелях и месневи Абульмаони встречается в 11-ти случаях и выступает в роли и существительного, и прилагательного:

а) в значении «мир»:

*Роҳат дар ин бисоти чунунхез мушкил аст,
Махмал агар шавӣ, натавон тан ба хоб дод.* [т. 1 (п.ч.), 637]
В сумасшедшем мире покой недостижим,
Даже если будешь бархатом, невозможно улечься.

б) в значении «вызывающий сумасшествие»:

*Шӯхӣ гандуми офатангез аст,
Ки ҳавои ҷаҳон чунунхез аст.* [т.3, 178]
Шутка - пшеница, вызывающая бедствие,
Ибо атмосфера мира вызывает сумасшествие.

Композит *чунунчӯш* также употребляется в значении «сумасшествие»:

*Боз бе рӯи ту дар фасли чунунчӯши баҳор
Соҷи гулбасарам панҷаи шоҳин омад.* [т. 1 (п.ч.), 699]

Опять без твоего лика в весне – сезоне сумасшествия
Вместо тени под розой мне встретились когти сокола.

Исследуемый композит встречается также в ряде месневи поэта в значении, указанном выше:

Ки ин оби чунунчӯши шарарзод
Гудози саъйи Маҷнун асту Фарҳод. [т.3, 574]
Эта вызывающая сумасшествие вода
Расплавляет усердие Меджнуна и Фархада.

Композит *чунунзо*, употребленный в следующем бейте в значении «вызывающий безумие», вступает с композитами *чунунхез* и *чунунчӯш* в синонимичные отношения:

Шароби қадаҳсӯзи миногудоз,
Шароби чунунзои мастинавоз. [т.3, 637]
Сжигающее чашу и расплавляющее графин вино,
Вызывающее безумие и ласкающее пьянство вино.

Композит *чунунтоз*, частотность которого в поэзии Бедиля достигает десяти, в следующем бейте употреблен в значении «сумасшедший влюблённый»:

Пур аст ин дашт аз сомони нахчири таманноят,
Чунунтозе, ки сайди логари мо ҳам ба кор ояд. [т. 1 (п.ч.), 726]
Степь наполнена горным козлом желания,
Где сумасшедший влюблённый, ибо можно охотиться
и на нашу худую дичь.

Данная лексема в месневи поэта употребляется также в значении «стремящийся к сумасшествию»:

Чӣ бало ваҳшатӣ, чунунтозӣ?
Ки ба худ як нафас намесозӣ. [т.3, 13]
Какой ты ужас, стремящийся к сумасшествию
Не можем успокоиться хоть на одно мгновение.

В следующем бейте изафетное словосочетание *чунунтози нафас*, образованное посредством композита *чунунтоз* и лексемы *нафас*, употреблено поэтом для обозначения человека:

Ба гурури ману мо кулфати дилҳо матисанд,

Эй чунунтози нафас, оиназор аст ин ҷо. [т. 1 (п.ч.), 57]

В угоду нашему высокомерию не одобряй утруждения сердец,

О человек, этот мир – мир зеркал.

В поэзии Бедиля композит *чунуннаймо* встречается в шести случаях. В следующем бейте данная лексическая единица, образовав изафетное словосочетание со словом *гафлат*, употребляется поэтом для обозначения человека:

То каят қулқулнавоиҳои оҳанги шабоб,

Эй чунуннаймои гафлат, шиша возжун мешавад. [т. 1 (п.ч.), 565]

До каких пор ты будешь слушать бульканье вина молодости,

О человек, скоро бутылка опрокинется.

Выражения *чунунтози нафас* и *чунуннаймои гафлат* в поэзии обретают синонимичные значения.

В поэзии Бедиля композит *чунунангез* (в значении «сошедший с ума») и *чунунфурӯш* (в значении «продающий сумасшествие») встречаются в месневи «Ирфан» с одинаковой частотой:

Шавқ аз қоматаи чунунангез,

К-аз сари худ ба ин асо бархез. [т.3, 148]

От его стона страсть сходит с ума,

Поднимайся с помощью этой палки у своего изголовья.

Оламе з-он чунунфурӯши нигоҳ

Рафта аз хештан ба дӯши нигоҳ. [т.3, 148]

Весь мир от того взгляда, продающего сумасшествие,

На плече взгляда ушел от себя.

4. Модель «имя прилагательное + причастие». Эта модель активна в словообразовании, однако с компонентом *чунун* образует всего один композит: *чунунзада* (сошедший с ума).

Композит *чунунзада*, в отличие от композита *чунунфусурда* характеризуется большей частотностью и употребляется поэтом в значении «сошедший с ума» как в жанре газели, так и в месневи «Ирфан»:

Халқи ҷаҳон ҷунунзадаи бибизоатист,

Аз косаи тихист хурӯши гадо баланд. [т. 1 (п.ч.), 692]

Население мира от бедности сошло с ума,

Нищий кричит громко, когда у него чаша (для подаяния) пуста.

В-арна ман ҳам ҳамон ҷунунзадаам,

Соғари офият ба хун задаам. [т. 3, 201]

А так я тоже тот же сумасшедший,

Чашу здоровья я наполнил кровью.

Композит *чунунфусурда* встречается один раз в рубаи поэта:

Аз хоки ҷунунфусурдаи Маҷнун ҳам

Ошuft губоре, ки раҳи сахро зад. [1, т.2, 425]

От праха Меджнуна сумасшедшего также

Поднялась пыль и направилась в степь

В целом слово *чунун*, наряду с другими лексическими единицами, относятся к ключевым словам поэзии Бедиля. Анализ исследуемого материала убеждает в том, что названная лексема в поэзии Абульмаони производит более двадцати (29) композитов типа татпуруша и употребляется поэтом для выражения более восьми значений.

Таким образом, Бедиль, наилучшим образом применив возможности таджикского языка, создает в процессе словосложения новые композиты. Употребление инфинитива в качестве блочного элемента для композита также является одной из особенностей поэзии Бедиля. Более того, поэт,

расширив возможности вспомогательных морфем, таких как – *ҳо*, использует их для образования композитов.

Употребление многокомпонентных композитов в поэтических сочинениях, особенно в месневи, также является характерной чертой стиля Бедиля. Изучение языка поэзии Бедиля показывает, что многокомпонентные слова образованы им благодаря сжатию синтаксических единиц языка – словосочетания и предложения. Некоторые лексические единицы пользуются особым вниманием в поэзии Абульмаони и употребляются поэтом как по отдельности, так и в составе сложных слов. Названные ключевые слова можно разделить на две группы: таджикские лексемы (*оина, обила, гул, дил...*) и арабские слова (*нафас, ҳавас, ҷунун, тараб...*), с которыми поэт создает большое количество сложных слов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты исследования можно подытожить следующим образом:

1. Классификация сложных слов признана одной из актуальных и стержневых проблем лингвистики и уже долго лет находится в центре внимания ученых. Обобщение научно-исследовательских работ по теме диссертации показывает, что ученые предлагают различные классификации сложных слов и эта тенденция продолжается до сих пор.

2. Ученые, занимающиеся изучением особенностей сложных слов и их классификацией, относятся к следующим группам: 1) исследователи, именующие все композиты термином «сложные слова» (М.Мукарраби, А.Хумоюнфаррух) или «деривационные слова» (М.Шариат) и предлагающие классификацию композитов по модели образования; 2) учёные, отмечающие двухстороннюю классификацию композитов (Ж.Лазар, Ш.Ниязи, М.Турсунов, В.С.Расторгуева, Л.С. Пейсиков, Ю.А. Рубинчик); 3) учёные, предлагающие трехстороннюю классификацию композитов (К.Г. Залеман, В.А. Жуковский, Е.Э. Бертельс, Л.С. Пейсиков, Ш.Рустамов); 4) исследователи, классифицирующие сложные слова на четыре группы (Т.Д. Чхеидзе, Т.А. Чавчавадзе, М. Султон); 5) учёные, предлагающие их классификацию по шести признакам (Л.И. Жирков).

На наш взгляд, классификация, основанная на семантике сложных лексических единиц, т. е. классификация древнеиндийских учёных по четырем признакам, может быть применена ко всем индоевропейским языкам. В диссертации исследование татпуруша, являющегося одним из видов сложных слов, проводится с опорой на классификацию древнеиндийских учёных.

3. Язык поэзии Бедиля отличается обилием композитов. В восьмитомном собрании сочинений Бедиля, изданном в Таджикистане, нами выявлено более восьми тысяч композитов, большинство из которых являются неологизмами самого поэта.

4. Композиты типа татпуруша являются наиболее продуктивным видом сложных слов таджикского языка, в особенности в поэзии Бедиля.

Из восьми тысяч единиц собранного фактологического материала три тысячи триста тридцать два сложных слов принадлежат к типу татпуруша.

5. Композиты типа татпуруша по языковой принадлежности компонентов разделены на три группы:

5.1. композиты типа «таджикское слово + таджикское слово»;

5.2. сложные слова с компонентами «заимствованное слово + таджикское слово»;

5.3. композиты с двумя зависимыми словами.

6. Композиты типа «таджикское слово + таджикское слово» относятся к особо продуктивным моделям словосложения и производят с собой большое количество сложных лексических единиц. По этому типу композитов мы имеем в распоряжении более 1300 (1347) композитов, составляющих 40,4% от всего объема композитов типа татпуруша. Относительно употребления большого количества таджикских слов в словообразовании следует отметить, что персидский язык Индии берет начало от персидского языка Мавераннахра, и этот фактор, несомненно, оказал влияние на стиль и язык поэзии Абульмаони.

7. Морфологический состав композитов типа «таджикское слово + таджикское слово» различен, среди них доминирует модель **«имя существительное + основа настоящего времени глагола»**, по которой образованы 849 композитов, составляющих 63% от общего объема композитов типа **«таджикское слово + таджикское слово»**.

8. Композиты с компонентами **«заимствованное слово + таджикское слово»** в свою очередь делятся на следующие подгруппы:

8.1. Композиты типа «арабское слово + таджикское слово»;

8.2. Композиты типа «индийское слово + таджикское слово»;

8.3. Композиты типа «греческое слово + таджикское слово»;

8.4. Композиты типа «тюркское слово + арабское слово»;

8.5. Композиты типа «таджикское слово + арабское слово»;

8.6. Композиты типа «таджикское слово + индийское слово»;

8.7. Композиты типа «таджикское слово + греческое слово».

Композиты типа **«арабское слово + таджикское слово»** являются наиболее продуктивной группой и, по нашим подсчетам, включают 1434 композита. Из общего числа композитов эта группа составляет 43%. Морфологический состав сложных слов этого типа различен, поскольку таджикские слова подчиняют себе различные заимствования и тем самым создают новые композиты.

9. Композиты типа **«таджикское слово + арабское слово»** также продуктивны, однако степень их продуктивности ниже по сравнению с названными выше моделями, поскольку данная модель образовал 153 композита, что в процентном соотношении составляет всего 4,5%. Композиты других типов (**«индийское слово + таджикское слово»**, **«греческое слово + таджикское слово»**; **«тюркское слово + арабское слово»**; **«таджикское слово + индийское слово»**; **«таджикское слово + греческое слово»**) малопродуктивны, поскольку образовали всего 29 (0,8 %) композитов.

10. Композиты с двумя зависимыми компонентами в свою очередь подразделяются на следующие группы:

10.1. Композиты типа **«арабское слово + арабское слово»**;

10.2. Композиты типа **«греческое слово + арабское слово»**;

10.3. Композиты типа **«тюркское слово + арабское слово»**;

10.4. Композиты типа **«арабское слово + тюркское слово»**.

Из этой группы наиболее продуктивным видом словосложения является модель **«арабское слово + арабское слово»**, которая участвует в образовании 304 (9,1%) композитов. Морфологический состав этих сложных слов (292 композита) преимущественно соответствует модели **«имя существительное + имя существительное»**. 12 оставшихся композитов образованы по модели **«имя прилагательное + имя существительное»**. Другие словообразовательные модели непродуктивны и образуют всего одно или два сложных слова.

11. Смысл некоторых композитов поэзии Абульмаони трудно определить за пределами поэтического контекста, и понять их можно только в сочетании с сопутствующими словами. К примеру, *харобободи имкон, мотамсарои эътибор* – мир; *доги муҳаббатдида, ҷунунпаймои гафлат, сахтхироми улфати олами наст* – человек; *ҷунунтози нафас* – влюбленный и др.

12. Бедиль в ходе словообразования создает различные варианты композитов. Изучение его поэтических текстов показывает, что варианты сложных слов образуются в результате: а) использования глагольного компонента в различных вариантах; б) замены первого компонента сложного слова.

Поэт проявляет большое внимание к редуцированным вариантам композитов и использует их в большей степени.

13. Композиты типа татпуруша находятся друг с другом в синонимичных отношениях. Бедиль образовал в поэтических сочетаниях до 8-10 синонимичных рядов: *сухангӯ – сухандон – суханпарвар – суханрез – сухансоз (знарок слова); намандуда – намзада – намхӯрда – намсиришта – намкашида (влажный)* и др., подтверждающих богатство языка его поэзии. Бедиль создаёт синонимию композитов тремя способами: 1) заменой первого компонента, к примеру: *аламхона – гамхона – мотамхона* (дом, где много печали, скорби); *саломатхона – саfoxона; тарабдушман – роҳатдушман* и др.; 2) заменой второго компонента сложного слова, например: *ишратбино – ишратхона; мотамсаро – мотамхона; маъниогоҳ – маъниошно* и др.; 3) в результате сходства значения композитов, например: *нурпош – партавафкан* и т.д.

14. Анализ показывает, что в поэзии Абульмаони композиты находятся также в антонимичных отношениях: *паркушо – парнӯш; сарафроз – сарфикан; ҷаҳонтоб – ҷаҳонсӯз; ҳавонараст – худонараст; ишиасоз – ишиасӯз* и др. Антонимия композитов достигается тремя способами: 1) в результате замены первого компонента. Например, *сахвкор – сехркор* и др.;

2) некоторые композиты в поэзии Бедиля вступают в антонимичные отношения в результате замены второго компонента. Например, *вафодушман* – *вафодӯст*; *мурувватдушман* – *мурувватоино* и т.д.; 3) использование отрицательных префиксов при создании композитов: *мавқеъишинос* – *мавқеъношинос* и др. По мнению некоторых ученых (Е.А. Василевская), антонимия композитов в основном достигается путем замены первого компонента сложного слова, однако изучение произведений таджикской классической литературы убеждает в том, что антонимичные пары могут образоваться и в результате замены второго компонента, свидетельством чему являются поэтические сочинения Бедиля.

15. Композиты поэзии Бедиля с точки зрения использования можно разделить на две группы; 1) распространенные; 2) вышедшие из употребления. Архаичные сложные слова можно классифицировать на несколько видов: а) композиты, первый элемент которых способствовал архаизации сложного слова: *бахяфарсо*, *бахладор*, *алаташзан*, *афафтарош*, *бурудатсӯз*, *мустақбаландеш*, *рабтофарин*, *самумпарвар*, *тақааддусҷӯш* (*праведный*) и др.; б) композиты, в которых второй компонент является архаичным: *габришиям*, *зиндагирахн*, *нуриктисоб*, *обтахмир*, *огоҳинасақ* и др.

16. Некоторые сложные слова в поэзии Абульмаони использованы в значении, известном в таджикском языке, в частности в таджикских говорах: *баногӯш*, *муштинпар*, *шодимарг*, *сарзаниш*, *пешто* и др.

17. В поэзии Абульмаони в процессе словосложения участвуют различные лексико-грамматические группы слов. Анализ показывает, что поэт, используя в ходе словосложения инфинитивы, демонстрирует возможности и потенциал различных морфем, в том числе суффикса «-хо», артикля «-е», в результате чего образуются уникальные модели сложных слов, такие как *гушуданхо*, *доманкашиданхо*, *қадкашиданхо*, *баландчиданхо*, *надиданоинае*, *рамиданоҳанге* и другие новые слова, не имеющие аналогов в истории литературного языка.

18. В поэзии Бедиля имеет место ряд многокомпонентных композитов, которые были классифицированы на трехкомпонентные, четырехкомпонентные и пятикомпонентные, которые в основном встречаются в месневи Абульмаони. Исходной единицей для многокомпонентных слов являются словосочетания (простые, сложные) и в некоторых случаях – предложения. В образовании многокомпонентных слов значимо влияние экстралингвистических факторов, в особенности влияние буддийской религии и древнеиндийского языка – санскрита.

19. Изучение темы исследования и собранного материала показывает, что отдельные лексические единицы: *адаб, адам, алам, арақ, ақз, оина, оташ, офат, обила, ҳайрат, нафас гавҳар, дил, сар, гул, нафас, тараб, ҳайрат, шуъла, ҷунун* и др. пользуются особым вниманием поэта. По нашим подсчетам, эта группа слов составляет более семидесяти лексических единиц. Ввиду этого в поэзии Бедиля данные лексические единицы встречаются в изобилии и проявляют продуктивность в процессе словосложения. Материалы исследования показывают, что некоторые из них создают до сорока композитов типа татпуруша. Ввиду этого исследованию роли данных лексических единиц в словосложении посвящен отдельный раздел четвертой главы диссертации. В целом ключевые лексемы поэзии Бедиля можно разделить на две группы: 1) таджикские слова; 2) арабские слова. В диссертации характеризуется потенциал словообразования таких таджикских лексем, как *оина, обила, оташ, гавҳар, сар* и арабских лексических единиц *нафас, тараб, ҳавас, ҳайрат* и *ҷунун*. Анализ показывает, что большинство композитов, созданных при участии названных лексических единиц, являются плодом художественного воображения Абульмаони, поскольку в авторитетных толковых словарях эти лексические единицы не встречаются. Изучение поэзии Бедиля показывает, что композиты способствуют выражению множества значений.

20. Изучение темы исследования убеждает в том, что для большего приобщения ценителей таджикского языка к сокровищнице уникальных слов и выражений классической литературы необходимо обратить внимание на создание словаря трудных слов и выражений Бедиля.

Таким образом, изучение структурно-семантических особенностей композитов типа татпуруша в поэзии Бедиля свидетельствует о том, что возможности и потенциал таджикского языка в образовании композитов весьма широки и не всегда используются в полной мере. С другой стороны, недостаточное изучение данных языка таджикской классической литературы, в частности языка поэзии известных представителей индийского стиля, привело к тому, что возможности лексико-грамматических единиц таджикского языка не нашли должного отображения в научных разработках.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

I. ИСТОЧНИКИ

A. На кириллице

1. Бедил, Абдулқодир. Мунтахабот. Бо саъю кӯшиш ва муқаддимаву тавзеҳоти Бобобек Раҳимӣ / Абдулқодири Бедил. – Душанбе: Адиб, 2018. – 480 с.
2. Бедил, Абдулқодир. Осор. Ҷ.1-4. Ғазалиёт. Ҳозиркунандаи чоп Саҳобиддин Сиддиқов). / Абдулқодири Бедил. – Душанбе: Адиб, 1990. Ҷ.1. – 352 с.; Ҷ.2. 1991. – 352 с.; Ҷ.3. 1991. – 432 с.; Ҷ.4. 2004. – 438 с.
3. Бедил, Абдулқодир. Осор. Ҷ.5. Маснавиҳо. Бо саъю кӯшиш ва муқаддимаву тавзеҳоти Бобобек Раҳимӣ / Абдулқодири Бедил. – Душанбе: Адиб, 1993. – 672 с.
4. Бедил, Абдулқодир. Осор. Ҷ.6. Ирфон (маснави). Бо саъю кӯшиш ва муқаддимаву тавзеҳоти Бобобек Азизмуродзода Раҳимӣ / Абдулқодири Бедил. – Душанбе: Адиб, 2005. – 1052 с.
5. Бедил, Абдулқодир. Осор. Ҷ.7. Девони рубоӣёт. Бо саъю кӯшиш ва муқаддимаву тавзеҳоти Бобобек Азизмуродзода Раҳимӣ / Абдулқодири Бедил. – Душанбе: Адиб, 2007. – 848 с.
6. Бедил, Абдулқодир. Осор. Ҷ.8. Таркиббанд, тарҷеъбанд, мухаммасот, мураббаи мустазод, қасоид, қитъаот, муаммоҳо, танбеҳулмуҳаввисин. Таҳияи матн бо шарҳи луғот ва тавзеҳот аз Бобобек Раҳимӣ / Абдулқодири Бедил. – Душанбе: Адиб, 2016. – 480 с.
7. Бедил, Абдулқодир. Нигоҳи ойинабанд (мунтахаби ғазалиёт). / Абдулқодири Бедил // Фарҳанг, №1-2, 1992. – С.36-41.
8. Гузидаи ғазалиёти Бедил. Бо кӯшиши Қ.Наимзода. – Душанбе, 2016. – 236 с.

B. На арабской графике

9. بيدل دهلوی. کلیات. ج. 1-4. تصحيح خال محمد خسته، خليل الله خليلی. به كوشش بهمن خلیفه بناروانی. / بيدل دهلوی. تهران: طلايه، 1389. ج. 1 (بخش اول). غزليات. -798س؛ ج. 1 (بخش دوم).

- غزلیات. -1600س.؛ ج. 2. ترکیب‌بند؛ ترجیع‌بند؛ قصاید؛ قطعات؛ رباعیات -650س.؛ ج. 3. مثنویها. - 812س.؛ ج. 4. چهار عنصر؛ رقعات؛ نکات. -582س.
10. دهلوی، بیدل. دیوان. در دو مجلد. به تصحیح اکبر بیهداروند. / بیدل دهلوی. تهران: نگاه، 1386. ج. 1-2. -1400س.
11. آوازه‌های بیدل. نثر ادبی (رقعات. نیکات. اشارات. چهار عنصر). تصحیح اکبر بیهداروند. تهران: نگاه، 1386. -672س.
12. حافظ. دیوان. از روی نسخه خطی غنی و قزوینی. با گفتاری از دکتر محمدجعفر محجوب. / حافظ. -تهران: نشر آفتاب. بدون سال نشر.

II. НАУЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

A. На таджикском языке

13. Абдуқодиров, А. Забон ва услуби назми Мирзо Турсунзода. Монография / А.Абдуқодиров. – Душанбе: Дониш, 1988. – 125 с.
14. Абдуқодиров, А. Каломи Камол. Монография / А.Абдуқодиров, А.Давронов. – Хучанд: Раҳим Ҷалил, 1998. – 215 с.
15. Айнӣ, С. Мирзо Абдулқодир Бедил. Монография / С.Айнӣ. – Сталинобод: Нашрдавтоҷ, 1954. – 340 с.
16. Амиркулов, С. Бедил. / С.Амиркулов. // ЭСТ. Ҷ.1. – Душанбе: Сарредаксияи илмии ЭСТ, 1988. – С.260-263.
17. Амиркулов, С. Бедил. / С.Амиркулов // Энциклопедияи адабиёт ва санъати тоҷик. Ҷ.1. – Душанбе: Сарредаксияи илмии ЭСТ, 1978. – С.403-405.
18. Анварӣ, С. Вожасозӣ дар забони ашъори Хоҷа Камол. / С.Анварӣ // Адаб. – 1998. – №4-6. – С.19-23.
19. Байзоев, А. Истилоҳот ва калимасозӣ дар «Донишнома»-и Абуалӣ ибни Сино. Монография / А.Байзоев. – Душанбе: Андалеб Р, 2016. – 196 с.
20. Баҳор, М. Сабкшиносӣ ё таърихи татаввурӣ насри форсӣ. Талхиси С.Миробидинӣ. Баргардони Ш.Исрофилниё, Н.Сарқоров. Монография / М.Баҳор. – Душанбе: Бухоро, 2012. – 570 с.

21. Бертелс, Е.Э. Муқаддима. / Е.Э.Бертелс // Айнӣ С. Мирзо Абдулқодири Бедил. – Сталинобод: Нашрдавтоҷ, 1954. – С.5-8.
22. Ваҳҳобов, Т. Ҳақиқат зодаи баҳс аст (маҷмуаи мақолаҳо) / Т.Ваҳҳобов. – Хучанд: Хуросон, 2010. – 188 с.
23. Грамматикаи забони тоҷикӣ. Қ.1. Фонетика ва морфология. Монография. – Сталинобод: Нашрдавтоҷ, 1956. – 231 с.
24. Грамматикаи забони адабии ҳозираи тоҷик. Ҷ.1. Фонетика ва морфология. – Душанбе: Дониш, 1985. – 356 с.
25. Ғаниева, С. Таркиби ономасиологии калимаҳои мураккаби забони тоҷикӣ. Монография / С.Ғаниева. – Хучанд: Нури маърифат, 2003. – 120 с.; 2016. – 188 с.
26. Ғаниева, С. Таҷдиди амали калимасозӣ. / С.Ғаниева // Шукӯҳи маърифат. – Хучанд: Ношир, 2013. – С.209-218.
27. Ғаниева, С. Таносуби воҳидҳои махраҷӣ бо универбҳои сермаъно. / С.Ғаниева // Сунъи беҳин. – Хучанд: Ношир, 2017. – С.130-142.
28. Ғаффоров, Р. Забон ва услуби Раҳим Ҷалил. Монография / Р.Ғаффоров. – Душанбе: Дониш, 1966. – 223 с.
29. Давлатова, М. Оид ба баъзе масъалаҳои калимасозии забони тоҷик. / М.Давлатова. // Маориф ва маданият. – 1966. – 14 июн. – С. 4.
30. Дадохонов, М. Мухтасаре аз тадқиқи таърихи забони адабии классикӣ (аз аҳди Сомониён то ибтидои асри XX). / М.Дадохонов, А.Ҳасанов. – Хучанд, 1999. – 94 с.
31. Додихудоев, Р.Х. Таърихи забони тоҷикӣ. Воситаи таълимӣ / Р.Х. Додихудоев, Л.Г. Герценберг. – Душанбе: Маориф, 1988. – 200 с.
32. Забони адабии ҳозираи тоҷик. Қ.1. Лексикология. Фонетика. Морфология. Китоби дарсӣ. – Душанбе: Маориф, 1982. – 461 с.
33. Забони ҳозираи тоҷик. Лексика. Воситаи таълимӣ. – Душанбе, 1981. – 102 с.
34. Зарринқӯб, А. Чустучӯ дар тасаввуфи Эрон. Монография / А.Зарринқӯб. – Душанбе: Ирфон, 1992. – 395 с.

35. Зарринкӯб, А. Шоири андешаҳо. / А.Зарринкӯб // Бо корвони хулла. – Душанбе: Пайванд, 2004. – С.229-236.
36. Зехнӣ, Т. Санъати сухан. / Т.Зехнӣ. – Душанбе: Ирфон, 1979. – 327 с.
37. Зоҳидов, А. Таъсири забони русӣ ба калимасозии забони адабии тоҷик. Монография / А.Зоҳидов. – Хучанд: Ношир, 2009. – 160 с.
38. Зоҳидов, А. Пайванди сухан. Мураттиб ва муҳаррири масъул М.Олимҷонов / А.Зоҳидов. – Хучанд: Нури маърифат, 2019. – 452 с.
39. Зоҳидов, А. Хусусиятҳои калимасозии Сайидои Насафӣ. / А.Зоҳидов. // Номаи Донишгоҳ. Илмҳои ҷомеашиносӣ. – 2014. – №3 (40). – С.16-29.
40. Исмоилов, И. Зарф дар забони адабии ҳозираи тоҷик. / И.Исмоилов. – Душанбе: Ирфон, 1971. – 86 с.
41. Кабиров, Х. Султони мулки сухан. Монография / Х.Кабиров. – Душанбе: Эр-граф, 2011. – 151 с.
42. Кабиров, Ш. Равобит ва ҳамнишинии воҳидҳои забон дар занҷираи гуфтор. Монография / Ш.Кабиров. – Душанбе: МДМТ, 2021. – 320 с.
43. Камолов, Х. Ҳунари вожаофарии Сайидои Насафӣ. / Сайидо ва сахми ӯ дар инкишофи забон ва адабиёти тоҷик. / Х.Камолов. – Душанбе: Сино, 2019. – С.74-79.
44. Камолиддинов, Б. Забон ва услуби Ҳаким Карим. Монография / Б.Камолиддинов. – Душанбе: Ирфон, 1967. – 185 с.
45. Камолиддинов, Б. Хусни баён. Қ. 1. Китоби дарсӣ / Б.Камолиддинов. – Душанбе: Маориф, 1989. – 120 с.
46. Камолова, Г. Хусусиятҳои морфологии забони «Мачмуъ-ут-таворих». Монография / Г.Камолова. – Душанбе: Дониш, 1984. – 92 с.
47. Карамшоев, Д. Қаробати таърихии забонҳои тоҷикию ҳиндӣ. / Д.Карамшоев // Садои Шарқ. – 1983. – №7. – С.110-119.
48. Кенҷаев, Ю. Забони «Таърихи Байҳақӣ». Монография / Ю.Кенҷаев. – Хучанд: Дабир, 2021. – 200 с.
49. Қосимова, М. Вожаи бад: маъно, калимасозӣ, вазифаҳои грамматикӣ (дар асоси осори асрҳои IX-X). Воситаи таълимӣ / М.Қосимова. – Душанбе: Сино, 2011. – 92 с.

50. Қосимова, М. Таърихи забони адабии тоҷик (асрҳои IX-X). Ҷ.1. Китоби дарсӣ / М.Қосимова. – Душанбе, 2012. – 568 с.
51. Қосимова, М. Таърихи забони адабии тоҷикӣ (асрҳои XI-XII). Ҷ.2. Китоби дарсӣ / М.Қосимова. – Душанбе: Сино, 2016. – 240 с.
52. Маъсумӣ, Н. Очеркҳо оид ба инкишофи забони адабии тоҷик. Монография / Н.Маъсумӣ. – Сталинобод: Нашрдавтоҷ, 1959. – 294 с.
53. Маъсумӣ, Н. Забон ва услуби Аҳмади Дониш. Монография / Н.Маъсумӣ. – Душанбе: Дониш, 1976. – 72 с.
54. Маъсумӣ, Н. Туғрал ва муҳити адабии ӯ. / Н.Маъсумӣ // Туғрал. Мунтахаботи ашъор. – Душанбе: Ирфон, 1964. – С.5-66.
55. Маъсумӣ, Н. Дар бораи вазъият ва баъзе тағйиротҳо дар таркиби луғавии забони адабии тоҷик дар асрҳои X-XIX. / Н.Маъсумӣ // Асарҳои мунтахаб. Ҷ.2. – Душанбе: Ирфон, 1980. – С.79-116.
56. Мачидов, Ҳ. Забони адабии муосири тоҷик. Ҷ.1. Луғатшиносӣ. Китоби дарсӣ / Ҳ.Мачидов. – Душанбе: Деваштич, 2007. – 255 с.
57. Мирзоев, А. Сайидо ва мақоми ӯ дар таърихи адабиёти тоҷик. Монография / А.Мирзоев. – Сталинобод: Нашрдавтоҷ, 1947. – 197 с.
58. Мирзоев, А. Як ҳуҷҷати муҳим оид ба таҳаллуסי Бедил. / А.Мирзоев. // Ахбороти АФ РСС Тоҷикистон. Шуъбаи фанҳои ҷамъиятӣ. – 1958. – №1. – С.3-6.
59. Муҳаммадиев, М. Лексикаи забони адабии тоҷик. Воситаи таълимӣ / М.Муҳаммадиев, Ҳ.Талбакова, Ю.Нурмаҳмадов. – Душанбе, 1997. – 189 с.
60. Мучаддадӣ, Ғ. Бедилшиносӣ. Муштамил бар адвори ҳаёт, мушаххасоти афкор, хусусияти ашъор ва мунтахаботи осори Абулмаъонӣ Бедил. Муаллифи пешгуфтор, тавзеҳот ва муҳаррири масъул Н.Нурзод. – Душанбе: матбааи ДДОТ, 2019. – 438 с.
61. Назарзода, С. Истилоҳоти забони тоҷикӣ: таърих, гаройиш ва дурнамо. Монография / С.Назарзода. – Душанбе: Дақиқӣ, 2013. – 270 с.
62. Насриддин, А. Адабиёти форсии Фароруд аз сукути Темуриён то аҳди Манғит. / А.Насриддин // Куллиёти осор. Ҷ.6. – Хучанд: Ношир, 2013. – С.304-354.

63. Насриддин, А. Бедил дар оинаи тафаккури бадеӣ. / А.Насриддин // Куллиёти осор. Ҷ.7. – Хучанд: Ношир, 2013. – С.264-270.
64. Насриддин, А. Ашъори Бедил ва завқи бадеии аҳли Хучанд. / А.Насриддин // Куллиёти осор. Ҷ.7. – Хучанд: Ношир, 2013. – С.429-435.
65. Насриддин, А. Қайду ёддоштҳо дар аҳвол ва осори Бедил. / А.Насриддин // Куллиёти осор. Ҷ.7. – Хучанд: Ношир, 2013. – С.646-653.
66. Ниёзӣ, Ш. Исм ва сифат дар забони тоҷикӣ. / Ш.Ниёзӣ – Сталинобод, 1954. – 48 с.
67. Ниёзӣ, Ш. Оид ба ҳиссаҳои номии нутқ дар забони тоҷикӣ. / Ш.Ниёзӣ // Известия АН Тадж. ССР. Отд. общ. наук. Вып. 5. – Сталинабад, 1954. – С.147-152.
68. Низомова, С. Калимасозии сарфӣ дар «Хамса»-и Низомӣ. Монография / С.Низомова. – Душанбе, 2010. – 178 с.
69. Низомова, С.Ф. Калимасозӣ дар насри бадеӣ ва публицистии С.Айнӣ: автореферати рисо. докт. илмҳои филологӣ. 10.02.22. / С.Ф.Низомова. – Душанбе, 2019. – 51 с.
70. Нисорӣ, Х.Ҳ. Чаҳор гулзор. Таҳиягарони матн, муаллифони пешгуфтор ва мураббӣ лугату тавзеҳот У.Назир, Д.Ҳоча / Х.Ҳ.Нисорӣ. – Душанбе: Шарқи озод, 1998. – 116 с.
71. Ноил, Д. Корбурди вожаи «тамиз» дар суvari хаёли Бедил. / Д.Ноил. // Пайванд. – 2017. – №1. – С.70-73.
72. Нурзод, Н. Фурӯғи фитрати маънӣ (нашри дувум бо таҳриру иловаҳо). Монография / Н.Нурзод. – Хучанд: Нури маърифат, 2008. – 224 с.
73. Нуров, Н. Поэтикаи ғазалиёти Мирзо Абдулқодири Бедил. Монография / Н.Нуров. – Хучанд: Ношир, 2020. – 444 с.
74. Нуров, Н. Корбурди вожаи нафас ва таобири шоиронаи худсохти он дар девони Бедил. / Н.Нуров. // Номаи Донишгоҳ. Илмҳои ҷомеашиносӣ. – №3 (36). – 2013. – С.12-28.
75. Нуруллоева, М. Соиби Табрзӣ (пажӯҳиш дар ҳунари шоирӣ). / М.Нуруллоева. – Хучанд: Нури маърифат, 2005. – 78 с.

76. Нуъмонӣ, Ш. Шеър-ул-Ачам. Панҷ чилд дар ду китоб. Таҳияи Абдухолиқ Набавӣ. Зери назари Носирҷон Салимӣ. Китоби 1 (чилдҳои аввал ва дувум); Китоби 2 (чилдҳои савум, чаҳорум ва панҷум). Монография / Ш.Нуъмонӣ. – Душанбе: ДДОТ, 2016. Китоби 1. – 544 с.; Китоби 2. – 576 с.
77. Одина, М. Шарҳи бисту як ғазали Бедил. / М.Одина. – Душанбе, 2007. – 160 с.
78. Олам, М. Мирзо Абдулқодири Бедили Азимободӣ. / М.Олам // Адаб. – 1999. – №2. – С.26-33.
79. Олимҷонов, М. Хусусиятҳои луғавию услубии насри таърихӣ (дар асоси эҷодиёти С.Улуғзода). Монография / М.Олимҷонов. – Хучанд: Нури маърифат, 2011. – 152 с.
80. Олимҷонов, М. Сухан аз гавҳариёни сухан. / М.Олимҷонов. – Хучанд: Нури маърифат, 2017. – 436 с.
81. Олимҷонов, М. Сайри лафзу маънӣ. / М.Олимҷонов. – Хучанд: Ношир, 2021. – 328 с.
82. Раҳимӣ, Б. Тааммуле дар сабки Бедил. / Б.Раҳимӣ // Садои Шарқ. – 2002. – №4-6. – С.171-181.
83. Раҳимӣ, Б. Шарҳи шаст ғазали Бедил. / Б.Раҳимӣ. – Душанбе: Деваштич, 2004. – 318 с.
84. Раҳимӣ, Б. Ошноӣ бо Бедил (маҷмуаи мақолаҳо). / Б.Раҳимӣ. – Душанбе: Ирфон, 2009. – 568 с.
85. Раҳимӣ, Б. Зиндагиномаи Бедил. Монография / Б.Раҳимӣ. – Душанбе: Эр-граф, 2017. – 496 с.
86. Раҳимӣ, Б. Тавсифи осори Бедил. / Б.Раҳимӣ. – Душанбе: Эр-граф, 2018. – 206 с.
87. Раҳимӣ, Б. Бедил. / Б.Раҳимӣ // Энциклопедияи миллии тоҷик. Ҷ.2. – Душанбе: Муассисаи давлатии Сарредаксияи илмӣи ЭМТ, 2013. – С.457-463.
88. Раҳимӣ, Б. Зистномаи Бедил. / Б.Раҳимӣ // Садои Шарқ. – 2011. – №4. – С.102-117.

89. Раҳматуллозода, С.Р. Калимасозии исм. / С.Р.Раҳматуллозода. – Душанбе: МИ Дониш, 2019. – 226 с.
90. Раҳмон, Э. Забони миллат – ҳастии миллат. Монография. Дар ду китоб. / Э.Раҳмон. Китоби 1. Ба сӯйи пояндагӣ. – Душанбе: Эр-граф, 2016. – 516 с.; Китоби 2. Забон ва замон. – Душанбе: Нашриёти муосир, 2020. – 432 с.
91. Раҳмон, Э. Нобиғаи шеър ва пайвандгари ду кишвар. / Э.Раҳмон // Чехраҳои мондагор. – Душанбе: Эр-граф, 2016. – С.289-291.
92. Рашшод, М. Фалсафа аз оғози таърих (таҳияи С.Маҳмадулло ва И.Саидиён). Китоби 1. Ҷ.1-2. Монография / М.Рашшод. – Душанбе: Ирфон, 1990. – 480 с.; Китоби 2. Ҷ.3-4. – Душанбе: Ирфон, 2002. – 402 с.
93. Розӣ, Ш.Қ. ал-Муъҷам. Муаллифи сарсухану тавзеҳот ва ҳозиркунандаи чоп У.Тоиров / Ш.Қ.Розӣ. – Душанбе: Адиб, 1991. – 464 с.
94. Рустамов, Ш. Калимасозии исм дар забони адабии ҳозираи тоҷик. / Ш.Рустамов. – Душанбе, 1972. – 76 с.
95. Рустамов, Ш. Таснифоти ҳиссаҳои нутқ ва мавқеи исм. / Ш.Рустамов. – Душанбе: Ирфон, 1972. – 88 с.
96. Рустамов, Ш. Исм. Монография / Ш.Рустамов. – Душанбе: Дониш, 1981. – 220 с.
97. Рустамов, Ш. Мақоми забон. / Ш.Рустамов. – Душанбе: Адиб, 1996. – 300 с.
98. Рустамов, Ш. Калимасозии факки изофат. / Ш.Рустамов // Мактаби советӣ. – 1971. – №12. – С.18-22.
99. Рустамов, Ш. Як усули васлшавии калимаҳо. / Ш.Рустамов // Масъалаҳои забоншиносӣ. – Душанбе: Дониш, 1983. – С.79-87.
100. Сабзаев, С. Забон ва услуби шоирони маорифпарвар. / С.Сабзаев – Душанбе: Маориф, 1991. – 80 с.
101. Сабзаев, С. Забон ва сабки баёни Мавлоно Ҷалолуддини Балхӣ. Монография / С.Сабзаев. – Душанбе: Ирфон, 2014. – 520 с.
102. Сабоҳзод, А. Носиралии Сарҳиндӣ ва ҷойгоҳи ӯ дар адабиёти форсӣ. / А.Сабоҳзод. – Душанбе: Шарқи озод, 2009. – 120 с.

103. Саидзода, Ҷ. Сабки ҳиндӣ гарчи сабки тоза буд... / Ҷ.Саидзода – Душанбе: Ирфон, 2012. – 124 с.
104. Саймиддинов, Д. Вожашиноси забони форсии миёна. Монография / Д.Саймиддинов. – Душанбе: Пайванд, 2001. – 310 с.
105. Саймиддинов, Д. Форсии бостон (овошиносӣ, грамматика, овонавишт, катибаҳои мехӣ ва воҷаном). Чопи дувум бо ислоҳот. / Д.Саймиддинов. – Душанбе: Пайванд, 2008. – 190 с.
106. Салимов, Ю. Ёдгори умр. Ҷ.2. / Ю.Салимов. – Хучанд: Нури маърифат, 2003. – 488 с.
107. Саломов, М. Вижагиҳои савтӣ, маъноӣ ва маҷозӣ фразеологӣ забони шеъри тоҷикӣ (дар асоси газелиҳои шоэронӣ асрҳои XII-XIV). / М.Саломов. – Душанбе: Пойтахт, 2017. – 266 с.
108. Султон, М.Ҷ. Баъзе вижагиҳои воҷасозӣ воҷагузинӣ форсии Абурайҳони Берунӣ. / М.Ҷ.Султон // Аҳбори Академияи илмҳои Ҷумҳурии Тоҷикистон. Шӯъбаи илмҳои ҷамъиятшиносӣ. – 2006. – №2. – С.60-67.
109. Султон, М.Ҷ. Ташаккул ва тақомули истилоҳоти илмӣ форсӣ-тоҷикӣ. Монография / М.Ҷ.Султон. – Душанбе: Дониш, 2008. – 334 с.
110. Султон, М.Ҷ. Забони пӯё ва поё. / М.Ҷ.Султон. – Душанбе: Дониш, 2018. – 230 с.
111. Султон, Ҳ. Саййидо ва шукӯҳу таҷаммули забони тоҷикӣ. / Саййидо ва саҳми ӯ дар инкишофи забон ва адабиёти тоҷик. / Ҳ.Султон. – Душанбе: Сино, 2019. – С.22-31.
112. Тоҳирова, Қ. Лексикаи забони адабии ҳозираи тоҷик (материалҳо). Воситаи таълимӣ / Қ.Тоҳирова. – Душанбе, 1967. – 88 с.
113. Тоҷиев, Д. Осори мунтахаб. / Д.Тоҷиев. – Душанбе: Деваштич, 2005. – 484 с.
114. Ӯрунова, М. Шавкати Бухорӣ. / М.Ӯрунова – Хучанд: Раҳим Ҷалил, 2011. – 152 с.
115. Халилӣ, Х. Файзи қудс. Шарҳи аҳволу рӯзгор ва таҳлили ашъори Бедил. / Х.Халилӣ. – Душанбе: ҶДММ Ганҷи хирад, 2020. – 152 с.

116. Халилов, А. Вазифаҳои грамматикӣ бандҳои изофӣ (-и) дар забони адабии ҳозираи тоҷик. Монография / А.Халилов. – Душанбе: Дониш, 1969. – 120 с.
117. Хоҷа, Д. Ташаккул ва таҳаввули илми забоншиносии форсу тоҷик дар асрҳои миёна. Монография / Давлатбеки Хоҷа. – Душанбе: ДДМТ, 1998. – 152 с.
118. Хоҷаев, Д. Афкори забоншиносии тоҷик дар асрҳои X-XVI. Монография / Д.Хоҷаев. – Душанбе: Маориф ва фарҳанг, 2013. – 344 с.
119. Хоҷаев, Д. Донишномаи мухтасари таърихи афкори забоншиносии тоҷик. / Д.Хоҷаев ва диг. – Душанбе: Пойтахт, 2017. – 320 с.
120. Хоҷаева, М. Таҳқиқи услуби осори адабӣ. Монография / М.Хоҷаева. – Хучанд, 1994. – 229 с.
121. Хоҷаева, М. Масъалаҳои сабқшиносӣ. Монография / М.Хоҷаева. – Хучанд, 1994. – 223 с.
122. Ҳабиб, А. Вожасозӣ ва одатсезии сарфӣ ва наҳвӣ дар сурудаҳои Бедил. / А.Ҳабиб // Фарҳанг. – 1990. – №3. – С. 36-40.
123. Ҳалимов, С. Таърихи забони адабии тоҷик (асри X). Воситаи таълимӣ / С.Ҳалимов. – Душанбе, 1979. – 94 с.
124. Ҳалимов, С. Таърихи забони адабии тоҷик (асрҳои XI-XII). Воситаи таълимӣ / С.Ҳалимов. – Душанбе, 2002. – 96 с.
125. Ҳалимов, С. Дар бораи сифатҳои сохта ва мураккаби умумичузъ ва ё ҳамкомпонент. / С.Ҳалимов // Иранская филология. – Душанбе, 1979. – С.99-109.
126. Ҳалимов, С. Забони адабии тоҷикӣ дар Ҳиндустон. / С.Ҳалимов // Забон – рукни тоат. Китоби шашум. – Душанбе: Маориф ва фарҳанг, 2013. – С.48-52.
127. Ҳалимов, С. Забон ва услуби осори Мирзо Абдулқодирӣ Бедил. / С.Ҳалимов // Забон – рукни тоат. Китоби ҳафтум. – Душанбе: Пойтахт, 2015. – С.172-179.
128. Ҳамдам, Б. Савмаи маърифат (андешаҳо перомунӣ ашъори Мирзо Бедил ва пайравони ӯ). Монография / Б.Ҳамдам. – Хучанд, 1999. – 168 с.

129. Ҳасанзода, А. Асолати забон ва маҳорати баён. / А.Ҳасанзода. – Хучанд: Ношир, 2018. – 516 с.
130. Ҳасанов, А. Усули калимасозии морфологӣ-синтаксисӣ дар «Ҳудуд-ул-олам». / А.Ҳасанов / Деп. дар ТоҷикНИИНТИ. – №37. 18.09.1985 (Языкознание, 1986, №3). 9 с.
131. Ҳасанов, А. Зикри нуқси сухан дар вожаномаҳои куҳан. / А.Ҳасанов. – Хучанд: Раҳим Ҷалил, 2001. – 42 с.
132. Ҳасанов, А. Вомвожаҳои тоҷикӣ дар забонҳои дигари ҷаҳон. Воситаи таълимӣ / А.Ҳасанов. – Хучанд: Нури маърифат, 2003. – 52 с.
133. Ҳасанов, А. Унсурҳои луғавӣ ва сарфию нахвии осори садаҳои X-XIII дар ғӯиши шимолӣ (бахши Фарғонаи ғарбӣ). Монография / А.Ҳасанов. – Хучанд: Нури маърифат, 2003. – 253 с.
134. Ҳасанов, А. Таҳаввули таърихии вожаҳои тоҷикӣ. / А.Ҳасанов. – Хучанд: Ношир, 2017. – 276 с.
135. Ҳикматуллоев, Н. Хусусиятҳои маъноию услубии муродифоти луғавӣ. Монография / Н.Ҳикматуллоев. – Хучанд: Ношир, 2013. – 148 с.
136. Ҳодизода, Р. Тасаввуф дар адабиёти форс-тоҷик. Монография / Р.Ҳодизода. – Душанбе: Адиб, 1999. – 188 с.
137. Ҳочиев, С. Забони адабии тоҷик дар ибтидои асри XX. Монография / С.Ҳочиев. – Душанбе: Дониш, 1987. – 168 с.
138. Ҳошимов, С. Истифодаи калимаҳои мураккаби тобеъ дар ғазалиёти Камоли Хучандӣ. / С.Ҳошимов // Мақолоти маҷмаи бузургдошти Камоли Хучандӣ. – Табрез, 1996. – С.418-424.
139. Ҷабборова, М. Гунаҳои вожаҳо дар осори тарҷумавии асри X (дар асоси маводи тарҷумои «Тафсири Табарӣ» ва «Таърихи Табарӣ»-и Балъамӣ). Монография / М.Ҷабборова. – Хучанд: Меъроҷ, 2014. – 160 с.
140. Шакурӣ, М. Ҳар сухан ҷоеву ҳар нуқта мақома дорад. / М.Шакурӣ. – Душанбе: Ирфон, 2005. – 400 с.
141. Шарифов, Б. Хусусиятҳои морфологии «Бадоеъ-ул-вақоеъ»-и Восифӣ. Монография / Б.Шарифов. – Душанбе: Дониш, 1985. – 232 с.

142. Шарофов, Н. Калимаҳои русию интернационалӣ дар забони адабии тоҷик. Монография / Н.Шарофов. – Душанбе: Дониш, 1972. – 168 с.

143. Шокиров, Т. Адиб, забон ва услуб. Монография / Т.Шокиров. – Хучанд: Наргис, 2001. – 174 с.

144. Шокиров, Т. Калимаҳои ҷунонӣ дар забони тоҷикӣ. / Т.Шокиров // Номаи меҳр (маҷмуаи мақолаҳо ба ифтихори ҷашни 70-солагии зодрӯзи узви вобастаи АУ ҶТ профессор М.Н.Қосимова). – Хучанд: Нури маърифат, 2003. – С.167-176.

145. Шукуров, М. Забони мо ҳастии мост. / М.Шукуров. – Душанбе: Маориф, 1991. – 232 с.

Б. На русском языке

146. Абдуллаева, З. Многозначность производной лексики в произведениях Низами (имя существительное, прилагательное, наречие): автореферат дис... канд. филол. наук: 10.02.22 / З.Абдуллаева. – Душанбе, 2017. – 25 с.

147. Айни, Х. Бедиль и его поэма «Ирфон». Монография / Х.Айни. – Сталинабад, 1956.

148. Алиев, Г.Ю. Персоязычная литература Индии. Краткий очерк. / Г.Ю.Алиев. – М.: Наука, 1968. – 247 с.

149. Амонова, Ф. Именное аффиксальное словообразование в современном персидском и таджикском языках. Учебное пособие / Ф.Амонова. – Душанбе, 1982. – 55 с.

150. Амонова, Ф. Проблемы деривационной ономазиологии современного персидского языка. Монография / Ф.Амонова. – Душанбе: Дониш, 1990. – 104 с.

151. Анандавардхана. Дхваньялока («Свет дхвани»). Перевод с санскрита, введение и комментарий Ю.М.Алихановой. Монография / Анандавардхана. – М.: Наука, 1974. – 304 с.

152. Ахмеджанова, Н.А. Словообразование имен существительных и прилагательных в современном литературном персидском языке:

автореферат дис... канд. филол. наук / Н.А.Ахмеджанова. – Ташкент, 1956. – 15 с.

153. Байзоев, А. Язык «Донишнома» Абуали ибни Сино (терминология и словообразование): автореферат дис... канд. филол. наук: 10.02.02 / А.Байзоев. – Душанбе, 1992. – 24 с.

154. Бенвенист, Э. Индоевропейское именное словообразование. Монография / Э.Бенвенист. – М.: Изд-во иност-ой лит.-ры, 1955. – 260 с.

155. Бенвенист, Э. Общая лингвистика. Под редакцией, с вступительной статьей и комментарием Ю.С.Степанова. Монография / Э.Бенвенист. – М.: Прогресс, 1974. – 446 с.

156. Бертельс, Е.Э. Грамматика персидского языка. Учебное пособие / Е.Э.Бертельс. – Ленинград: Ин-т живых восточных языков им. А.С.Енукидзе, 1926. – 126 с.

157. Бертельс, Е.Э. Литература на персидском языке в Средней Азии. / Е.Э. Бертельс // Советское востоковедение. Т.5. – М.-Ленинград: Изд-во АН СССР, 1948. - С.199-228.

158. Бертельс, Е.Э. Бидиль и его учение об эволюции. / Е.Э.Бертельс // История литературы и культуры Ирана. – М.: Наука, 1988. – С.343-351.

159. Бертельс, Е.Э. Некоторые замечания о Бидиле. / Е.Э. Бертельс // История литературы и культуры Ирана. – М.: Наука, 1988. – С.352-362.

160. Бертельс, Е.Э. К вопросу об «индийском стиле» в персидской поэзии. / Е.Э. Бертельс // История литературы и культуры Ирана. – М.: Наука, 1988. – С.437-440.

161. Боголюбов, М.Н. К древнеиранскому словообразованию. / М.Н. Боголюбов // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – 1978. –Т.37. №11. – С.37-41.

162. Букчина, Б.З. Сложные слова. Монография / Б.З.Букчина, Л.П.Калакуцкая. – М.: Наука, 1974. – 150 с.

163. Василевская, Е.А. Словосложение в русском языке. Монография / Е.А.Василевская. – М.: Учпедгиз, 1962. – 132 с.

164. Виноградов, В.А. Словообразование. // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С.469.
165. Виноградов, В.В. Современный русский язык. Грамматическое учение о слове. Вып. 2. Учебное пособие / В.В.Виноградов. – М., 1938. – 590 с.
166. Виноградов, В.В. Вопросы современного русского словообразования. / В.В.Виноградов. // Избранные труды. Исследования по русской грамматике. – М.: Наука, 1975. – С.155-165.
167. Виноградов, В.В. Словообразование и его отношение к грамматике и лексикологии (на материале русского и родственных языков). / В.В.Виноградов. // Избранные труды. Исследования по русской грамматике. – М.: Наука, 1975. – С.166-220.
168. Виноградов, В.В. Избранные труды. О языке художественной прозы. Монография / В.В.Виноградов. – М.: Наука, 1980. – 358 с.
169. Виноградова, В.Н. Стилистический аспект русского словообразования. Монография / В.Н.Виноградова. – М.: Наука, 1984. – 184 с.
170. Винокур, Г.О. Заметки по русскому словообразованию. / Г.О. Винокур. // Избранные труды по русскому языку. – М.: Изд-во Мин. прос. РСФСР, 1959. – С.418-442.
171. Винокур, Г.О. Понятие поэтического языка. / Г.О. Винокур // Избранные труды по русскому языку. – М.: Изд-во Мин. прос. РСФСР, 1959. – С.387-393.
172. Военец, К.В. Древнеиндийская традиция (грамматика Панини) и современное индоевропейское языкознание: автореферат дис... канд. филол. наук: 10.02.20 / К.В. Военец. – СПб, 2006. – 25 с.
173. Ганиева, С. Словообразовательное значение сложных слов таджикского языка (на материале литературных памятников X-XII вв.): автореферат дис... канд. филол. наук: 10.02.02 / С.Ганиева. – Душанбе, 1990. – 24 с.

174. Гафуров, Б. Исторические связи Средней Азии со странами арабского Востока. / Б.Гафуров. // Избранные труды. – М.: Наука, 1985. – С.446-452.
175. Гвоздев, А.Н. Очерки по стилистике русского языка. / А.Н.Гвоздев. – М.: Просвещение, 1965. – 408 с.
176. Герценберг, Л.Г. Морфологическая структура слова в древних индоиранских языках. Монография / Л.Г.Герценберг. – Ленинград: Наука, 1972. – 272 с.
177. Гуру, К. Грамматика хинди. Ч.II. Перевод с хинди П.А. и Р.И. Баранниковых. Под редакцией проф. Б.А. Лариной. / К.Гуру. – М.: Иностранная лит-ра, 1962. – 522 с.
178. Давронов, А. Языковые особенности «Кабус-намэ» Унсурулмеали Кейкавуса: автореферат дис... канд. филол. наук: 10.02.02 / А.Давронов. – Душанбе, 1980. – 26 с.
179. Джабарова, М. Вариантность слов в переводной литературе X века: автореферат дис... канд. филол. наук: 10.02.22 / М.Джабарова. – Душанбе, 2013. – 23 с.
180. Ефимов, А.И. Стилистика русского языка. Учебное пособие / А.И.Ефимов. – М: Просвещение, 1969. – 260 с.
181. Ефимов, А.И. О языке художественных произведений. Учебное пособие / А.И.Ефимов. – М.: Учебно-педагогическое изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1954. – 286 с.
182. Ефимов, В.А. Персидский, таджикский, дари. / В.А. Ефимов, В.С. Расторгуева, Е.Н. Шарова // Основы иранского языкознания. Т.3. Новоиранские языки. – М: Наука, 1982. – С.5-231.
183. Жирков, Л.И. Персидский язык: элементарная грамматика. Изд. 7-е, стереотипное. Учебное пособие / Л.И.Жирков. – М.: Ленанд, 2019. – 208 с.
184. Залеман, К.Г. Краткая грамматика новоперсидского языка. Учебное пособие / К.Г. Залеман, В.А. Жуковский. – СПб, 1890. – 100 с.
185. Земская, Е.А. Как делаются слова. // Е.А.Земская. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 91 с.

186. Земская, Е.А. Современный русский язык. Словообразование. Учебник для педагогических вузов / Е.А.Земская. – М.: Просвещение, 1973. – 304 с.
187. Земская, Е.А. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. / Е.А. Земская, М.В. Китайгородская, Е.Н. Ширяев. – М.: Наука, 1981. – 276 с.
188. Зенков, Г.С. Вопросы теории словообразования. Монография / Г.С. Зенков. – Фрунзе: Изд-во Киргизского ун-та, 1969. – 165 с.
189. Зохидов, А. Влияние русского языка на словообразование современного таджикского литературного языка: автореферат дис... канд. филол. наук: 10.02.02 / А.Зохидов. – Душанбе, 1992. – 21 с.
190. Иванов, В.В. Санскрит. Монография / В.В.Иванов, В.Н.Топоров. – М.: Изд-во восточной литературы, 1960. – 132 с.
191. Калонова, М.Дж. Структурно-семантический анализ словообразования именных частей речи (имя существительное и прилагательное) в поэзии Хафиза Ширази: автореферат дис... канд. филол. наук: 10.02.22 / М.Дж. Калонова. – Душанбе, 2017. – 23 с.
192. Камолова, Г. Грамматические особенности языка прозы XVI века: автореферат дис... канд. филол. наук: 10.02.02 / Г.Камолова. – Душанбе, 1973. – 26 с.
193. Капранов, В.А. Таджикско-персидская лексикография в Индии XVI-XIX вв. Монография / В.А.Капранов. – Душанбе: Дониш, 1987. – 225 с.
194. Капранов, В.А. Лексическая контаминация в таджикском языке. Монография / В.А.Капранов. – Душанбе: Дониш, 1979. – 72 с.
195. Капранов, В.А. Язык фарси в Индии и его отношение к таджикскому языку. / В.А.Капранов. // Масъалаҳои забоншиносӣ. – Душанбе: Дониш, 1983. – С.22-38.
196. Касимов, О. Деривация в «Шахнаме» Абулькасима Фирдоуси. Монография / О.Касимов. – Душанбе: Деваштич, 2006. – 188 с.

197. Касимов, О. Суффиксальное словообразование имен существительных в «Шахнаме» Абулькасима Фирдоуси: автореферат дис... канд. филол. наук: 10.02.02 / О.Касимов. – Душанбе, 1988. – 24 с.
198. Касимов, О. Лексика «Шахнаме» Абулькасима Фирдоуси: автореферат дис... докт. филол. наук: 10.02.22 / О.Касимов. – Душанбе, 2011. – 54 с.
199. Касимов, О. Лексика и словообразование в «Шахнаме» Абулькасима Фирдоуси. Монография / О.Касимов. – Душанбе, 2016. – 346 с.
200. Кенджаев, Ю. Лексические и словообразовательные особенности «Таърихи Байхаки» Абулфазла Байхаки: автореферат дис... канд. филол. наук: 10.02.22 / Ю.Кенджаев. – Худжанд, 2004. – 25 с.
201. Кожина, М.Н. Стилистика русского языка. Учебник для педагогических вузов / М.Н.Кожина. – М.: Просвещение, 1977. – 222 с.
202. Кубрякова, Е.С. Что такое словообразование. / Е.С.Кубрякова. – М.: Наука, 1965. – 77 с.
203. Кубрякова, Е.С. Теория номинации и словообразование. / Е.С.Кубрякова // Языковая номинация (виды наименований). – М.: Наука, 1977. – С.222-304.
204. Кубрякова, Е.С. Части речи в ономаσιологическом освещении. Монография / Е.С.Кубрякова. – М: Наука, 1978. – 114 с.
205. Кубрякова, Е.С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. Монография / Е.С.Кубрякова. – М.: Наука, 1981. – 200 с.
206. Кубрякова, Е.С. Словообразование. / Е.С.Кубрякова // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С.467-469.
207. Левковская, К.А. Словообразование. Учебное пособие / К.А.Левковская. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1954. – 34 с.
208. Левковская, К.А. Теория слова, принципы ее построения и аспекты изучения лексического материала. Монография / К.А.Левковская. – М.: Высшая школа, 1962. – 295 с.

209. Лившиц, В.А. О внутренних законах развития таджикского языка. / В.А.Лившиц // Ҳаждаҳ мақола (таърихи ташаккули забони тоҷикӣ аз назари олимони Шарқу Ғарб). Мураттибон А.Ҳасанов, А.Самеев. – Хучанд: Нури маърифат, 2008. – С.110-133.
210. Лопатин, В.В. Рождение слова. / В.В.Лопатин. – М.: Наука, 1973. – 150 с.
211. Маруфова, С. Сложные слова в современном таджикском литературном языке и принципы их подачи в большом таджикско-русском словаре: автореферат дис... канд. филол. наук: 10.02.02 / С.Маруфова. – М., 1969. – 31 с.
212. Мирзоев, А. Сайидо Насафи и его место в истории таджикской литературы. Монография / А.Мирзоев. – Сталинабад: Таджикгосиздат, 1954. – 206 с.
213. Мирзоев, Г. Именное суффиксальное словообразование в современном таджикском языке: автореферат дис... канд. филол. наук: 10.02.02 / Г.Мирзоев. – Душанбе, 1987. – 20 с.
214. Мурватов, Дж. Именное словосложение в южных говорах таджикского языка. / Дж.Мурватов // Забоншиносии тоҷик. – Душанбе: Дониш, 1984. – С.47-64.
215. Насимов, Н.И. Словообразование глагола в языке прозы Садриддина Айни: автореферат дис... канд. филол. наук: 10.02.08 / Н.И.Насимов. – Душанбе, 1995. – 22 с.
216. Немченко, В.Н. Современный русский язык. Словообразование. Учебник для педагогических вузов / В.Н.Немченко. – М.: Высшая школа, 1984. – 255 с.
217. Нуров, Н. Поэтика газелей Мирзо Абдулькадыра Бедиля: автореферат дис... докт. филол. наук: 10.01.01 / Н.Нуров. – Душанбе, 2020. – 58 с.
218. Оранский, И.М. Введение в иранскую филологию. Монография / И.М.Оранский. – М.: Изд-во восточной литературы, 1960. – 490 с.

219. Оранский, И.М. Введение. Иранские языки в историческом освещении. / И.М. Оранский. // Основы иранского языкознания. Т.1. Древнеиранские языки. – М.: Наука, 1979. – С.10-128.

220. Пейсиков, Л.С. Очерки по словообразованию персидского языка. Монография / Л.С. Пейсиков. -М.: Изд-во Московского ун-та, 1973. – 198 с.

221. Пейсиков, Л.С. Лексикология современного персидского языка. Учебное пособие / Л.С.Пейсиков. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1975. – 203 с.

222. Пейсиков, Л.С. Транспозиция как способ словообразования в иранских языках. / Л.С.Пейсиков // Иранская филология. – Ленинград: Изд-во Ленинградского ун-та, 1964. – С.14-26.

223. Пригарина, Н.И. Индийский стиль и его место в персидской литературе (вопросы поэтики). Монография / Н.И.Пригарина. – М.: Восточная литература, 1999. – 328с.

224. Прокопович, Н.Н. Словосочетание и слово. / Н.Н.Прокопович // Словосочетание в современном русском литературном языке. – М.: Просвещение, 1966. – С.51-63.

225. Развитие словообразования современного русского языка. – М.: Наука, 1966. – 210 с.

226. Расторгуева, В.С. Краткий очерк грамматики таджикского языка. / В.С. Расторгуева // Таджикско-русский словарь. Под редакцией М.В. Рахими, Л.В. Успенской. – М.: Изд-во иностранных и национальных словарей, 1954. – С.530-570.

227. Расторгуева, В.С. Среднеперсидский язык. Монография / В.С. Расторгуева. – М.: Наука, 1966. – 164 с.

228. Расторгуева, В.С. Среднеперсидский язык. / В.С. Расторгуева, Е.К. Молчанова // Основы иранского языкознания. Т.2. Среднеиранские языки. – М: Наука, 1981. – С.6-147.

229. Рахматуллозода, (Хоркашев) С. Словообразования имён существительных в южных и юго-восточных говорах таджикского языка. Монография / С.Рахматуллозода (Хоркашев). – Душанбе, 2016. – 239 с.

230. Рубинчик, Ю.А. Грамматический очерк персидского языка. / Ю.А.Рубинчик // Персидско-русский словарь. В двух томах, под редакцией Ю.А.Рубинчика. – М.: Русский язык, 1985. Т.2. – С.792-847.

231. Рубинчик, Ю.А. Структурные типы арабских заимствований в персидском языке. / Ю.А.Рубинчик // Общее и восточное языкознание. – М.: Современный писатель, 1999. – С.219-228.

232. Рустамов, Ш. Имя существительное в современном таджикском литературном языке (существительное в системе частей речи, грамматические категории, словообразование и синтаксические функции): автореферат дис... докт. филол. наук: 10.02.02 / Ш.Рустамов. – Душанбе, 1972. – 83 с.

233. Рустамов, Ш. Об одном способе словообразования в таджикском языке. / Ш.Рустамов // Актуальные проблемы иранской филологии. – Душанбе, 1985. – С.126-134.

234. Садыкова, Н. Философия Мирзо Абдулкодира Бедиля. Монография / Н.Садыкова. – Душанбе: Дониш, 2007. – 248 с.

235. Садыкова, Н. Философия Мирзо Абдулкодира Бедиля: автореферат дис... докт. филос. наук: 09.00.03 / Н.Садыкова. – Душанбе, 2007. – 39 с.

236. Саломов, М. Языковые особенности газели поэтов XII-XIV веков (фонетическая, семантическая, лексическая и фразеологическая структура языка газели): автореферат дис... докт. филол. наук: 10.02.22 / М.Саломов. – Душанбе, 2018. – 46 с.

237. Сигалов, П.С. Словообразование. / П.С.Сигалов. – Тарту: Тартуский госун-т, 1979. – 45 с.

238. Словообразование современного русского литературного языка. Под редакцией М.В.Панова. – М.: Наука, 1968. – 300 с.

239. Смирнова, Л.П. Язык «Та'рих-и Систан» (грамматика, лексика): диссертация канд. филол. наук: 10.02.02 / Л.П.Смирнова. – Ленинград, 1964. – 493 с.

240. Соколов, С.Н. Авестийский язык. Монография / С.Н.Соколов. – М.: Восточная литература, 1961. – 122 с.

241. Соколов, С.Н. Язык Авесты. / С.Н.Соколов // Основы иранского языкознания. Т.1. Древнеиранские языки. – М.: Наука, 1979. – С.129-233.

242. Соколов, С.Н. Древнеперсидский язык. / С.Н.Соколов // Основы иранского языкознания. Т.1. Древнеиранские языки. – М.: Наука, 1979. – С.234-271.

243. Степанова, М.Д. Словообразование современного немецкого языка. Учебник для педагогических вузов / М.Д.Степанова. – М.: Литература на иностранных языках, 1953. – 374 с.

244. Степанова, М.Д. Лексикология современного немецкого языка. Учебник для педагогических вузов / М.Д. Степанова, И.И. Чернышева. – М.: Высшая школа, 1962. – 309 с.

245. Степанова, М.Д. Методы синхронного анализа лексики. Монография / М.Д.Степанова. – М.: Высшая школа, 1968. – 200 с.

246. Турсунов, М. Составные слова в современном таджикском литературном языке: автореферат дис... канд. филол. наук. / М.Турсунов. – М., 1953. – 16 с.

247. Уфимцева, А.А. Лингвистическая сущность и аспекты номинации. / А.А. Уфимцева, Э.С. Азнаурова, Е.С. Кубрякова // Языковая номинация (общие вопросы). – М.: Наука, 1977. – С.7-98.

248. Хасанов, А. Лексические особенности «Худуд-ал-алем»: автореферат дис... канд. филол. наук: 10.02.02 / А.Хасанов. – Душанбе, 1986. – 22 с.

249. Хикматуллаев, Н. Семантико-стилистические особенности лексических синонимов в трилогии Джалола Икрами «Двенадцать ворот Бухары»: автореферат дис... канд. филол. наук: 10.02.02 / Н.Хикматуллаев. – Душанбе, 1993. – 21 с.

250. Ходжиев, С. Языковые особенности прозы начала XX века (на материале «Тухафи ахли Бухоро» Мирзо Сироджа Хакима): автореферат дис... канд. филол. наук: 10.02.02 / С.Ходжиев. – Душанбе, 1967. – 27 с.

251. Чавчавадзе, Т.А. Именное словообразование в новоперсидском языке. Монография / Т.А.Чавчавадзе. – Тбилиси: Мецниереба, 1981. – 375 с.

252. Чхеидзе, Д.Т. Именное словообразование в персидском языке. Монография / Д.Т.Чхеидзе. – Тбилиси: Мецниереба, 1969. – 140 с.

253. Шанский, Н.М. Основы словообразовательного анализа. Учебное пособие / Н.М.Шанский. – М., 1953. – 56 с.

254. Шанский, Н.М. Очерки по русскому словообразованию. Учебник для педагогических вузов / Н.М.Шанский. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1968. – 310 с.

255. Шанский, Н.М. Лексикология современного русского языка. Учебник для педагогических вузов / Н.М.Шанский. – М.: Просвещение, 1972. – 326 с.

256. Шоев, Э. Суффиксальное словообразование относительных имён прилагательных в современном таджикском литературном языке (на примере суффикса -й /-гй, -вй...): автореферат дис... канд. филол. наук.: 10.02.02 / Э.Шоев. – Душанбе, 1984. – 19 с.

257. Шокиров, Т. Лингвостилистические особенности произведений Фазлиддина Мухаммадиева: автореферат дис... канд. филол. наук: 10.02.02 / Т.Шокиров. – Душанбе, 1986. – 21 с.

В. На узбекском языке

258. Мухаммадиева, О. Бедил ва ахлоқий кадрийатлар фалсафаси. Монография / О.Мухаммадиева. – Тошкент: Янги нашр, 2016. – 168 с.

259. Фитрат, А. Бедил (Бир мажлисда). / А.Фитрат / Танланган асарлар. 5 ж. – Тошкент: Маънавият, 2010. – С.5-35.

Г. На персидском языке

260. بهار محمدتقی. سبک‌شناسی یا تاریخ تطور نثر فارسی. ج. 1-3. مونوگراف / م. بهار. تهران: امیر کبیر، 1373. ج. 1. -467س؛ ج. 2. -432س؛ ج. 3. -448س.

261. بیچکه ارژ. بیدل و بیدلگرایان. / ا. بیچکه. // کدکنی م. ش. شاعر آیینہا (بررسی سبک ہندی و شعر بیدل). تهران: آگاہ، 1379. س. 81-91.

262. ترقبہ‌ای، وحید عیدگاہ. کاربردہای زبانی سبکساز در غزل بیدل. / و. ا. ترقبہ‌ای // شبہ قارہ. فروردین 1392. ش. 1. س. 185-204.

263. حبیب، اسدالله. عبدالقادر بیدل در قلمرو تیوری ادبیات و نقد ادبی. // ا. حبیب // قند پارسی. - زمستان 1386 - بهار 1387 ه. ش. ش. 39-40. س. 88-109.
264. حسینی، حسن. بیدل، سپهری و سبک هندی. مونوگراف / ه. حسینی. تهران: سروش، 1387. 150-س.
265. خانلری، پرویز نائل. تاریخ زبان فارسی. در سه مجلد. مونوگراف / پ. ن. خانلری. تهران: فرهنگ نشر نو، 1387. ج. 1. 414-س.؛ ج. 2. 408-س.؛ ج. 3. 487-س.
266. خلیلی، خلیل‌الله. فیض قدس. / خ. خلیلی. -تهران: ال-هودا، 1383. 160-س.
267. سی مقاله در باره بیدل. گردآورنده محمد سرور پاکفر. کابل، 1986/1365. 402-س.
268. شریعت محمدجواد. دستور زبان فارسی. کتاب درسی / م. شریعت. تهران: اساطیر، 1371. - 459س.
269. شمیسا، سیروس. کلیات سبک‌شناسی. مونوگراف / س. شمیسا. تهران، 1373. 328-س.
270. شمیسا سیروس. سیر غزل در شعر فارسی (از آغاز تا امروز). مونوگراف / س. شمیسا. تهران: فردوس، 1375. 312-س.
271. شمیسا سیروس. سبک‌شناسی شعر (ویرایش دوم). مونوگراف / س. شمیسا. تهران: میت را، 1388. 420-س.
272. امیر خان محمد. به کلام بیدل اگر رسی. / خ. امیر. // قند پارسی. - زمستان 1386 - بهار 1387 ه. ش. ش. 39-40. س. 417-438.
273. فرشیدورد، خسرو. ترکیب و تحوّل آن در زبان فارسی. مونوگراف / خ. فرشیدورد. تهران: زوّار، 1389. 528-س.
274. قلیچ خانی حمیدریزا. اصطلاحات نسخ‌پردازی در دیوان بیدل دهلوی. مونوگراف / ه. قلیچ‌خانی. دیهلی نو، 1389. 331-س.
275. کاظمی، محمدکاظم. کلید در باز (رهیافتهایی در شعر بیدل). مونوگراف / م. کاظمی. تهران، 1387. 352-س.
276. کدکنی، محمدرضا شفیع. شاعر آینه‌ها (بررسی سبک هندی و شعر بیدل). مونوگراف / م. ش. کدکنی. -تهران، 1379. 338-س.
277. لزر ژیلیبر. دستور زبان فارسی معاصر. ترجمه می‌هستی بحرینی. توضیحات و حواشی هرمز می‌لانیان. کتاب درسی / ژ. لزر. تهران: هورموس، 1384. 334-س.
278. مجددی پ. بیدل‌شناسی. ج. 1. مونوگراف / پ. مجددی. کابل، 1350. 374-س.

279. مقرّبی، مصطفی. ترکیب در زبان فارسی. مونوگراف / م. مقرّبی. تهران: توس، 1372. - 170س.
280. هادی، نبی. عبدالقادر بیدل دهلوی. از زبان اردو ترجمه دکتر توفیق سبحانی. مونوگراف/نبی هادی. تهران، 1378. -208س.
281. همایونفرّوخ، عبدالرحیم. دستور جامی زبان فارسی. هفت جلد در یک مجلد. به کوشش رکن الدّین همایونفرّوخ. مونوگراف / ا. همایونفرّوخ. تهران: علی اکبر علمی، 1364. -1207س.

F. На иностранных языках

282. Lazard, G. Grammaire du persan contemporain. / G. Lazard. Paris, 1957.
283. Horn, P. Neupersische Schriftsprache, Grundriss der Iranischen Philologie I.B, 2. Abteilung, Strasbourg, 1898-1901.
284. Shaki, M. A study on nominal compounds in Neo-Persian. / M. Shaki. Praha, 1964

III. СЛОВАРИ

A. На таджикском языке

285. Айни, С. Луғати нимтафсилии тоҷикӣ барои забони адабии тоҷик. Куллиёт. Ҷ.12. / С.Айни. – Душанбе: Ирфон, 1976. – 564 с.
286. Ализода, И. Фарҳанги мухтасари «Шоҳнома». / И.Ализода. – Душанбе: Адиб, 1992. – 493 с.
287. Бурҳон, М. Бурҳони қотеъ. Таҳияи матн бо пешгуфтор, мулҳақот, тавзеҳот ва феҳристи А.Нуров. / М.Бурҳон. – Душанбе: Адиб, 1993. Ҷ.1. – 416 с.; Т.2, 2004. – 424 с.; Ҷ.3, 2014. – 400 с.
288. Гиёсуддин, М. Гиёс-ул-луғот. Иборат аз 3 ҷилд. Таҳияи матн бо пешгуфтор, мулҳақот, тавзеҳот ва феҳристи А.Нуров. / М.Гиёсуддин. – Душанбе: Адиб, 1987-1989. Ҷ.1. – 480 с.; Ҷ.2. – 416 с.; Ҷ.3. – 304 с.
289. Маҳмудов, М., Бердиев Б. Луғати мухтасари лаҳҷаҳои Бухоро. / М.Маҳмудов, Б.Бердиев. – Душанбе: Дониш, 1989. – 280 с.
290. Маҳмудов, М. Луғати шеваҳои забони тоҷикӣ. Ҷ.1. (А-О). / М.Маҳмудов, Ф.Ҷӯраев. – Душанбе: Дониш, 1997. – 289 с.

291. Махмудов, М. Фарҳанги гӯишҳои ҷанубии забони тоҷикӣ (нашри дуюм бо илова ва тасҳех). / М.Махмудов, Ғ.Ҷӯраев, Б.Бердиев. – Душанбе: Дониш, 2017. – 842 с.

292. Нуров, А. Фарҳанги осори Ҷомӣ. Иборат аз 2 ҷилд. / А.Нуров. – Душанбе: Сарредаксияи илмӣи Энциклопедияи советии тоҷик, 1984. Ҷ.1. – 536 с.; Ҷ.2. – 608 с.

293. Нуров, А. Фарҳанги ашъори Рӯдакӣ. / А.Нуров. – Душанбе: Маориф, 1990. – 368 с.

294. Тӯсӣ, А. Луғати фурс. Муқаддима, таҳия, таълиқот, ҳошия, луғат ва феҳристи Н.Ғиёсов. / А.Тӯсӣ. – Хучанд: Нури маърифат, 2015. – 492 с.

295. Фарҳанги забони тоҷикӣ (аз асри X то ибтидои асри XX). Дар 2 ҷилд (дар зери таҳрири М.Ш.Шукуров, В.А.Капранов, Р.Ҳошим, Н.А.Маъсумӣ). – М.: Советская энциклопедия, 1969. Ҷ.1. – 951 с.; Ҷ.2. – 949 с.

296. Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ. Иборат аз 2 ҷилд. Зери таҳрири С.Назарзода, А.Сангинов, С.Каримов, Ҳ.Султон. – Душанбе: Шучоӣён, 2010. Ҷ.1. – 996 с.; Ҷ.2. – 1095 с.

297. Шоҳаҳмад, А. Фарҳанги ашъори Камоли Хучандӣ. / А.Шоҳаҳмад. – Хучанд: Хуросон, 2015. – 736 с.

Б. На русском языке

298. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов. Издание второе, стереотипное. / О.С. Ахманова. – М.: Советская энциклопедия, 1969. – 606 с.

299. Персидско-русский словарь. В двух томах, под редакцией Ю.А.Рубинчика. – М.: Русский язык, 1985. Т.1. – 800 с. Т.2. – 864 с.

В. На узбекском языке

300. Ўзбек тилининг изоҳли луғати. 5 ҷилди. – Тошкент: Ўзбекистон миллий энциклопедияси, 2007-2008.

Г. На персидском языке

301. حبیب، اسدالله. واژه‌نامه شعر بیدل. / ا. حبیب. همبورگ، 2005. – 251 س.

302. حسندوست، محمد. فرهنگ ریشه‌شناختی زبان فارسی. ج. 1-4. / م. حسندوست. تهران: آثار، 1393. 2955-س.
303. دهخدا، علی‌اکبر. فرهنگ متوسط دهخدا. در دو مجلد (زیر نظر دوکتور سعیدجعفر شهیدی). / ا. دهخدا. تهران: مؤسسه انتشارات و چاپ دانشگاه تهران، 1385. ج. 1-2. 3224-س.
304. فرشیدورد، خسرو. فرهنگ پیشوندها و پسوندهای فارسی. همراه با گفتارهایی در باره دستور زبان فارسی. / خ. فرشیدورد. تهران: زوار، 1308. 576-س.
305. فرهنگ فارسی تاجیکی. در 2 جلد (زیر نظر م. ش. شکوراف، و. ا. کپرناو، ر. هاشم، ن. ا. معصومی). برگردان از خط سیریلیک و تصحیحات محسن شجاعی. تهران: فرهنگ معاصر، 1385. ج. 1-2. 1947-س.
306. معانی، احمد گلچین. فرهنگ اشعار صائب. در دو مجلد. / ا. گ. معانی. تهران: مؤسسه مطالعات و تحقیقات فرهنگی، 1365. ج. 1-2. 818-س.
307. معین، محمد. فرهنگ فارسی. در شش مجلد. / م. معین. تهران: امیر کبیر، 1375. ج. 1-4. - 5277 س؛ ج. 5-6. 2351-س.

IV. ЭЛЕКТРОННЫЕ ИСТОЧНИКИ

308. <https://ru.wikipedia.org/wiki/Татпуруша>
309. https://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/99743/Татпуруша
310. <https://ru.wikipedia.org/wiki/Бахуврихи>
311. <https://lektsia.info/ia/yazykoznanie-v-drevneii-indii-grammatika-panini>